

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Sokhomlinov, M. O drevnei russkoi lietopisi, kak
pamiatniki literaturnom. St. Petersburg, 1856.

В. 2
1856
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ.

О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ,

КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ЛИТЕРАТУРНОМУ.

СОЧИНЕНІЕ

М. И. СУХОМЛИНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

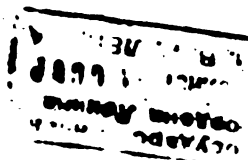
ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1856.

61-302029

891.79
5948
1856a

Отдельные оттиски из III-й книги Ученых Записокъ, издаваемыхъ
Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, Май, 1836 г.

За Непременнаго Секретаря
Академикъ К. Веселовскій.

О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ,

КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ.

Лѣтописи принадлежатъ безспорно къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ нашей древней словесности, какъ по многочисленности своей, такъ и по внутреннему достоинству. Разбланные по всему пространству Россіи, онѣ не рѣзкость и въ библиотекахъ иностранныхъ: въ Парижѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и въ другихъ Европейскихъ городахъ находятся списки Русскихъ лѣтописей¹. Достоинство содержанія лѣтописныхъ сборниковъ составляетъ причину того, что на нихъ обращали и обращаютъ особенное вниманіе при изученіи нашей старины. Въ ряду литературныхъ памятниковъ лѣтопись служитъ наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ образованности и быта нашихъ предковъ. Возникнувъ изъ требованій дѣйствительности, она шла рука объ руку съ жизнью народа, измѣняла и мѣсто, и видъ, и духъ свой съ измѣненіемъ мѣста и характера народной дѣятельности. Не случайно произошло появленіе лѣтописи, какъ памят-

1. Ср. Описание памятниковъ Славяно-Русской литературы, хранящихся въ библиотекахъ Германіи и Франціи, составл. С. Строевымъ. 1841. Отдѣленіе III стр. 79 и слѣд. — Несторъ, *Штецера*, I, стр. 96.

ника литературнаго: такъ же естественно было и ея прекраще-
ніе. Если и допускають въ послѣднемъ обстоятельствѣ вліяніе
вышнее, мѣры запретительныя, то самое употребленіе этихъ
мѣръ показываетъ, что условія быта нашего стали уже иныя,
отличавшія его отъ періода древняго, котораго правдивымъ сви-
дѣтелемъ была непрерывная лѣтопись.

Непрерываемая послѣдовательность въ лѣтописномъ
служить доказательствомъ его необходимости, вызываемой,
безъ сомнѣнія, временемъ и обстоятельствами. Тѣмъ охотнѣе
занимались составленіемъ лѣтописей и тѣмъ чаще справ-
лялись съ ними, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ потребно-
стей, которымъ могли онѣ удовлетворять. А этотъ кругъ
былъ довольно значителенъ по самому существу лѣто-
писи — у насъ, какъ и у другихъ народовъ. Желаніе и нужда
отмѣчать событія, кажушіяся почему либо важными, весьма
естественны для человѣка, на какой бы степени образованія онъ
ни находился. Поэтому краткія указанія замѣчательнѣйшихъ
произшествій, первообразъ лѣтописей, принадлежать у многихъ
народовъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ письменности.
Въ первоначальномъ своемъ видѣ лѣтописныя указанія пред-
ставляются ни чѣмъ инымъ, какъ календарными замѣтками.
Народы или части ихъ, незнающіе письменъ, употребляютъ
обыкновенно «черты и рѣзы», отмѣчая ими на кускахъ дерева
мѣсяцы и даже дни со всѣми праздниками: такого рода кален-
дари извѣстны какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы. Пись-
мена замѣняютъ собою черты и рѣзы, и даютъ возможность со-
хранить вполне воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и слу-
чаяхъ. Въ потребности сохранить его заключается первый зародышъ
лѣтописей. Съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ все
болѣе и болѣе достоинства, изъ календарныхъ замѣтокъ стано-
вятся лѣтописями въ настоящемъ смыслѣ слова.

Возбуждаемая невольнымъ стремленіемъ человѣка удер-
жать воспоминаніе о быломъ, лѣтописная дѣятельность рано
находитъ участіе и опору въ лицахъ, стоящихъ во главѣ
общества. По мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народа об-
щественное устройство, возникаетъ и потребность упрочить
его сохраненіемъ памяти о томъ, что освящено давнимъ

обычаемъ. Наши древніе князья повелѣвали вносить въ лѣтопись все, что случалось при нихъ, доброе и недоброе, съ совершенною истинною и безъ всякихъ украшеній: «первіи наши владѣтели безъ гнѣва повелѣваючи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ¹». Свидѣтельство Русской лѣтописи подтверждается подобными распоряженіями правительственныхъ лицъ у различныхъ народовъ, даже самыхъ несходныхъ по общественному быту. У одного изъ древнѣйшихъ народовъ Азии были такъ называемые исторіографы правой руки и исторіографы лѣвой руки: первые—для записыванья рѣчей государей, вторые—для записыванья ихъ дѣлъ. Совершенно такой же обычай существовалъ и на западѣ Европы. Въ средніе вѣка при дворѣ Британскомъ находились свѣдуніе люди, которые обязаны были записывать замѣчательные поступки и слова своихъ государей. Для избѣжанія лести записки эти могли быть обнаруживаемы не иначе, какъ по смерти уже владѣтельнаго лица и его дѣтей². Такое сходство учрежденія въ обществахъ совершенно противоположныхъ одно другому заставляетъ искать его источника въ необходимости имѣть лѣтопись, признаваемой правительственными лицами вообще, безъ различія народностей.

Всѣ важныя событія въ жизни народа, мѣры внутренняго управленія и сношеній внѣшнихъ вносились въ лѣтопись. Къ ней обращались въ случаѣ несогласія князей и городовъ между собою, для рѣшенія возникавшихъ тяжбъ и пріобрѣтенія отыскиваемыхъ правъ. Крамола жителей Вреста въ 1289 г. занесена по волѣ князя въ лѣтопись. «Берестыини, говоря лѣтописнымъ языкомъ, учинили бяхуть коромолу»—призвали къ себѣ на княженіе Юрія Львовича вмѣсто законнаго князя Мстислава Давидовича. За это Мстиславъ установилъ на нихъ «ловчее», подать, какой не бывало «азъ вѣка», и велѣлъ написать такую грамоту: «Се азъ князь Мстиславъ устанавлию ловчес на Берестыины и въ вѣки, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукиѣ меду, а

1. Русская лѣтопись по Никонову списку. Часть V, 1789, стр. 28.

2. Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie royale des Inscriptions et belles lettres. Tome XV. Paris, 1743, p. 387.

по двѣ овцѣ, и проч. А хто мое слово порушить, а станетъ со мною передъ Богомъ. А вопсалъ есмь въ *лѣтописецъ* коромолу ихъ¹. Во время спора Василия Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ о великокняжескомъ престолѣ «царь повелевъ своимъ княземъ судити князей Рускихъ, и много пребысть межю нжъ (ихъ). Князь великій по отечеству и по деденству искаше стола своего; князь же Юрій Дмитреевичъ, дядя его, *лѣтописцы* и старыми списки и духовною отца своего»². Подобное значеніе имѣли *лѣтописи* и западной Европѣ. Братъ Карла V по поводу несогласія съ папою Александрійскимъ велѣлъ внести въ *лѣтописи* поступка папы: «*dux A. Ianensis contra ipsum tantam indignationem concepit, quod eidem vivae vocis oraculo inhibuit ne consiliis regiis, nec quocunque alio ubi ipse principaliter esset, compareret, statuens quod viae ejus superfluae in Annalibus dicerentur*»³. Когда въ 1408 г. возникъ споръ между герцогомъ Орлеанскимъ и графиней Неверскою о владѣніи землею Руен, судьи обратились къ *лѣтописямъ*, веденнымъ при церкви св. Дионисія (*Chroniques de Saint-Denis*), и на основаніи ихъ свидетельства парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу графини⁴.

Возвращаясь къ Русской словесности, замѣчаемъ, что при всей необходимости имѣть *лѣтописи*, пригодныя въ практическомъ отношеніи, древнѣйшими памятниками являются *лѣтописи*, далеко превышающія требованія одной житейской пользы. Польза общая постоянно имѣлась въ виду; но понятіе ея было гораздо обширнѣе, нежели выгода какого-либо лица или даже области, ихъ перевѣсъ надъ стороною противною. Интересы высшіе, духовные являются на первомъ планѣ въ нашей древней *лѣтописи*: благо всей земли Руской, нравственное достоинство человека-христіанина, благотворное дѣйствіе подвиговъ, совершенныхъ предками — вотъ предметы, которые наиболее занимали *лѣтописцевъ* и вызывали ихъ къ общепользной дѣя-

1. Полное собраніе Русскихъ *лѣтописей*. Т. II, 1813, стр. 223—225.

2. Русская *лѣтопись* по Никонову списку. V, стр. 110.

3. *Memoires tirez des registres de l'Academie des inscriptions*. Tome XV, p. 395, b.

4. Тамъ же, стр. 391—393.

тельности, какъ полагали авторы. Общій взглядъ, проникающій въ летопись, отражается и въ частностяхъ, определяя выборъ того или другаго произшествія для описанія. Такъ, говоря о жестокой казни, постигшей мучителя Феодора, летописецъ приводитъ такую причину вношенія событія въ летопись: «Се же еписахомъ, да не наскакають и ѣци на святительскій санъ, но его же позоветъ Богъ: всякъ бо даръ свыше сходящій отъ Тебе, отъна свѣтомъ. Его же благословлять челоѡци, будетъ благословенъ; его же прокленутъ челоѡци, будетъ проклятъ¹». Здѣсь частный случай вошелъ въ летопись не только для того, чтобы сохранить память о зломъ епископѣ, погибшемъ въ 1169 году, но и съ цѣлю представить важность святительскаго сана и необходимость высшаго призванія къ нему, безъ котораго ничтожны всѣ усилія и заботы.

Довольно простаго чтенія летописей, чтобы замѣтить господствующее въ нихъ направленіе. Правда, въ многочисленныхъ спискахъ ихъ встрѣчаются статьи, имѣющія прямое отношеніе къ дѣйствительности, къ удобствамъ и выгодамъ жизни. Таковы: Русская Правда, договоры съ Греками, грамоты князей и тому подобныя памятники, помѣщенные въ летописяхъ. Но въѣсть съ тѣмъ въ нихъ находится много другаго рода извѣстій и статей, довольно обширныхъ; къ нимъ принадлежатъ: житія святыхъ, поученія и т. д. Вношеніе ихъ въ летопись показываетъ обширное значеніе послѣдней, совмѣстившей въ себѣ предметы разнородныя. Подобное совмѣщеніе могло произойти только отъ цѣлей литературныхъ, отъ намѣренія летописца помѣщать въ своемъ трудѣ вещи достопамятныя вообще, не предназначая его для какого либо исключительнаго употребленія; отъ желанія подѣлиться съ другими плодомъ своей начитанности и своихъ размышленій, и т. п. Составъ летописей во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ спискахъ заставляетъ признавать ее произведеніемъ литературнымъ. Съ этой точки зрѣнія разсматривается она и въ предлагаемомъ изслѣдованіи.

1. Полное собраніе Русскихъ летописей. I, 132.

I.

СПИСКИ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

При опредѣленіи свойствъ древней лѣтописи, какъ памятника литературнаго, всего надежнѣе руководствоваться самою древнею лѣтописью. Изъ разсмотрѣнія состава ея должны вытекать всѣ положенія касательно начала лѣтописной дѣятельности у насъ, ея дальнѣйшаго хода и различныхъ видоизмѣненій. Это же разсмотрѣніе должно опредѣлить самое понятіе древней лѣтописи, ея объемъ, содержаніе и характеръ. Поэтому прежде всего необходимо указать тотъ письменный памятникъ, который имѣетъ право назваться «древнею Русскою лѣтописью», и долженъ служить главнѣйшимъ источникомъ при изслѣдованіи особенностей ея, какъ произведенія литературнаго.

Списки лѣтописей нашихъ принадлежатъ нѣсколькимъ вѣкамъ, начиная съ XIV и до XVII. Отъ первой половины XIV вѣка мы имѣемъ списокъ лѣтописи сѣверной, Новгородской. Отъ второй половины XIV вѣка — такъ называемые списки Лаврентьевскіи, писанный въ 1377 году и заключающій событія до 6813 (1305) года, и Ипатьевскіи, оканчивающійся 6800 (1292) годомъ. Карамзинъ назвалъ Лаврентьевскій списокъ лучшимъ и древнѣйшимъ, и мнѣніе его сдѣлалось общепринятымъ, будучи подкрѣплено прекраснымъ изданіемъ Тимковского. Нельзя признавать Лаврентьевскій списокъ безусловно лучшимъ по внутреннему достоинству, но древность его неоспорима. Мнѣніе противное не выдерживаетъ критики. Арцыбышевъ полагалъ, что «Лаврентьевскіи списокъ, не дающій знать о прибытіи Рюрика въ Ладогу и называемый древнѣйшимъ, отнюдь не таковъ», основываясь на слѣдующемъ мѣстѣ Кіевской лѣтописи подъ 1198 (1199) годомъ: князь Рюрикъ заложилъ 10 іюля «стѣну каменну подъ церковью святаго Михаила у Дитпра, иже на Выдобычи, о нейже мнози не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися: 100 бо и 11 лѣтъ имать отнелъ же создана бысть церкви, и въ толико лѣтъ мнози же самодержци престоша, держащѣи столъ княженія Кіевскаго, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четири,

и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому»¹. Слѣдственно, замѣчаетъ Арцыбышевъ, Кіевская лѣтопись сочиняема была 1309 г. и старѣе Лаврентьевскаго списка 68 годами². Но въ лѣтописи положительно говорится, что сто одиннадцатъ лѣтъ прошло не отъ 1198 года, какъ принимаетъ Арцыбышевъ ($1198 + 111 = 1309$), а до 1198, т. е. до заложения стѣны отъ времени построения церкви Всеволодомъ ($1198 - 111 = 1087$). Арцыбышевъ руководствовался выпискою, помѣщенною у Карамзина, т. III, примѣч. 153, гдѣ заложение стѣны относится къ 1198, въ иныхъ же спискахъ о немъ упоминается подъ 1199, изъ котораго если вычтемъ 111, получимъ 1088. Дѣйствительно, подъ 1088 годомъ читаемъ: «священа бысть церковь святаго Михаила монастыря Всеволожа»³.

Къ XV и XVI вѣкамъ относятся списки Софійской лѣтописи и Кенигсбергскій. Къ XVI — XVIII в.: Воскресенскій, Ростовскій, Псково-Печерскій.

Мы назвали только списки наиболее замѣчательные; другіе же изъ извѣстныхъ принадлежатъ болѣею частью къ категоріи названныхъ нами⁴. Между списками: Лаврентьевскимъ, Пятъевскимъ, Кенигсбергскимъ и однородными съ ними находится весьма близкое сходство въ повѣствованіи до начала XII вѣка. Они не списаны одинъ съ другаго, а имѣли общій источникъ, какъ можно полагать по тому, что они взаимно дополняютъ себя и исправляютъ. Если въ XIV вѣкѣ было уже нѣсколько списковъ одной и той же лѣтописи, то значитъ самая лѣтопись составлена гораздо ранѣе. Списки Лаврентьевской категоріи, если можно допустить такое условное названіе, рѣзко отличаются отъ списковъ Новгородскихъ и содержаніемъ и способомъ изложенія. Списки: Софійскій, Воскресенскій, Псково-Печерскій и однородные съ ними по отношенію къ древней лѣтописи, заключающіе въ себѣ повѣствованіе съ древнѣйшихъ временъ до начала XII вѣка и гораздо далѣе, составлены по спискамъ Лаврентьевской категоріи съ различнаго рода дополненіями и

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. II, 152—153.

2. Повѣствованіе о Россіи, Арцыбышева. I, 16.

3. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 89.

4. О многочисленныхъ спискахъ Русскихъ лѣтописей см. Ученыя Записки Казанскаго университета, 1843, книжка II и III, стр. 3—33.

вставками, частью изъ древнихъ лѣтописей, частью позднѣйшими. Источникомъ ихъ служили также и лѣтописи Новгородскія. Слѣдовательно списки категоріи Софійской позднѣе по составу своему списковъ двухъ первыхъ категорій. Постараемся указать нѣкоторыя замѣчательныя особенности различныхъ списковъ, на сколько это нужно для рѣшенія вопроса о древнемъ текстѣ лѣтописи. При сличеніи ограничиваемся періодомъ до начала XII вѣка, именно до 1110 года, такъ какъ съ этого времени оказывается различіе между главнѣйшими списками, дающее знать о нѣкоторомъ измѣненіи въ дѣлѣ лѣтописномъ. Оставляя списки сходные между собою до начала XII вѣка, считаемъ нужнымъ указать на взаимное отношеніе списковъ: Лаврентьевскаго (и однородныхъ съ нимъ), Новгородскихъ, Софійскихъ, Воскресенскаго, Ростовскаго, Никоновскаго.

Сличая Лаврентьевскій списокъ съ «первою Новгородскою лѣтописью», держась названія, даннаго Археографическою Комиссіею, получаемъ слѣдующія данныя.

Въ Новгородской лѣтописи, обнимающей до 1110 года 94 года, не описано сорокъ шесть лѣтъ. Изъ нихъ только восемь не описано въ Лаврентьевской лѣтописи, остальные же описаны съ большею или меньшею подробностью.

Нѣкоторыя извѣстія въ Новгородской лѣтописи представляются какъ бы сокращеніями извѣстій Лаврентьевской, или, наоборотъ, Новгородская является какъ бы источникомъ Лаврентьевской, распространившей краткую замѣтку лѣтописи Новгородской:

Лаврентьевская лѣтопись.

Въ лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимѣръ, на Новѣгородъ, и зая Новѣгородъ, и поимъ Новгородѣ и имѣнне ихъ, поиде Полоцъску опять; и пришедшу ему къ Судомири рѣцѣ, и Ярославъ изъ Кыева въ 7 день постиже и ту, и побѣди Ярославъ Брячислава, и Новгородѣ во

1-я Новгородская лѣтопись.

Въ лѣто 6529 (1021). Побѣди Ярославъ Брячислава.

Лаврентьевская летопись.

роти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полоцку.

Въ лѣто 6545. Заложѣ Ярославъ городъ великій *Кыевъ*, у него же града суть Златая врата; заложѣ же и церковь святая *Софья*, митрополію, и по семъ церковь на золотыхъ воротѣхъ.... И при семъ нача вѣра хрестіанская плодѣтися и разширатѣ.... И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и т. д. и т. д.

Въ лѣто 6569. Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ мѣсяца *февраля* въ 2 день; и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавшие отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль (Сокаль).

1-я Новгородская летопись.

Въ лѣто 6545 (1037). Заложѣ Ярославъ городъ *Кыевъ* и церковь святая *Софія*.

Въ лѣто 6569 (1061). Придоша Половци первое, и побѣдиша Всеволода, мѣсяца *февраля* въ 2.

Въ такомъ же отношеніи между собою извѣстія подъ годами: 6547, 6551, 6562, 6568, 6575, 6576, 6586, 6599, 6601, 6605, 6609. Разница въ объемѣ повѣствованія огромная: такъ извѣстіе подъ 6601 годомъ занимаетъ въ Лавр. четыре страницы, а въ Новг. двѣ неполныя строки.

Иногда то же самое событіе описывается съ другими подробностями или въ другихъ выраженіяхъ:

Лаврентьевская летопись.

Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ, и стаха противу оба подъ *Дыбры*.... И воевода нача Святополчъ, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ, глаголя: «что придосте съ хромь-

1-я Новгородская летопись.

Подъ 6524 (1016).... (Начала недостаетъ)а вы плотници суще, а поставимъ вы хромъ рубити. И нача *Дыбръ* мръзнати. И бяше Ярославу мужъ въ пріязнь у Святополка,

Лаврентьевская летопись.

чемъ симъ, о вы плотници суше? а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ». Се слышавше Новгородци рѣша Ярославъ: «яко завтра перевеземъся на не; аще кто не поидеть съ нами, сами потнемъ.» Бѣ бо уже въ заморозъ; Святополкъ стояше межи двѣма озеромъ, и всю ночь пилъ бѣ съ дружиною своею; Ярославъ же завтра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И выйдъ на брегъ, отринуша лодѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ. Бысть съча зѣла, и не бѣ лѣзъ озеромъ Печенѣгомъ помогати, и притиснуша Святополка съ дружиною къ озеру, и вступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, Святополкъ же бѣжа въ Ляхы. Ярославъ же сѣде Кыевъ на столѣ отъни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28¹.

Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полоцьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънѣ, ставяше по улицѣ, яко челоуѣци рищюше бѣси; аще кто выгѣзаете изъ хоромины, хотя видѣти, абѣ уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и

1-я Новгородская летопись.

и посла къ нему Ярославъ ночью отрокъ свой, рекъ къ нему: онъ си! что ты тому велиши творити? меду мало варено, а дружины много. И рече ему мужъ тѣ: рчи тако Ярославу, даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру владти. И разумѣ Ярославъ, яко въ ночь велитъ сѣнися; и тѣмъ вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другиѣ полѣ Днѣпра, и лодь отринуша отъ берега, и той нощи поидоша въ сѣню. И рече Ярославъ дружинѣ: знаменантеся, повиванте собѣ уборы головы. И бысть сѣчи зѣла, и до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Кыеву, и сѣдѣ на столѣ отца своего Володимира; и нача вое свое дѣлати: старостамъ по 10 гривнѣ, а смердомъ по гривнѣ, а Новѣгородъчемъ по 10 всѣмъ; и отпусти я домовъ вся².

Въ лѣто 6600 (1092). Нанде рана на Полочанъ, яко нѣкако баше ходити по улицамъ, яко мѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто изъ истыбы выгѣзеть, напрасно убыенъ бываше невидимо³.

1. Полное собраніе Русскихъ летописей. I, стр. 61.

2. Тамъ же. III, стр. 1.

3. Тамъ же. III, стр. 3.

Лаврентьевская летопись.

съ того умираху; и не смяху
излазити изъ хоромъ. Посемъ
же начаша въ дне являтися на
конихъ, и не бѣ ихъ видѣти
самѣхъ, но конь ихъ видѣти
копыта, и т. д.¹.

1-я Новгородская летопись.

Подъ нѣкоторыми годами сообщаются извѣстія совершенно
различныя:

Лаврентьевская летопись.

Въ лѣто 6558. Преставися
княгиня Ярославля.

— Въ лѣто 6585. Поиде Изя-
славъ въ Ляхы, Всеволодъ же
поиде противу ему. Сѣде Бо-
рисъ Черниговъ мѣсяца мая
4 день, и бысть княжесья его
8 дній, и бѣжа Тмутороканю
къ Ромаши. Всеволодъ же
иде противу брату Изяславу на
Волынъ, и створиша миръ, и
пришедъ Изяславъ сѣдѣ Кие-
вѣ мѣсяца іуля 15 день. Олегъ
же, сынъ Святославъ, бѣ у
Всеволода Черниговъ².

1-я Новгородская летопись.

Въ лѣто 6558 (1050). Родися
Святопѣлкъ.

Въ лѣто 6585 (1077). Пре-
ставися Ѳеодоръ, архепископъ
Новгородскыи.

Различіе въ выборѣ событій зависитъ большею частью отъ
мѣстности летописцевъ. Житель Кіева болѣе обращаетъ внима-
ніе на то, что происходило близко его родины, въ южной Рос-
сін; Новгородецъ болѣе интересуется событіями сѣверной Руси
и въ особенности самого Новгорода. Подъ 6616 г. Лаврентьев-
ская летопись говоритъ о построеніи церкви Кіевскихъ, а Нов-
городская объ украшеніи св. Софіи. Св. Софія имѣла большое
значеніе въ исторіи Новгорода, и въ летописи Новгородской съ
точностью упоминаются обстоятельства, касающіяся Софійскаго
храма. Не смотря на обычную краткость выраженія, рѣзко от-

1. Тамъ же. I, стр. 92.

2. Тамъ же. I, стр. 85.

личающую лѣтопись сѣверную отъ южной, Новгородская лѣтопись не скупится на подробности, когда рѣчь идетъ о св. Софіи. Подъ 6553 г. сказано въ Лаврентьевской: «заложи Володимерь святую Софію Новѣгородѣ». Въ Новгородской извѣстіе этого года читается полнѣе: «сѣгорѣ святая Софія, въ субботу, по заутрѣни, въ часъ 3, мѣсяца марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія, Новѣгородѣ, Володимиромъ княземъ». При разсказѣ о несчастіи, постигшемъ Новгородъ, въ Лаврентьевской лѣтописи господствуетъ тотъ же спокойный тонъ, которымъ отличается все повѣствованіе. Но иначе передаетъ печальную вѣсть лѣтопись Новгородская; горестное чувство высказывается въ ней живо, хотя сжатый разсказъ, соответствующій характеру самой лѣтописи, не даетъ простора для изліянія душевныхъ движеній. Подъ 6574 (1066) въ Лаврентьевской лѣтописи такъ говорится о взятіи Новгорода: «заратися Всеславъ, сынъ Брячиславъ, Полочскѣ, и зая Новѣгородъ, Ярославичи же тріе, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ», и т. д.¹ Изъ ряда извѣстій Лаврентьевской лѣтописи въ Новгородской находится только одно — самое взятіе Новгорода, безъ дальнѣйшаго хода войны: «приде Всеславъ и взя Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми. И колоколы съима у святыя Софіѣ. О велика бѣда въ часъ тыи! И понекадила съима». Впрочемъ различіе тона и способа выраженія никакъ нельзя приписать намѣренному равнодушію лѣтописцевъ къ судьбѣ другаго края своего отечества. Количество свѣдѣній о Новгородской исторіи, находящихся въ Лаврентьевской лѣтописи, служитъ доказательствомъ участія авторовъ ея къ событіямъ сѣверной Руси. Въ свою очередь Новгородская лѣтопись не забываетъ Кіева, и иногда сообщаетъ о Кіевскихъ дѣлахъ то, чего не отмѣчено и въ лѣтописи Лаврентьевской. Подъ 6617 (1109) г. въ Лаврентьевск.: «преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца іулія въ 10 день, и положена бысть въ Черскомъ монастырѣ у дверіи, яже ко угу; и сдѣлаша надъ нею божонку, идѣже лежитъ тѣло ея. Въ то же лѣто мѣсяца декабря въ 2 день Дмитръ Иворовичъ взя вежѣ Половечскыѣ у

1. Тамъ же. I, стр. 71.

Дону». Въ Новгородской подъ тѣмъ же годомъ: «бысть вода велика въ Дытпри, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ. И кончаша тръпезницу *Печерскаго* монастыря. Въ то же лѣто заложена бысть церкви княземъ Святоплъкомъ, *Кыевъ*». Здѣсь Новгородская лѣтопись дополняетъ Лаврентьевскую, какъ въ иныхъ случаяхъ Лаврентьевская дополняетъ Новгородскую. Въ послѣдней: «въ лѣто 6560 (1052) преставися Володимиръ, сынъ Ярославъ, въ Новѣгородѣ, мѣсяца октябрю въ 4». Въ Лаврентьевск.: «пре- ставися Володимеръ, сынъ Ярославъ старѣйшій, Новѣгородѣ, и положенъ бысть въ святѣй Софьи, юже бѣ самъ создатъ».

Отъ лѣтописей Новгородской и Лаврентьевской переходимъ къ находящимся съ ними въ связи сборникамъ *Софійскимъ*. Составъ такъ называемой 1-й Софійской лѣтописи показываетъ, что образцомъ ея былъ списокъ Лаврентьевской категоріи. Въ ней описываются болѣею частью тѣ же предметы, въ такой же послѣдовательности и съ такою же полнотою, какъ и въ Лаврентьевской. Тѣмъ не менѣе очевидны несходство между ними и позднѣйшій составъ Софійской. Въ текстѣ ея находится нѣсколько вставокъ; недостаетъ нѣсколькихъ извѣстій, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такія, которыя не отмѣчены въ Лаврентьевской; нѣкоторые описанія сокращены, другія добавлены. Послѣднія заставляютъ полагать, что при составленіи Софійскихъ лѣтописей отчасти одними и тѣми же источниками пользовались не одинаково; отчасти же употребляли и различные источники. Передъ началомъ повѣствованія съ означеніемъ годовъ, т. е. передъ словами «въ лѣто 6360. Наченшу Михаилу царствовати, начаса прозывати Русская земля», вставлены двѣ небольшія статьи. Въ одной говорится, что Кіевъ получилъ названіе отъ Кія, какъ Римъ отъ царя Рима, Антиохія отъ Антиоха, Селевкія отъ Селевка, Александрія отъ Александра. О Кіѣ сказано: «его же древле нарицають перевозника бывша, ниин же яко и ловы дѣяше около града своего», а нѣсколько выше повторены слова Лаврентьевской лѣтописи: «ниин же не съвѣдуше глаголють, яко Кіи есть перевозникъ былъ». Вторая вставка носитъ заглавіе: «о началѣ

Русьскія земля и о князѣхъ, како и откуда быша». Въ ней упоминается о счастливыхъ былыхъ временахъ, когда князья не собирали большихъ имѣній, не налагали виръ и продажъ; дружина воевала чужія земли; жены ходили въ серебрѣ и не носили золотыхъ обручей. Но «за наше несытьство — замѣчаетъ лѣтописецъ, современный Монгольскому игу — навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣмъ суть; а мы злыхъ своихъ не оставемъ».

Годы 6510 — 6518 не описаны въ Софійской лѣтописи; въ Лаврентьевской подъ двумя изъ ихъ краткія извѣстія: «въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ сынъ Няславъ, внукъ Володимерь. Въ лѣто 6515. Перенесени святѣи въ святую Богородицю». Наоборотъ, подъ 6375 годомъ, не описаннымъ въ Лаврентьевской, въ Софійской замѣтка: «тишина бысть».

Извѣстіе подъ 6599 есть самое сжатое сокращеніе повѣствованія Лаврентьевской лѣтописи — о перенесеніи мощей св. Феодосія. Такое же сокращеніе и въ извѣстіяхъ 6601 г. и 6605 года, подъ которымъ помѣщенъ разсказъ Василія, внесенный въ Несторову лѣтопись. Съ другой стороны и некоторые годы описаны въ Софійской подробнѣе. Такъ подъ 6529 (1021) г. въ Лаврентьевской: «приде Брячиславъ, сынъ Няславъ, внукъ Володимерь, на Новъгородъ, и зяя Новъгородъ, и пр. (см. выше, стр. 12). Въ Софійской: «Поиде Брячиславъ князь, сынъ Няславъ, внукъ Володимеровъ, съ вои изъ Полоутьска на Новъгородъ, и взя Новъгородъ, и поимъ Новгородци, и имѣніе ихъ, и весь полонъ и скоты, поиде къ Полоутьску. И пришедшу ему къ Судимирѣ рѣцѣ, великій же князь Ярославъ слышавъ ту вѣсть, и совкупи вои многи, изъ Кіева въ седмый день постиже ту, и побѣди Брячислава, а Новгородци отпусти къ Новугороду, и полонъ отъ него отъя, елико бѣше Новгородскія волюсти; а Брячиславъ бѣжа къ Полоутьску. И отътогъ призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два города Вьсвичъ и Видбескъ, и рече ему: «буди же со мною заодногъ». И восваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живогъ»¹. Въ такомъ же видѣ это извѣстіе находится и въ Никоновской лѣтописи.

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, стр. 131.

Дополненія къ лѣтописи Лаврентьевской заимствованы преимущественно изъ лѣтописей Новгородскихъ. Таковы извѣстія подъ 6538, 6586 и другими годами. Въ Лаврентьевской: «въ лѣто 6538 (1030) Ярославъ Бѣльзъ взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Семъ же лѣтъ иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. Въ се же время умре Болеславъ великій въ Лясѣхъ, и бысть мятежъ въ земли Лядскѣ: вставше людье избивша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежъ»¹. Въ Новгородской второй: «въ лѣто 6538. Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и быше ученикъ его Еѣремъ, иже ны учааше»². Въ Софійской: «въ лѣто 6538. Великій князь Ярославъ Бѣльзъ взялъ. Того же лѣта родися Ярославу четвертый сынъ, и варече имя ему Всеволодъ. Того же лѣта иде великій князь Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. И прииде къ Новугороду, собра отъ старость и поновыхъ дѣтей 300 учти книгамъ. Того же лѣта преставися архіепископъ Новугородскій Акимъ; быше ученикъ его Еѣремъ, же ны учааше. Въ се же время умре князь великій Болеславъ въ Лясѣхъ, и бысть мятежъ въ земли Лядской, и вставше людие, избивша епископы, и попове, и бояре своя»³. Все это и въ такомъ же порядкѣ помѣщено и въ Никоновской.

Въ Софійской больше заимствованій изъ хроникъ Византійскихъ, нежели въ Лаврентьевской, что составляетъ новую черту сходства съ Никоновской. Но въ последней выписки изъ Греческихъ лѣтописей пространнѣе, а въ Софійской ограничиваются нѣсколькими строками или даже словами. Обширное описаніе событіи 6479 (971) года начинается въ Лаврентьевской словами: «приде Святославъ въ Переяславенъ, и затворишася Болгаре въ градъ»⁴, а въ Софійской: «царьствова Василей и Косыянтинъ въ Цариградѣ. И приде Святославъ въ Переяславенъ, и затворишася Болгаре въ градъ»⁵. Подъ 6376 (868) г.

1. Тамъ же. I, стр. 61.

2. Тамъ же. III, стр. 122.

3. Тамъ же. V, стр. 136.

4. Тамъ же. I, стр. 29.

5. Тамъ же. V, стр. 108.

въ Лаврентьевской: «Поча царствовати Василии»¹; въ Софійской: «нача царствовати Василие, сынъ Михайловъ, лѣтъ 18 и мѣсяць 11. При семь трусъ бысть въ Цариградѣ 40 днѣй, по ченъ на святаго Полукта»².

Особенность состава Софійской лѣтописи обозначается въ способѣ записанія отдѣльных повѣствованій. Такъ статьи, названныя въ рукописи: «убіеніе Бориса князя» и «убіеніе Глѣбово»³ суть полныя выписки изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго монаху Іакову. Въ Лаврентьевскомъ тѣ же выписки значительно сокращены. Разсказъ о Варягѣ и сынѣ его⁴, пострадавшихъ въ 983 году за вѣру, изложенъ въ Софійскомъ сообразитѣ съ повѣствованіемъ, находящимся въ прологахъ, и т. п. Во многихъ спискахъ Софійской лѣтописи находятся: Русская Правда, Судебникъ царя Константина, и другія вносныя статьи.

Названіе Софійскаго временника придается въ рукописяхъ и лѣтописи *Воскресенской*; но она представляетъ значительныя отличія отъ Софійской. Гораздо болѣе сходства имѣетъ она до начала XII вѣка съ Лаврентьевскою и Ипатьевскою, отличаясь отъ нихъ позднимъ составомъ и большимъ количествомъ вставокъ. Оканчивается 1347 годомъ. Съ Новгородскими же лѣтописями сходства не представляетъ. Она напечатана въ 1793 г. при Академіи Наукъ съ рукописи, принадлежащей Академіи и называющейся: «Лѣтописецъ Воскресенскій»; по каталогу, напечатанному въ 1818 г., значится подъ № 10. Изданіе слѣдуетъ съ соблюденіемъ самаго близкаго сходства съ рукописью. Удержаны даже явныя ошибки писцовъ и знаки прерыванія, затрудняющіе чтеніе. Только сокращенія, надстрочные знаки и буквы, которыхъ нѣтъ въ гражданской печати, замѣнены полнымъ написаніемъ словъ и буквами употребительными. Выѣсто: быѣ, раѣ, егыпѣлж, властодрѣжа, какъ въ рукописи, напеча-

1. Тамъ же. I, стр. 9.

2. Тамъ же. V, стр. 89.

3. Тамъ же. V, стр. 125 и слѣд.

4. Тамъ же. V, стр. 113—114.

тапо: бысть, рядъ, Египтъя, властодръжъна. По буквы употребительныя оставлены безъ перемѣны и въ очевидныхъ неправо-
вильностяхъ, какъ напримѣръ: «посла къ Боголодоу (=Рого-
володу) Полоутицкому»; «Игорь совокупи воды (=вои) многи
Варяги Русь и Поляне и Словѣны и Кривичи». Чтобы видѣть,
до какой степени простиралась точность издателей даже въ зна-
кахъ пренія, приведу нѣсколько строкъ, по рукописи и по
печатному изданію.

Рукоп. (л. 124).

Полапомъ же живущимъ ѿ се-
бѣ. и владѣющимъ роды свои-
ми. еже и до сее братии бѣа-
хоу Поляне. и живяху каждо
на своихъ мѣстехъ с родомъ
своимъ и быша три братіа...

Печати. I, стр. 63.

Поляномъ же живущимъ о
себѣ. и владѣющимъ роды
своими. еже и до сее братии
бѣяхоу Поляне. и живяху
каждо на своихъ мѣстехъ с ро-
домъ своимъ и быша три бра-
тіа...

Въ рукописи отдѣлены одно отъ другаго только тѣ слова,
между которыми есть знакъ пренія; остальные писаны
слитно. Къ изданію не приложено рѣшительно никакихъ
объясненій или замѣтокъ; нѣтъ даже предисловія, такъ что са-
мое имя издателя остается неизвѣстнымъ. Новое изданіе Вос-
кресенской лѣтописи готовится Археографическою Ком-
миссіею въ ожидаемомъ VII томѣ Полнаго собранія Русскихъ
лѣтописей¹.

Въ число рукописей, по которымъ издается Воскресенская
лѣтопись, включенъ списокъ *Ростовскій*. По составу своему онъ
весьма любопытенъ, и потому считаемъ нужнымъ сказать о
немъ подробно, тѣмъ болѣе, что онъ еще не извѣстенъ въ пе-
чати. «Ростовскій лѣтописецъ» писанъ въ концѣ XVII вѣка; при-
надлежалъ некогда князю Сергію Дмитриевичу Кантемиру; по-
даренъ имъ Бантиновъ-Каменскому, отдавшему рукопись на

1. Воскресенскій списокъ описанъ г. Перевощиковымъ въ его сочиненіи о
Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ. Гораздо подробнѣе описанъ
онъ въ Библиографическомъ обзорѣ Русскихъ лѣтописей, *А. Полнова*, 1830,
стр. 73—81. Г. *Погодинъ* говоритъ о Воскресенскомъ спискѣ въ своихъ Исследо-
ваніяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи, IV. 71—73.

всегда Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Теперь Ростовскій списокъ принадлежитъ Московскому Архиву Министерства иностранныхъ дѣлъ, и отсюда взять на время въ Археографическую комиссію. Извѣстіемъ подъ 7047 годомъ объ уродѣ о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ, рожденномъ въ Новгородѣ, прерывается хронологическая послѣдовательность. Непосредственно за этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ: «въ лѣто 6956. Бысть брань между митрополитомъ Геронтіемъ и Васьяномъ» и т. д. Далѣе идутъ другія извѣстія, и за описаніемъ прибытія Іоанна IV въ Новгородъ помѣщена «о началѣ Руси выиска и печатнаго исторіа Кіевскаго». Потомъ повѣствованіе о различныхъ происшествіяхъ, частью въ хронологическомъ порядкѣ, частью отдѣльными статьями, до кончины Феодора Алексѣевича. Далѣе вписаны ярыки, и нѣсколько другихъ статей, какъ то: житіе князя Іосафа, и наконецъ сказаніе «о царѣ Казаринѣ и его царствѣ», которымъ и заключается рукопись.

Отличительнымъ вѣнчимъ признакомъ Ростовскаго списка можно считать: красивое письмо, раздѣльное написаніе словъ и употребленіе знаковъ препинанія. Въ другихъ спискахъ обыкновенно употребляется одна точка, въ разныхъ значеніяхъ, или же и двоеточіе въ значеніи современной точки. Въ Ростовскомъ есть и точки, и запятая, и точки съ запятыми, и двоеточія, и знакъ восклицательный, постоянно слѣдующій за глаголомъ: *удивлятьсѣ*. Вотъ примѣръ изъ описанія путешествія Апостола Андрея: «и поиде по Днепру в верхъ и прииде в Слованы: и въже ѿѣхъ великій Новъградъ. и видѣ ту люди сущіа како есть обычаи имѣтъ, и како мыются в бани: и удивисѣ имъ! и иде в Вараги, и прииде въ Римъ, и исповѣда елико научи, и елико видѣ. и рече имъ: дивно видѣхъ землю Словенскѣ, и дѣшѣ ми сѣмо. видѣхъ бани древланы, и в нихъ много каменій, и пережгутъ каменъ той русмано, и идѣтъ в баню и разволокутъсѣ и бѣдѣтъ нази, и обліются квасомъ кислымъ, и возмѣтъ на сѣ прѣтѣе младое, и бѣютсѣ сами. и того сѣ добіютъ, егда излѣзутъ ели живи, и обліются водою студенною, и тако оживутъ, и то творять по всѣ дни, не мѣчимъ пикии же: но сами сѣ мѣчатъ. и то творять омовеніе сѣбѣ, а не ѣченіе: и то слышавше Римляне дивлахѣсѣ! Андрееви же бывшу в Римѣ, и т. д.

По содержанию своему Ростовский список представляется позднѣйшею переработкою Воскресенскаго. Во многомъ между обоими списками совершенное сходство и въ расположеніи частей, и въ самыхъ выраженіяхъ. Но, держась текста Воскресенской лѣтописи, Ростовский списокъ въ иныхъ случаяхъ дополняетъ ее новыми извѣстіями, въ другихъ сокращаетъ ее разсказъ или вовсе пропускаетъ нѣкоторыя статьи.

Списокъ начинается перечнемъ лѣтъ, слѣдующихъ непосредственно за заглавіемъ: «Лѣтоисчисль»: отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; отъ потопа до раздѣленія языковъ 530, и т. д. Изъ Русскихъ происшествій отмѣчены приходъ Рюрика и крещеніе Русской земли: «а въ Россіи нача княжити Рюрикъ 6370. Отъ предложенія книгъ до крещенія Россіанъ 123. А отъ крещенія до конца 7-я тысящи лѣтъ 504». За тѣмъ идетъ «повѣсть временныхъ лѣтъ» съ различными замѣненіями сравнительно съ текстомъ списковъ болѣе древнихъ.

Добавленія въ родѣ слѣдующихъ: Въ Воскресенскомъ читается: «О Оугрѣхъ. В лѣто 6406. Идоша Оугри мимо Кіевъ горою»¹ и т. д. Въ Ростовскомъ: «О Хгрѣхъ. В лѣто 6395. Леонъ црѣвова сынъ Василіевъ, иже и Левъ прозвася и братія его Александръ, иже царствоваста лѣт 25. Вкупѣ се лѣта собираютца: отъ перваго лѣта Олгова, понесе се дѣ в Кіевѣ, и пр. Здѣсь помѣщены: перечень лѣтъ до битвы при Калкѣ; имена князей, отъ дѣтей Владимира Мономаха до сына Іоанна III, князя Івана, и названія митрополій Греческихъ и епископій Русскихъ. Начало этого добавленія находится въ Лаврентьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6395. Леонъ царствова, сынъ Василіевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Александръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6»². Все остальное — въ Соловьевской первой лѣтописи подъ 1395 годомъ и далѣе до 6406 г.³

Въ Воскресенскомъ списокѣ: «В лѣто 6558. Священа церковь святаа Соонія в Новѣгородѣ на воздвигненіе честнаго креста, повелѣніемъ великаго князя Ярославъ. Того же лѣта пре-

1. Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. 1 часть, 1793, стр. 76

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. 10.

3. Тамъ же. V. 90—91.

ставился княгини Ярославля Оев. 10. В лѣто 6559. Постави Ярославъ Дариона (=Иларіона) митрополитомъ Русинамъ свѣтъ Софін в Києвѣ собравъ епископы. В лѣто 6560. Преставился князь великий Володимѣръ Ярославичъ в Новѣ городѣ, и пр.¹. В. Ростовскомъ: «въ лѣто 6558. Сімена бысть ѿрковъ ѿтыя Софін въ Новѣ городѣ, на воздвиженіе честнаго креста повелѣзіемъ великаго князя Ярослава и сына его Владиміра. Святитель архіепископъ Лука Новгородскій, а дѣлаша ю 7 лѣтъ, а служили въ ту 7 лѣтъ священники во Іоакимъ и Анны. И устрои въ церковь, приведоша иконописцы изъ Царя града, и начаши подписывати церковь и во главѣ написана образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со благословящею рукою, и во утрій день видѣ архіепископъ Лука образъ Спасовъ не благословящею рукою. Писцы же писаша по 3 утра, на 4-е же утро гласъ бысть отъ образа Господня, глаголютъ: писари, писари, о писари, не пишите мене со благословящею рукою, но пишите мене сакагою рукою: азъ бо въ той руцѣ моей держу Новъ градъ, и егда рука моя распрострется, тогда будетъ скончаніе Нову граду. Того же лѣта преставился княгиня Ярославля Февраля въ 10 день. В лѣто 6559 постави Ярославъ митрополита Иларіона Русина во свѣтъ Софін Києву, собравъ свои епископы. И се да скажемъ, чесо ради прозвася печерскій монастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящу Берестовое, и т. д. — все сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, заключающееся словами: «се же написахомъ и положихомъ, въ кое лѣто поча быти монастырь сей, и что ради зовется Печерскій, а о житіи Θεодосіевъ наки скажемъ». Добавленіе подъ 6558 г. читается въ Новгородской 3-й лѣтописи², а подъ 6559 г. повѣсть о монастырѣ Печерскомъ въ томъ же видѣ — въ Лаврентьевской лѣтописи³. Добавленія подъ 6568 (6567), 6578 и другіими годами — о епископахъ Новгородскихъ: Лукѣ, Θεодорѣ и др. заимствованы изъ Новгородскихъ лѣтописей⁴. Изъ при-

1. Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, 188.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, 211.

3. Тамъ же, I, 67—69.

4. Тамъ же. III, 122, 212 и др.

веденныхъ данныхъ можно видѣть, что Ростовскій списокъ составлялся при помощи троякаго рода списковъ: прежде всего Воскресенскаго, потомъ списковъ Лаврентьевской категоріи и Новгородскихъ.

Беседа Греческаго миссіонера съ Владиміромъ, во всей подробности внесенная въ списокъ Воскресенскій, занимая тамъ 14 страницъ¹, передана въ Ростовскомъ въ нѣсколькихъ строкахъ. А именно: «нача ѿдѣловъ гл҃ати ѿ начала иѡвѣ и земли вса по раду, ѿ Адама до потопа, ѿ потопа до преселеніа Вавилонскаго, ѿ преселеніа Вавилонскаго до Деда іѡра и до Августа и до Ржтва Хр҃гова, и до кр҃щеніа его и до стр҃ти Гд҃ни, и воскр҃снїи и на нѡса вознѣствїи. Семѣ же гл҃омѣ Владимиръ же славиѣ поелѣша». И рече Владимиръ: что ради ѿ жены родиха» и пр. Отсюда рассказъ сходенъ съ помѣщеннымъ въ Воскресенскомъ спискѣ.

Пропущено въ Ростовскомъ все то, что находится въ Воскресенскомъ до начала временника Пестора. Выпущены: статья о Кїѣ, основателѣ Кїева, подобно Антиоху, основателю Антиохїи, и обращеніе къ читателямъ² — вставки, находящіяся и въ Софійской лѣтописи; доказательство родства Рюрика съ Августомъ; похвала Владимиру Святому и т. п.³.

Къ спискамъ позднѣйшимъ относится, не столько по составу, сколько по языку, списокъ *Никоновскій*. По составу своему онъ представляетъ много общаго со списками древними, хотя и не можетъ быть включенъ въ ихъ число. Въ Никоновскомъ рядъ погодныхъ извѣстій и отдѣльныя статьи, внесенныя въ лѣтопись, находятся въ томъ же видѣ, какъ и въ Лаврентьевскомъ. Изъ отдѣльныхъ частей можно указать на повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря и на сказаніе о Борисѣ и Гл҃ѣбѣ. Последнее изложено совершенно одинаково въ обоихъ спискахъ; чего нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, а есть въ другихъ: Платьев-

1. Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, 126—140.

2. Тамъ же. 69—70.

3. Руская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, стр. 71—72, 161—162 и др.

скомъ, Хлѣбниковскомъ и т. д., того нѣтъ и въ Никоновскомъ. Описаніе однихъ и тѣхъ же событій въ Никоновскомъ иногда подробнѣе, нежели въ Лаврентьевскомъ, что указываетъ отчасти на большее число источниковъ, отчасти же на позднѣйшую редакцію. Въ первомъ случаѣ Никоновскій списокъ можетъ служить дополненіемъ Лаврентьевскому. Такъ годы 6372, 6373, 6375 и другіе, не описанныя въ Лаврентьевскомъ, описаны въ Никоновскомъ. Подъ 6375 г. отмѣчены слѣдующія событія: «возвратишася Аскольдъ и Диръ от Царяграда в мале дружине, и бысть в Кіеве плачь велиі. Того же лѣта бысть в Кіеве гладъ велиі. Того же лѣта избѣша множество Печенегъ Оскольдъ и Диръ. Того же лѣта, избежаша от Рюрика из Новгорода в Кіевъ много Новгородскихъ мужей»¹. Подобныя замѣтки дѣлаются обыкновенно во время близкое къ событію: въ XVI вѣкѣ нельзя было записать по памяти, что въ 867-мъ году былъ голодъ въ Кіевѣ.

Замѣчательная особенность Никоновскаго списка въ сравненіи съ другими состоитъ въ большемъ числѣ пространныхъ выписокъ изъ Греческихъ хроникъ. Одна выписка подъ 1054 годомъ помѣщена на шести печатныхъ страницахъ, между тѣмъ какъ Русскія событія этого года занимаютъ не болѣе одной страницы.

Языкъ Никоновскаго списка новѣ языка списка Лаврентьевскаго. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія разсказа ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ Лаврентьевскомъ: «Володимерь же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимерь же возвратися въ Кіевъ съ побѣдою и съ славою великою.... Повелѣ исковати лжицѣ сребренны ясти дружину, рекъ сине, яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружину, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣлъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимерь любя дружину, и съ ними думая о строивъ земельмъ, и о ратехъ, и уставѣ земельмъ. И бѣ жива съ князи околными миромъ.... и бѣ миръ межю ими и любви. Живяше же Володимерь въ страстѣ

1. Русская лѣтопись по Никонову списку, I, 17.

Божьи»¹, и т. д. Въ Никоновскомъ: «Сотвори отрока того великимъ вежливою, такожъ и отца его великимъ величествомъ почете, и весь родъ его. И иде в Кіевъ радуясь со славою и побѣдою.... Бѣ же Володимеръ мѣлостивъ и щедръ и даровитъ, и сие слово присно глаголя, яко серебромъ и златомъ не имамъ добыти дружины, но дружиною добуду серебра и злата. И сие зело любяще Владимиръ дружину, и с ними думая о божественней дѣраве Руской, и о всемъ земскомъ устроении. Живяще же в мире и в любви и со окольными странами, и с короли.... і бѣ любя Володимеръ зело божественныхъ словесъ прочитаніе, и снхъ сладостно много наслаждался; и бѣ всегда в страхе божественнемъ, и в тиxости, и во умилении, и в слезахъ; и ко всемъ челоувѣкомъ кротость и тихость велиа»².

Никоновскій списокъ простирается до 1630 года. Онъ изданъ при Академіи Наукъ, въ 8 частяхъ, 1767—1792 г. Изданіе перваго тома и предисловіе къ нему принадлежатъ Шлецеру; сотрудникомъ Шлецера при изданіи былъ академическій переводчикъ Банниковъ.

На основаніи предложеннаго сличенія нѣсколькихъ списковъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Большею, сравнительно съ другими, древностію состава отличаются списки Лаврентьевской категоріи и Новгородскіе, а потому въ этихъ двухъ родахъ списковъ надобно искать текста древней лѣтописи.

2) Списки Лаврентьевской категоріи и Новгородскіе составлены независимо одинъ отъ другихъ: поэтому можно допустить одинаково древнее появленіе лѣтописной дѣятельности на югѣ и на сѣверѣ Россіи, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ. Древнѣйшій списокъ Новгородскихъ лѣтописей начинается 1016 годомъ, слѣдовательно въ немъ недостаетъ 163 лѣтъ сравнительно съ Лаврентьевскимъ, начинающимъ счетъ лѣтъ съ 852 года. При томъ въ Новгородскомъ сохранились только краткія замѣтки о событіяхъ древняго періода, а весьма часто выставлены

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. 33 и 34.

2. Руская лѣтопись по Никонову списку. I. стр. 107 и 109.

одни годы вовсе безъ отмѣтокъ, между тѣмъ какъ въ Лаврентьевскомъ подробныя описанія расположены послѣдовательно, образуя одно цѣлое. Поэтому древняя лѣтопись во всей полнотѣ и какъ литературное произведеніе можетъ быть изучаема преимущественно по спискамъ Лаврентьевской категоріи, а не по Повгородскимъ.

3) Такъ какъ въ спискахъ древнѣйшихъ по составу и независимыхъ одна отъ другаго: Лаврентьевскомъ, Кенигсбергскомъ, Ипатьевскомъ и др., текстъ лѣтописи до начала XII вѣка одинъ и тотъ же, а въ послѣдствіи къ нему присоединяются добавленія и вставки, то его должно признать наиболѣе близкимъ къ первоначальной лѣтописи. Говорю: наиболѣе близкимъ, потому что со времени написанія древней лѣтописи до XIV вѣка, къ которому относятся древнѣйшіе списки, текстъ ея очевидно подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ отъ переписчиковъ и составителей сборниковъ. Кто знакомъ съ нашей древней словесностью, тотъ знаетъ, до какой степени списки ея произведенія принимаютъ отпечатокъ времени, образованности и даже мѣстнаго говора переписчиковъ.

4) Позднѣйшіе списки составлены подъ вліяніемъ двухъ главныхъ источниковъ: древнихъ отечественныхъ лѣтописей и Византійскихъ хроникъ. Изъ Русскихъ лѣтописей источниками служили преимущественно списки Лаврентьевской категоріи, и къ нимъ уже прибавлялись свѣдѣнія, заимствованныя изъ лѣтописей Повгородскихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что

5) Названіе «древней Русской лѣтописи» всего справедливѣе можно придать повѣствованію до начала XII вѣка, преимущественно по тексту списковъ Лаврентьевской категоріи. Признавая достоинство древней редакціи, мы вовсе не отвергаемъ важности списковъ позднѣйшихъ. Въ Никоновскомъ, Воскресенскомъ и другихъ находится много такихъ извѣстій, которыя пропущены въ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и н., и признаются вполне достоверными. Мы полагаемъ только, что списки Лаврентьевской категоріи превосходятъ другіе меньшею пріятестью посторонняго разсказа къ древнему, меньшимъ количествомъ вставокъ, а равно и древностью состава. Такимъ обра-

зомъ списки Лаврентьевской категоріи имѣютъ преимущество передъ другими не только по своей древности, но и по содержанію, по достоинству не только вънѣшнему, но и внутреннему.

Для вѣрной оцѣнки внутреннего достоинства древней лѣтописи необходимо подробное обзорѣе ея состава. Обращаемся теперь къ этому обзорѣю, какъ къ главной задачѣ нашего труда.

II.

НАЧАЛО И ХОДЪ ЛѢТОПИСАНІЯ ВЪ РОССИИ.

Разсматривая составъ древней лѣтописи, замѣчаемъ, что большая часть и событій древнихъ и событій относительно позднѣйшихъ описана однимъ и тѣмъ же авторомъ. При описаніи двухъ съ половиною вѣковъ не замѣтно, при немногихъ исключеніяхъ, рѣзкаго различія ни въ духѣ разсказа, ни во взглядѣ лѣтописца, ни въ способѣ выраженія. Кроме того есть частныя указанія на то, что и свѣдѣнія о временахъ самыхъ древнихъ внесены въ лѣтопись въ томъ видѣ, какой придать имъ лѣтописецъ XI—XII вѣка. Событія, напримѣръ, время Олега, въ томъ видѣ, какъ они находятся въ древнихъ спискахъ лѣтописи, не могли быть внесены въ нее ранѣе второй половины XI вѣка. Подъ 882 годомъ говорится: «се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань дати отъ Новгорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярослава»¹. Ярославъ умеръ въ 1054 году, слѣдовательно извѣстіе лѣтописи во всемъ своемъ объемѣ никакъ не ранѣе 1054 года. Такого же рода извѣстія съ присоединеніемъ словъ: *до сего дне* и п., какъ слѣдующее: «и погребень бысть Игорь; есть могила его у Некростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне»², и многія другія.

Впрочемъ подобныя факты ни сколько не даютъ права думать, чтобы всѣ извѣстія о древнемъ періодѣ впервые внесены

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 10.

2. Тамъ же. I, 23.

въ лѣтописи уже въ XI вѣкѣ. Напротивъ: лѣтописецъ XI вѣка пользовался болѣе древними источниками, какъ устными, такъ и письменными; но немного замѣтновать изъ нихъ безо всякаго измѣненія.

Только во второй половинѣ XI вѣка начинается повѣствованіе очевидца или современника событій. Но съ появленіемъ лѣтописца современника, характеръ лѣтописи существенно не измѣняется. Единство, отличающее древнюю лѣтопись и дающее ей видъ стройнаго цѣлаго, заставляетъ признавать въ ней трудъ одного лица, писавшаго сперва по преданію старшыхъ, потомъ по живому свидѣтельству современности.

Составленіе древней лѣтописи приписывается, по общепринятому мнѣнію, преподобному Нестору, иноку Кіево-Печерскому. Несторъ не былъ первымъ Русскимъ лѣтописцемъ: до него уже въ разныхъ мѣстахъ Россіи люди грамотные вели краткія лѣтописи, слѣды коихъ сохранились въ замѣткахъ, вошедшихъ въ составъ древней лѣтописи и относящихся къ событіямъ X—XI в. Были даже опыты лѣтописи подробной, излагающей событія въ нѣкоторой связи, какъ напримеръ лѣтопись Іоакимовская¹. Но она известна въ небольшомъ отрывкѣ и притомъ остается памятникомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ до самого Нестора. Поэтому трудъ Нестора необходимо признать древнѣйшимъ образцомъ лѣтописи полной, последовательной, справедливо называемой «лѣтописью литературною»².

Нельзя отвергать важнаго значенія лѣтописи, явившейся уже въ началѣ XII вѣка въ видѣ стройнаго, литературнаго цѣлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что ея значеніе будетъ тѣмъ неоспоримѣе, тѣмъ болѣе докажется ея самостоятельность. Поэтому прежде всего необходимо указать, на сколь-

1. Содержаніе Іоакимовской лѣтописи съ выписками изъ нея предложено *Татищевымъ* въ его «Исторіи Русской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ», и пр. 1768, книга I, часть I, глава 4, стр. 29—31. — «Изслѣдованіе о лѣтописи Іоакимовской» *П. Лавровскаго* издано отдѣльно и помѣщено во второй книгѣ Ученыхъ Записокъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

2. Ср. *Временникъ Московск. историч. общества*, 1850, книга 3, статья *Богалева*: О разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей, стр. 4, 21 и слѣд.

ко возможно, было ли самое начало летописной деятельности у нас явлением самобытнымъ, вытекавшимъ изъ условій Русскаго быта, или же она есть следствие подражанія иностранному образцу, бывшему въ рукахъ Русскаго писателя XI вѣка.

Происхожденіе Русскихъ летописей объясняемо было различно. Признавая въ немъ участіе Византійской хронографіи, ученые допускаютъ это участіе не въ одинаковой степени. По мнѣнію однихъ, вліяніе Византійское было полное и рѣшительное: составъ, внѣшнюю форму и внутренній характеръ летописи наши получили отъ хроникъ Византійскихъ. По мнѣнію другихъ, вліяніе Византии было умереннѣе: имъ объясняются многія частности, но въ цѣломъ летопись остается оригинальнымъ произведеніемъ Русской словесности.

Шлегель въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ летописяхъ задаетъ себѣ вопросъ: гдѣ Нестору пришла мысль написать временникъ? — и рѣшаетъ его тѣмъ, что Несторъ былъ знакомъ съ Византійскою литературою. «Четыре Византійскихъ историка, говоритъ онъ, Кедринъ, Скилицій, Кефалицкій и Зопапа, жили въ Несторово столѣтіе. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы онъ не зналъ ихъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Весь временникъ его сдѣланъ на покрой Византійскій: цѣлыя мѣста изъ послѣднихъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также очевидно подражать и въ хронологическомъ расположеніи... Такимъ образомъ этотъ Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа»¹.

Современнѣе критики Шлегеля мнѣніе его о началѣ Русскихъ летописей было раздѣляемо многими. Крайняго предѣла своего оно достигло въ признаніи, что «первый летописецъ нашъ былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ Византійскихъ хронографовъ. Кончивъ переводъ, трудолюбивый монахъ помѣстилъ въ приличныхъ мѣстахъ, собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя народныя и монастырскія преданія, обозначилъ главнѣйшія происшествія, случившіяся въ его монастырѣ»².

1. Несторъ, *Шлегеля*, I, стр. 31 и 32.

2. Сборникъ князя Оболенскаго. 1840, т. II, стр. 36—37.

Другіе ученые хотя и признають, что временники Русскіи составлены по примѣру хроникъ Византійскихъ, однако полагають, что «смысль къ дѣянію могла родиться въ Несторѣ отъ бесѣдъ съ собратіями своими о происшествіяхъ Россійскихъ; ибо преподобный Θεодосій, поучая иноковъ Печерскихъ избѣгать лѣности и долгаго сна, а упражняться въ ибніи церковномъ и въ чтеніи книгъ, именно требовалъ, чтобы они занимались притомъ и *преданіями отческими*»¹.

Какъ бы ни было сильно вліяніе Византіи, оно не исключало и самостоятельной дѣятельности, одновременной съ нимъ или даже предварившей его. Сближаясь во многомъ съ хрониками Византійскими, лѣтописи наши во многомъ и несходны съ ними. Самая форма нашихъ лѣтописей, хотя и не чуждая Византійской хронографіи, въ болѣе близкомъ отношеніи находится къ формѣ западно-европейскихъ annales. Еще Шленгеръ замѣтилъ, что «Русскіе временники, подобно Англо-Саксонскимъ, имѣють странный обычай означать и тотъ годъ, въ которомъ ничего не сдѣлалось»². Эта минимая странность весьма удовлетворительно объясняется внесеніемъ годовъ въ лѣтописи изъ пасхальныхъ таблицъ. Полагають, что «все Русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописцевъ», «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п., изобличаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначено время каждаго событія, если бы лѣта, годы не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, въ VIII вѣка, въ монастыряхъ Романской и Германской Европы — независимо отъ историческихъ образцовъ классической древности. Первоначальной основой этихъ annales были пасхальныя таблицы, и т. д.»³.

1. Оборона лѣтописи Русской, Буткова, стр. 172—173.

2. Несторъ, Шленгера, I, стр. 239.

3. Повѣсти 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. II: Исслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ, стр. 70—71.

Разнообразіе во взглядахъ ученыхъ показываетъ, что вопросъ о началѣ Русскихъ лѣтописей еще не рѣшенъ окончательно. Средства къ болѣе или менѣе полному рѣшенію его заключаются въ данныхъ, привлекаемыхъ главнѣйшимъ образомъ изъ самой же лѣтописи. Составъ ея обнаруживаетъ, что она не была допущеніемъ къ хронографу Византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и Славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является Русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и болѣею частью краткихъ, не значительно въ сравненіи съ извѣстіями Русскими, изложенными съ большими подробностями. Трудно признать допущеніемъ къ хронографу лѣтопись по древнимъ спискамъ, когда не считаютъ имъ и лѣтопись въ спискахъ позднѣйшихъ, въ которыхъ несравненно болѣе заимствованій изъ Греческихъ источниковъ. Если лѣтопись позднѣйшая, составленная по древней Русской, заключаетъ въ себѣ много выписокъ изъ Греческихъ хронографовъ, то нѣтъ ничего неслучайнаго въ мысли, что и древняя лѣтопись, явившаяся самостоятельно, *эпохотдестіей* обогатилась замѣтками о событіяхъ Греческихъ. Составитель ея могъ имѣть подъ рукою хронографы и пользоваться ими для цѣли, лично ему принадлежащей. Выписки изъ хронографовъ въ спискахъ позднихъ признаются допущеніемъ къ тексту Русской лѣтописи, а не наоборотъ. Тѣмъ справедливѣе принять это и въ отношеніи къ древнимъ спискамъ, что въ нихъ извѣстія Греческія гораздо явственнѣе обнаруживаются *добавленіями*, внесенными въ лѣтопись съ цѣлью дополнить основной рассказъ о событіяхъ Русской земли. Вставки изъ Византійскихъ лѣтописей въ списокъ Никоновскомъ не сливаются съ самымъ текстомъ; онѣ легко могутъ быть исключены, и характеръ повѣствованія о Русскихъ происшествіяхъ черезъ то не измѣнится. Въ спискахъ же Лаврентьевской категоріи отбросить мѣста изъ лѣтописей Византійскихъ, значитъ лишить рассказъ полноты, скрыть взглядъ лѣтописца, замѣчаемый въ намеренномъ сопоставленіи событій отечественныхъ съ чужеземными.

Участіе Византійскихъ образовъ въ повѣщеніи Русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени определено формою.

въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ Византійскихъ, какъ напримѣръ въ хроникѣ Θεοφана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей Римскаго и Персидскаго, и управленія епископовъ: Римскаго, Константинопольскаго, Иерусалимскаго, Александрійскаго и Антіохійскаго. Событія въ хроникѣ Θεοφана излагаются въ подобной формѣ:

Κόσμος ἐτη.....	Τῆς πόλεως συγκροσῶς ἐτη.....	Ῥωμαίων βασιλέως	Περσῶν βασιλέως	Ῥωμαίων ἐπισκόπου	Κωνσταντινουπόλεως ἐπισκόπου	Ἱεροσολύμων ἐπισκόπου	Ἀλεξανδρείας ἐπισκόπου	Αντιοχείας ἐπισκόπου
.....		Κωνσταντίνος	Σαβώρης	Σιλβέστρος	Μακχίριος	Εὐστάθιος	Εὐστάθιος	Εὐστάθιος
.....		ἐτη 32	ἐτη 70	ἐτη 98	ἐτη 20	ἐτη 18	ἐτη 23	ἐτη 23
.....		21	23	23	6	11	11	19
8917	317							

Τούτῳ τῷ ἔτει Ἰουδαῖοι τε καὶ Πέρσαι τὸν Χριστιανισμὸν ὀρώντες ἀκμάζοντα κατὰ τὴν Περσίδα διαβάλλουσι Σαβώρη Περσῶν βασιλεῖ Συμεῶνα ἀρχιεπίσκοπον Κτησιφῶντος καὶ τὸν Σελευκείας, ὡς φίλους τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων καὶ μνηστὰς τῶν Περσικῶν πραγμάτων.... Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει Ἑλένην τὴν μακαρίαν μετὰ χρημάτων ἀπέστειλεν εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα ὁ τότε Κωνσταντῖνος πρὸς τὸ ἀναζητῆσαι τὸν ζωοποιὸν τοῦ κυρίου σταυρόν.... Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει, η τ. δ.

Κοινὸν ἔτος	Τῆς Σελῆς ἀρχαῖος ἔτος	Ρ. β. Κων- σταντι- νός	Π. β. Σελῶ- ρος	Ρ. ε. Σελ- βεστρος	Κ. ε. Αλέ- ξαν- δρος	Ι. ε. Μακκί- ριος	Αλ. ε. Αλέ- ξαν- δρος	Αντ. ε. Εὐστά- σιος
8418	318	22	24	26	7	12	20	12

Τούτῳ τῷ ἔτει Κωνσταντῖνος ὁ μέγας κατὰ Γερμανῶν καὶ Σαρ-
ματῶν καὶ Γότθων στρατεύσας νίκην ἔγραπτο κραταίην διὰ τῆς τοῦ
κρίνου σταυροῦ δυνάμεως, καὶ τούτους ἐργαζώσας εἰς ἐσχάτην αὐ-
τοῦ κατήγαγε δουλείαν. Τῷ αὐτῷ ἔτει, π τ. λ.

И некоторые годы выставлены безъ описанія событій. Такъ
въ самомъ началѣ хроникъ:

Κοινὸν ἔτος 5777 — 5778 — 5779	Τῆς Σελῆς 277 — 278 — 279	Ρ. β. Δισκλή- τινου ἔτος	Π. β. Οὐαρ- ρίχου ἔτος	Ρ. ε. Γαίρου ἔτος	Ι. ε. Ὑμε- νίου ἔτος	Αλ. ε. Θεω- νά ἔτος	Αντ. ε. Τουρ- νου ἔτος
		1	15	7	13	11	2
		2	16	8	14	12	3
		3	17	9	15	13	4
			Π. β. Οὐαρρί- νου ἔτος				
		4	1	10	16	14	5

Τούτω τῷ ἔτει Δικλητιανὸς Μαξιμιανὸν τὸν Ἐρκούλιον κοι-
νωνὲν ἀνεδείξατο τῆς αὐτοῦ βασιλείας τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ
χρόνῳ¹.

Если написать года от сотворенія міра въ сплошную
строку, то представится нѣкоторое сходство съ нашею лѣто-
писью, а именно: χρόνος ἔτη 5777. ἔτη 5778. ἔτη 5779. ἔτη
5780. Τούτω τῷ ἔτει Δικλητιανὸς, и т. д.

Такую форму повѣствованія дѣйствительно находимъ у
Георгія Спикелла, служившаго образцомъ Θεοφάνу. У Спикелла въ началѣ многихъ извѣстій отмѣчается: χρόνος ἔτη и т. д.;
но года безъ событій не выставлены. Кедринъ, описывая вре-
мена Римской имперіи, говоритъ, что въ первый годъ царство-
ванія такого то императора случилось то-то, во второй —
то-то, и т. д.; онъ означаетъ въ началѣ извѣстій и года
отъ сотворенія міра, но не такъ последовательно, какъ Спикеллъ.
Обычай Кедрина выставить при годахъ индикты: τῷ δὲ
6540 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 15; τῷ δὲ 6547 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 7, и т. п.,
не чужды и Русской лѣтописи: «въ лѣто 6360, индикта 15; въ
лѣто 6601, индикта 1 лѣто». У другихъ лѣтописцевъ Визан-
тійскихъ наблюдается порядокъ времени, а не порядокъ соб-
ственно годовъ, т. е. событія излагаются преимущественно
въ хронологической последовательности, а не во внутренней
связи между собою. Годы не выставляются въ началѣ разсказа
ни у Іоанна Зонары, ни у Георгія Амартола, которымъ, без-
спорно, пользовался авторъ древней лѣтописи. Да если бы и
предположить, что Византійскій образецъ имѣлъ форму погод-
наго разсказа, то для чего въ Русской лѣтописи помѣщены годы
безъ описанія? Казалось бы всего проще было выставлять
только тѣ годы, при которыхъ есть замѣтки. Такимъ образомъ
поступали составители сборниковъ позднѣйшихъ: они про-
пускали вовсе годы, неотмѣченные событіями. Въ Лаврентьев-
скомъ: «въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеря Анна.
Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521. Въ лѣто 6522. Ярославъ же сущю
Новгородѣ» и т. д. Въ Воскресенскомъ: «въ лѣто 6519. Пре-

1. Theophanis chronographia. Parisii 1654, стр. 19—22 и 4. — Corpus scripto-
rum historiae Byzantinae. Bonnae, 1839. Theophanes, I, стр. 36—40 и 7—8.

ставился Анна царица. В лето 6522. Ярославу соужу въ Новѣ городѣ и пр.

Большое количество пустыхъ годовъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи придаетъ ей видъ, напоминающей не столько хроники Византийскія, сколько средневѣковые анналы западной Европы. Такъ лѣтописи Вейнгартенскія имѣютъ слѣдующую форму:

792. Karolus rex fossatum jussit facere.

793. 794. 795. 796. 797. 798.

799. Kerolt occiditur.

800. 801.

802. Eginio Veronensis episcopus obiit.

803. 804. 805.

806. Haito Waldoni successit.

807. 808. 809.

810. Leo papa obiit.

811. Haito episcopus super mare transivit¹.

Такая же форма господствуетъ и въ болѣе поздней части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неписанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для вѣдѣннаго порядка лѣтописей. Обычай приписывать замѣтки къ заранее выставленнымъ годамъ до того укоренился, что давалъ поводъ къ довольно оригинальнымъ недоразумѣніямъ: одни и тѣ же извѣстія, части одного и того же предложенія размѣщались и на подѣ и нѣсколькими годами. Въ спискѣ XIV в. хроники Козьмы Прагскаго одинъ періодъ, заключающій въ себѣ извѣстіе о событіи одного года, разбитъ на шесть частей, приписанныхъ къ шести годамъ. Козьма Прагскій говоритъ, что у Болеслава родился сынъ того же имени, но вовсе не похожій на отца, и противоположность между ними выражаетъ посредствомъ нѣсколькихъ сравненій, а именно: De rubo uva, de spinis rosa, de tribulis ficus gignitur generosa: videlicet de fratricida prodit chisticola, de lupo agnus, de tyranno modestus — de impio Boleslao pius nascitur secundus

1. Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz, I. 63.

Boleslaus. Въ спискѣ же Пражскомъ эти слова расположены такимъ образомъ:

Anno dominicae incarnationis 952. de rubo uva, de spinis rosa.

Anno dominicae incarnationis 953. de tribulis ficus gignitur generosa.

Anno dominicae incarnationis 954. videlicet de fratricida prodit ebristicola.

Anno dominicae incarnationis 955. de lupo agnus.

Anno dominicae incarnationis 956. de tyranno modestus.

Anno dominicae incarnationis 957. de impio Boleslaus pius nascitur secundus Boleslaus¹.

Если случалась даже подобная разстановка замѣтокъ по годамъ, то не удивительно, что одно и то же событіе означено въ нѣкоторыхъ спискахъ подъ различными годами. Весьма много примѣровъ тому, что происшествія отмѣчаются нѣсколькими годами раньше или позже въ однихъ спискахъ сравнительно съ другими.

Въ анналахъ Вейнгартенскихъ подъ 867 годомъ: *terrae motus. Papa Nicolaus obiit et nimia superfluitas imbrium.* Въ анналахъ Фульдскихъ подъ 868 г. говорится еще о дѣйствіяхъ папы Николая, а потомъ о чрезвычайномъ разлитіи рѣкъ по причинѣ проливныхъ дождей, о коихъ въ другихъ анналахъ упоминается подъ предыдущимъ годомъ, и мн. др.

Подобное же различіе въ показаніи годовъ замѣчается и между списками нашихъ лѣтописей.

Смерть Ольги, сестры Всеволода, означена въ одномъ спискѣ подъ 1183 г., въ другомъ подъ 1181 г., въ обоихъ — 4 іюля.

Въ Лаврентьевскомъ: Въ лѣто 6691. Преставися благовѣрная княгини Ольга, нареченая чернецкы Еуфросинья, мѣсца іюля въ 4 день; и положена бысть въ свягій Богородици въ Володимери.

Въ Ипатьевскомъ: Въ лѣто 6689. Преставися благовѣрная княгини Ольга, сестра Всеволожа великого, нареченая чернецъ-

1. *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, стр. 43.

скы Офросіня, мѣсяца іюля въ 4 день; и положена въ святѣй Богородици Золотоверхой, и т. п.

Вѣтѣніи видъ лѣтописей западныхъ объясняется, какъ мы сказали, посредствомъ пасхальныхъ таблицъ съ замѣтками о происшествіяхъ. При поразительномъ сходствѣ какого либо явленія въ письменности нашей и западно-Европейской естественно предполагать для него одну и ту же причину. Нельзя отказать въ вѣроятности мнѣнію, что замѣтки на таблицахъ, составляющія анналы, дѣлаемы были и на Руси. Чтобы опредѣлить степень достовѣрности этого мнѣнія и его фактическую основу, обратимъ вниманіе на связь пасхальныхъ таблицъ съ дѣятельностью лѣтописною.

Празднованіе Пасхи положительно опредѣлено въ IV вѣкѣ на I-мъ Никейскомъ соборѣ, и многіе христіанскіе писатели, преимущественно Александрійны, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода принадлежатъ Особию, бывшему епископомъ въ Александріи съ 385 по 412 годъ, и Кириллу, архіепископу Александрійскому - 444 г. . Трудъ послѣдняго послужилъ образцомъ для Діонисія. Монахъ Діонисій († 556 г. , прозвищемъ Малый Exiguus , приобрѣлъ большую извѣстность своимъ «Cyclos paschalis», составленнымъ по примѣру Александрійцевъ, какъ свидѣлствуетъ самъ авторъ. «Quia vero — говоритъ онъ — S. Cyrillus primum Cyclum 95 annorum) ab anno Diocletiani 153 coepit et ultimum in 247 terminavit, nos a 348 anno ejusdem tyranni potius quam principis inchoantes, nolimus circulis nostris memoriam impii et persecutoris innectere, sed magis elegimus ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi annorum tempora praenotare»¹ etc. Въ послѣдствіи пасхальней много занимался Беда, прозванный Venerabilis († 735 г. . Таблицы Діонисія и Беды распространились по монастырямъ и церквамъ западной Европы. На краяхъ пасхальныхъ таблицъ и дѣлались первоначальныя замѣтки о происшествіяхъ, развившіяся съ теченіемъ времени въ стройное лѣтописное повѣствованіе.

1. Geschichte der Römischen Literatur, von Baehr, Supplement Band. 2 Abtheilung, Carlsruhe, 1837, стр. 118, прим. 1.

При постоянных сношениях Византии с древнею Россіею не замедлили появиться и у нас вычисления пасхальныя, занимавшія Греческих писателей. Уже въ XII столѣтіи Кирикъ, извѣстный своими вопросами Профону, написалъ «Ученіе, имже вѣдати человеку числа вѣхъ лѣтъ». Здѣсь изложены: «хитрость числомъ недѣльнымъ», «ученіе о индиктѣ», «о високосныхъ лѣтахъ», «о великомъ кругѣ», и т. п.¹. Составленіе пасхальныхъ таблицъ было у насъ въ большомъ обычаѣ, какъ можно судить по числу, въ которомъ сохранились онѣ, будучи разбѣяны по разнымъ рукописямъ. Сверхъ того пасхальныя разысканія составляли предметъ особенныхъ обширныхъ сочиненій. Къ числу ихъ принадлежитъ «Полная наука пасхалии», рукопись XVII вѣка, на 672 листахъ, хранящаяся въ Императорской публичной библіотекѣ². Въ этой рукописи между статьями, составляющими науку пасхалии, находится «великій миротворный кругъ», съ показаніемъ индикта, круга солнца и луны и т. п., съ перваго года отъ сотворенія міра по 2472 по Р. X. Годы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ:

Отъ Адама лѣта	Индикт лѣтъ	Кругъ солнца	Вруше- лѣто	Кругъ луны	Спра- ва	Златое число	Осно- ваніе	Епак- та	Ключъ грав.
6601	1	21	3	8	Ч	11	1	20	III
6602	2	22	6	9	П	12	12	9	С
6603	3	23	7	10	Г	13	23	28	Г

Означеніе индикта при некоторыхъ годахъ лѣтописи показываетъ знакомство ея автора съ пасхальными таблицами. Два случая подъ 6360 и 6601 г. уже указаны нами. Третій находимъ въ самомъ концѣ разсказа, вопреки обычаю лѣтописцевъ выставлять годы въ началѣ: «се же бысть неходящую лѣту 6604, индикта 4, паноль». Четвертый и всего полнѣе

1. Труды общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV, книга I, 1828, стр. 122—129.

2. По печатному каталогу рукописей Толстова: отд. I, № 199; по рукописному Публичной библіотекѣ: отд. I, № 320.

ко возможно, было ли самое начало лѣтописной дѣятельности у насъ явленіемъ самообытнѣмъ, вытекавшимъ изъ условій Русскаго быта, или же она есть слѣдствіе подражанія иностранному образцу, бывшему въ рукахъ Русскаго писателя XI вѣка.

Происхожденіе Русскихъ лѣтописей объясняемо было различно. Признавая въ немъ участіе Византійской хронографіи, ученые допускаютъ это участіе не въ одинаковой степени. По мнѣнію однихъ, вліяніе Византійское было полное и рѣшительное: составъ, внѣшнюю форму и внутренній характеръ лѣтописи наши получили отъ хроникъ Византійскихъ. По мнѣнію другихъ, вліяніе Византии было умѣренное: имъ объясняются многія частности, но въ цѣломъ лѣтопись остается оригинальнымъ произведеніемъ Русской словесности.

Шлегель въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ лѣтописяхъ задаетъ себѣ вопросъ: гдѣ Нестору пришла мысль написать временникъ? — и рѣшаетъ его тѣмъ, что Несторъ былъ знакомъ съ Византійскою литературою. «Четыре Византійскихъ историка, говоритъ онъ, Кедринъ, Скилицій, Кефалинъ и Зонара, жили въ Несторово столѣтіе. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы онъ не зналъ нѣхъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Весь временникъ его сдѣланъ на покрой Византійскій; нѣтъ мѣста изъ послѣднихъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также очевидно подражать и въ хронологическомъ расположеніи... Такимъ образомъ этотъ Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа»¹.

Современніи критики Шлегеля мнѣніе его о началѣ Русскихъ лѣтописей было раздѣляемо многими. Крайняго предѣла своего оно достигло въ признаніи, что «первый лѣтописецъ нашъ былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ Византійскихъ хронографовъ. Кончивъ переводъ, грудолобивый монахъ помѣстилъ въ приличныхъ мѣстахъ, собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя народныя и монастырскія преданія, обозначилъ главнѣйшія происшествія, случившіяся въ его монастырѣ»².

1. Несторъ, Шлегеля, I, стр. 37 и 38.

2. Сборникъ князя Оболенскаго. 1840, т. I, стр. 36—37.

Другіе ученые хотя и признають, что временники Русскій составленъ по примѣру хроникъ Византійскихъ, однако полагають, что «мысль къ дѣянію могла родиться въ Песторѣ отъ бесѣдъ съ собратіями своими о происшествіяхъ Россійскихъ; ибо преподобный Феодосій, поучая иноковъ Печерскихъ избѣгать лѣности и долгаго сна, а упражняться въ цѣни церковномъ и въ чтеніи книгъ, именно требовалъ, чтобъ они занимались притомъ и *преданіями отеческими*»¹.

Какъ бы ни было сильно вліяніе Византіи, оно не исключало и самостоятельной дѣятельности, одновременной съ нимъ или даже предвадившей его. Сближаясь во многомъ съ хрониками Византійскими, лѣтописи наши во многомъ и несходны съ ними. Самая форма нашихъ лѣтописей, хотя и не чуждая Византійской хронографіи, въ болѣе близкомъ отношеніи находится къ формѣ западно-европейскихъ annales. Еще Шлегель замѣтилъ, что «Русскіе временники, подобно Англо-Саксонскимъ, имѣють странный обычай означать и тотъ годъ, въ которомъ ничего не сдѣлалось»². Эта минимая странность весьма удовлетворительно объясняется внесеніемъ годовъ въ лѣтописи изъ пасхальныхъ таблицъ. Полагають, что «все Русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописецъ», «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п., изобличаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначено время каждаго событія, если бы лѣта, годы не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, въ VIII вѣкѣ, въ монастыряхъ Романской и Германской Европы — независимо отъ историческихъ образцовъ классической древности. Первоначальной основой этихъ annales были пасхальныя таблицы, и т. д.»³.

1. Оборона лѣтописи Русской, Буткова, стр. 172—173.

2. Песторѣ, Шлегель, I, стр. 239.

3. Повѣстия 2 го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. II: Исследования о лѣтописяхъ Новгородскихъ, стр. 70—71.

Разнообразіе во взглядахъ ученыхъ показываетъ, что вопросъ о началѣ Русскихъ лѣтописей еще не рѣшенъ окончательно. Средства къ болѣе или менѣе полному рѣшенію его заключаются въ данныхъ, извлекаемыхъ главнѣйшимъ образомъ изъ самой же лѣтописи. Составъ ея обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу Византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и Славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является Русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и болѣею частью краткихъ, не значительно въ сравненіи съ извѣстіями Русскими, изложенными съ большими подробностями. Трудно признать дополненіемъ къ хронографу лѣтопись по древнимъ спискамъ, когда не считаютъ имъ и лѣтопись въ спискахъ позднѣйшихъ, въ которыхъ несравненно болѣе заимствованій изъ Греческихъ источниковъ. Если лѣтопись позднѣйшая, составленная по древней Русской, заключаетъ въ себѣ много выписокъ изъ Греческихъ хронографовъ, то нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ мысли, что и древняя лѣтопись, явившись самостоятельно, *попослѣдствіи* обогатилась замѣтками о событіяхъ Греческихъ. Составитель ея могъ имѣть подъ рукою хронографы и пользоваться ими для цѣли, лично ему принадлежащей. Выписки изъ хронографовъ въ спискахъ позднихъ признаются дополненіемъ къ тексту Русской лѣтописи, а не наоборотъ. Тѣмъ справедливѣе принять это и въ отношеніи къ древнимъ спискамъ, что въ нихъ извѣстія Греческія гораздо явственнѣе обнаруживаются *добавленіями*, внесенными въ лѣтопись съ цѣлію пояснить основной рассказъ о событіяхъ Русской земли. Вставки изъ Византійскихъ лѣтописей въ списокъ Никоновскомъ не сливаются съ самымъ текстомъ; онѣ легко могутъ быть исключены, и характеръ повѣствованія о Русскихъ происшествіяхъ черезъ то не измѣнится. Въ спискахъ же Лаврентьевской категоріи отбросить мѣста изъ лѣтописей Византійскихъ, значить лишить рассказъ полноты, скрыть взглядъ лѣтописца, замѣчаемый въ намеренномъ сопоставленіи событій отечественныхъ съ чужеземными.

Участіе Византійскихъ образцовъ въ появленіи Русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою.

въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописей имѣетъ форму погоднаго разсказа: проишествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ Византійскихъ, какъ напримѣръ въ хроникѣ Θεοφана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей Римскаго и Персидскаго, и управленія епископовъ: Римскаго, Константинопольскаго, Іерусалимскаго, Александрійскаго и Антіохійскаго. Событія въ хроникѣ Θεοφана излагаются въ подобной формѣ:

Κόσμου ἔτη.....	Τῆς αἰῆος σκηνώσεως ἔτη.....	Ῥωμαίων βασιλέως Κωνσταντίνος ἔτη 32	Περσῶν βασιλέως Σαβώρητις ἔτη 70	Ῥώμις ἐπισκόπου Σιλβαστρος ἔτη 98	Κωνσταντινουπόλεως ἐπισκόπου Μανκιανός ἔτη 23	Ἱεροσολύμων ἐπισκόπου Μακκάριος ἔτη 20	Ἀλεξανδρείας ἐπισκόπου Εὐστάθιος ἔτη 18	Ἀντιοχείας ἐπισκόπου Ἀλέξανδρος ἔτη 23
8917	317	21	23	23	6	11	11	19

Τούτῳ τῷ ἔτει Ἰουδαῖοί τε καὶ Πέρσαι τὸν Χριστιανισμόν ἐρῶντες ἀκμάζοντα κατὰ τὴν Περσίδα διαβάλλουσι Σαβώρη, Περσῶν βασιλεῖ Συμεῶνα ἀρχιεπίσκοπον Κτησιφώντος καὶ τὸν Σελευκείας, ὡς φίλους τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων καὶ μνηστὰς τῶν Περσικῶν πραγμάτων.... Τῷ δ'αὐτῷ ἔτει Ἑλένην τὴν μακαρίαν μετὰ χρημάτων ἀπέστειλεν εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα ὁ τότε Κωνσταντῖνος πρὸς τὸ ἀναζητῆσαι τὸν ζωοποιὸν τοῦ κυρίου σταυρόν.... Τῷ δ'αὐτῷ ἔτει, κ τ. δ.

Κόσμος έτη	Τῆς βίης ἀρχαίας έτη	Ρ. β. Κων- σταντι- νος	Π. β. Σηρώ- της	Ρ. ε. Σηλ- βεστρος	Κ. ε. Αλέ- ξαν- δρος	Ι. ε. Μακρί- μος	Αλ. ε. Αλέ- ξαν- δρος	Αντ. ε. Ευστά- σιος
8818	318	22	24	26	7	12	20	12

Τούτω τῷ έτει Κωνσταντῖνος ὁ μέγας κατὰ Γερμανῶν καὶ Σαρ-
ματῶν καὶ Γότθων στρατεύσας νίκην ἤρατο κραταίην διὰ τῆς τοῦ
πατρὸς σταυροῦ δυνάμεως, καὶ τούτους ἐξηλώσας εἰς ἐσχάτην αὐ-
τοῦ κατήγγαγε δουλείαν. Τῷ δ' αὐτῷ έτει, π τ. λ.

Нѣкоторые годы выставлены безъ описанія событій. Такъ
въ самомъ началѣ хроникъ:

Κόσμος έτη 8777 — 8778 — 8779	Τῆς βίης 277 — 278 — 279	Ρ. β. Διοκλή- τιανού έτος	Π. β. Οὐα- ρίχου έτος	Ρ. ε. Γαίου έτος	Ι. ε. Ύμε- νίου έτος	Αλ. ε. Θεω- νᾶ έτος	Αντ. ε. Τορρί- νου έτος
		1	13	7	13	11	2
		2	16	8	14	12	3
		3	17	9	15	13	4
			Π. β. Οὐαρι- νου έτος				
		4	1	10	16	14	5

Τούτω τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς Μαξιμιανὸν τὸν Ἐρκούλιον κοινὸν ἀναδείξατο τῆς αὐτοῦ βασιλείας τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ χρόνῳ¹.

Если написать года от сотворенія міра въ сплошную строку, то представится нѣкоторое сходство съ нашею лѣтописью, а именно: χρόνος ἔτη 5777. ἔτη 5778. ἔτη 5779. ἔτη 5780. Τούτω τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς, и т. д.

Такую форму повѣствованія дѣйствительно находимъ у Георгія Спикелла, служившаго образцомъ Осифу. У Спикелла въ началѣ многихъ извѣстій отмѣчается: χρόνος ἔτη и т. д.; но года безъ событій не выставлены. Кедринъ, описывая времена Римской имперіи, говорить, что въ первый годъ царствованія такого то императора случилось то-то, во второй — то-то, и т. д.; онъ означаетъ въ началѣ извѣстій и года отъ сотворенія міра, но не такъ последовательно, какъ Спикеллъ. Обычай Кедрина выставить при годахъ индикты: τῷ δὲ 6540 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 15; τῷ δὲ 6547 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 7, и т. п., не чуждъ и Русской лѣтописи: «въ лѣто 6360, индикта 15; въ лѣто 6601, индикта 1 лѣто». У другихъ лѣтописцевъ Византійскихъ наблюдается порядокъ времени, а не порядокъ собственно годовъ, т. е. событія излагаются преимущественно въ хронологической последовательности, а не во внутренней связи между собою. Годы не выставляются въ началѣ разказа ни у Іоанна Зонары, ни у Георгія Амартола, которымъ, безспорно, пользовался авторъ древней лѣтописи. Да если бы и предположить, что Византійскій образецъ имѣлъ форму погоднаго разказа, то для чего въ Русской лѣтописи помѣщены годы безъ описанія? Казалось бы всего проще было выставлять только тѣ годы, при которыхъ есть замѣтки. Такимъ образомъ поступали составители сборниковъ позднѣйшихъ: они пропускали вовсе годы, неотмѣченные событіями. Въ Лаврентьевскомъ: «въ лѣто 6519. Преставися царина Володимеря Анна. Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521. Въ лѣто 6522. Ярославъ же сущю Новѣгородѣ» и т. д. Въ Воскресенскомъ: «въ лѣто 6519. Пре-

1. Theophanis chronographia. Parisii 1653, стр. 19—22 и 4. — Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnæ, 1839. Theophanes. I, стр. 36—40 и 7—8.

ставися Анна царица. В лѣто 6522. Ярославу соушу въ Новѣ городѣ и пр.

Большое количество пустыхъ годовъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи придаетъ ей видъ, напоминающей не столько хроники Византийскія, сколько средневѣковые annales западной Европы. Такъ лѣтописи Вейнгартенскія имѣютъ слѣдующую форму:

792. Karolus rex fossatum jussit facere.

793. 794. 795. 796. 797. 798.

799. Kerolt occiditur.

800. 801.

802. Eginio Veronensis episcopus obiit.

803. 804. 805.

806. Haito Waldoni successit.

807. 808. 809.

810. Leo papa obiit.

811. Haito episcopus super mare transivit¹.

Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неписанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для вышшняго порядка лѣтописей. Обычай приписывать замѣтки къ заранее выставленнымъ годамъ до того укоренился, что давалъ поводъ къ довольно оригинальнымъ недоразумѣніямъ: одни и тѣ же извѣстія, части одного и того же предложенія размѣщались въ года подѣ и несколькими годами. Въ спискѣ XIV в. хроники Козьмы Пражскаго одинъ періодъ, заключающій въ себѣ извѣстіе о событіи одного года, разбитъ на шесть частей, приписанныхъ къ шести годамъ. Козьма Пражскій говоритъ, что у Болеслава родился сынъ того же имени, во всемъ не похожій на отца, и противоположность между ними выражаетъ посредствомъ нѣсколькихъ сравненій, а именно: De rubo uva, de spinis rosa, de tribulis ficus gignitur generosa: videlicet de fratricida prodit christicola, de lupo agnus, de tyranno modestus — de impio Boleslao pius nascitur secundus

1. Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz, I. 63.

Boleslaus. Въ спискѣ же Пражскомъ эти слова расположены такимъ образомъ:

Anno dominicae incarnationis 952. de rubo uva, de spinis rosa.

Anno dominicae incarnationis 953. de tribulis ficus gignitur generosa.

Anno dominicae incarnationis 954. videlicet de fratricida prodit chisticola.

Anno dominicae incarnationis 955. de lupo agnus.

Anno dominicae incarnationis 956. de tyranno modestus.

Anno dominicae incarnationis 957. de impio Boles. o pius nascitur secundus Boleslaus!

Если случалась даже подобная разстановка замѣтокъ по годамъ, то не удивительно, что одно и то же событіе означено въ некоторыхъ спискахъ подъ различными годами. Весьма много примѣровъ тому, что происшествія отмѣчаются несколькими годами раньше или позже въ однихъ спискахъ сравнительно съ другими.

Въ анналахъ Вейнгартенскихъ подъ 867 годомъ: terrae motus. Papa Nicolaus obiit et nimia superfluitas imbrium. Въ анналахъ Фульдскихъ подъ 868 г. говорится еще о дѣйствіяхъ папы Николая, а потомъ о чрезвычайномъ разлитіи рѣкъ по причинѣ проливныхъ дождей, о конѣ въ другихъ анналахъ упоминается подъ предыдущимъ годомъ, и мн. др.

Подобное же различіе въ показаніи годовъ замѣчается и между списками нашихъ лѣтописей.

Смерть Ольги, сестры Всеволода, означена въ одномъ спискѣ подъ 1183 г., въ другомъ подъ 1181 г., въ обоихъ — 4 іюля.

Въ Лаврентьевскомъ: Въ лѣто 6691. Преставися благовѣрная княгини Ольга, нареченая чернецкы Еуфросинья, мѣсяца іюлія въ 4 день; и положена бысть въ святѣй Богородици въ Володимери.

Въ Ипатьевскомъ: Въ лѣто 6689. Преставися благовѣрная княгини Ольга, сестра Всеволожа великого, нареченая чернець-

1. Scriptores rerum Bohemicarum: I, стр. 43.

скы Офросѣня, мѣсяца іюля въ 4 день; и положена въ святѣй Богородици Золотоверхой, и т. п.

Вѣтшій видъ лѣтописей западныхъ объясняется, какъ мы сказали, посредствомъ пасхальныхъ таблицъ съ замѣтками о происшествіяхъ. При поразительномъ сходствѣ какого либо явленія въ письменности нашей и западно-Европейской естественно предполагать для него одну и ту же причину. Нельзя отказать въ вѣроятности мнѣнію, что замѣтки на таблицахъ, составляющія апыалы, дѣлаемы были и на Руси. Чтобы опредѣлить степень достовѣрности этого мнѣнія и его фактическую основу, обратимъ вниманіе на связи пасхальныхъ таблицъ съ дѣятельностью лѣтописною.

Празднованіе Пасхи положительно опредѣлено въ IV вѣкѣ на 1-мъ Никейскомъ соборѣ, и многіе христіанскіе писатели, преимущественно Александрійскіе, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода принадлежатъ Теофилу, бывшему епископомъ въ Александрію съ 385 по 412 годъ, и Кириллу, архіепископу Александрійскому - 444 г. . Трудъ послѣдняго послужилъ образцомъ для Діонисія. Монахъ Діонисій († 556 г.), прозваннымъ Малый Exiguus, приобрѣлъ болшую извѣстность своимъ «Cycelus paschalis», составленнымъ по примѣру Александрійцевъ, какъ свидѣлствуетъ самъ авторъ. «Quia vero — говоритъ онъ — S. Cyrillus primum Cycelum 95 annorum ab anno Diocletiani 153 coepit et ultimum in 247 terminavit, nos a 348 anno ejusdem tyranni potius quam principis inchoantes, nolimus circulis nostris memoriam impii et persecutoris innectere, sed magis elegimus ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi annorum tempora praenotare»¹ etc. Въ послѣдствіи пасхальней много занимался Беда, прозванный Venerabilis († 735 г. . Таблицы Діонисія и Беды распространились по монастырямъ и церквамъ западной Европы. На краяхъ пасхальныхъ таблицъ и дѣлались первоначальныя замѣтки о происшествіяхъ, развившіяся съ теченіемъ времени въ строгое лѣтописное повѣствованіе.

1. Geschichte der Römischen Literatur, von Baehr, Supplement Band. 2 Abtheilung, Carlsruhe, 1837, стр. 418, прим. 4.

При постоянных сношениях Византии с древнею Россіею не замедлили появиться и у нас вычисления пасхальныя, занимавшія Греческих писателей. Уже въ XII столѣтіи Кирикъ, извѣстный своимъ вопросами Профону, написалъ «Ученіе, имже вѣдати человеку числа всехъ лѣтъ». Здѣсь изложены: «хитрость числомъ недѣльнымъ», «ученіе о индиктѣ», «о високосныхъ лѣтахъ», «о великомъ кругѣ», и т. п.¹. Составленіе пасхальныхъ таблицъ было у насъ въ большемъ обычаѣ, какъ можно судить по числу, въ которомъ сохранились онѣ, будучи разбѣяны по разнымъ рукописямъ. Сверхъ того пасхальныя разысканія составляли предметъ особенныхъ обширныхъ сочиненій. Къ числу ихъ принадлежатъ «Полная наука пасхалии», рукопись XVII вѣка, на 672 листахъ, хранящаяся въ Императорской публичной библіотекѣ². Въ этой рукописи между статьями, составляющими науку пасхалии, находится «великій миротворный кругъ», съ показаніемъ индикта, круга солнца и луны и т. п., съ перваго года отъ сотворенія міра по 2472 по Р. X. Годы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ:

Отъ Адама лѣта	Индиктъ	Кругъ солнца	Вруне лѣто	Кругъ луны	Спра- ва	Златое число	Осно- ваніе	Епак- та	Ключъ грав.
6601	1	21	3	8	Ч	11	1	20	III
6602	2	22	6	9	П	12	12	9	С
6603	3	23	7	10	Г	13	23	28	Г

Означеніе индикта при некоторыхъ годахъ лѣтописи показываетъ знакомство ея автора съ пасхальными таблицами. Два случая подъ 6360 и 6601 г. уже указаны нами. Третій находится въ самомъ концѣ разсказа, вопреки обычаю лѣтописцевъ выставлѣть годы въ началѣ: «се же бысть неходящую лѣту 6604, индикта 4, панолы». Четвертый и всего полнѣе

1. Труды общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV, книга I, 1828, стр. 122—129.

2. По печатному каталогу рукописей Толстова: отд. I, № 199; по рукописному Публичной библіотеки: отд. I, № 320.

18

указывающей на таблицы есть следующий: «въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимѣря», и пр. Въ участіи пасхальныхъ таблицъ въ дѣлѣ лѣтописномъ удостовѣряетъ и следующее мѣсто Исковской лѣтописи подъ 6497 г.: «бысть же крещена Руская земля въ 9-е лѣто княженія Володимѣрова. Кунию же отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6496, индикта 1, ключъ границы Р, кругъ солнца числа 28, вѣруцъ лѣто 7, а луны кругъ 17, а Жидомъ пасха апрѣля 5 въ пятокъ, а христіаномъ пасха апрѣля 8»¹; и другія мѣста въ лѣтописяхъ.

Но наиболее убѣдительнымъ доказательствомъ связи пасхальныхъ таблицъ съ лѣтописью могли бы служить безспорно самыя таблицы съ замѣтками о случившемся. Въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидетельство представляетъ харатейная рукопись Синодальной бібліотеки, въ листѣ А' 325 — по прежнему каталогу. Она писана въ XIV в. и заключаетъ въ себѣ собраніе разныхъ службъ. Въ срединѣ ея помѣщено нѣсколько пасхальныхъ таблицъ, изъ которыхъ въ одной приписаны къ ключевымъ буквамъ замѣтки. Таблица обнимаетъ 532 года великаго индикціоннаго круга за исключеніемъ годовъ Рождества и страданія Христова, всѣ замѣтки относятся къ 13-му индикціону 877—1408 г.; самая ранняя изъ нихъ при 1015 г., самая поздняя при 1340 годѣ. Считаю нужнымъ передать вполнѣ эти въ высшей степени любопытныя замѣтки, присоединивъ къ нимъ соответствующія мѣста изъ лѣтописей.

Порядка:	Въ калѣ кѣ:	Подъ то домъ:	Замѣтки:	Соответствующія мѣста изъ лѣтописей.
5-го	27 и	1015	<i>Борисъ.</i>	Подъ 1015 г. въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ «о убѣнн Борисовѣ».
13-го	3 и	1215	<i>Юрьева рать.</i>	Подъ 1216 въ Новгородской первой лѣтописи подробно го-

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, IV, 173.
2. Снимокъ съ этой таблицы помѣщенъ въ концѣ сочиненія См. Приложение къ страницѣ 37.

По- рад- ка:	Въ кѣт- кѣ:	Подъ го- домъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста въ лѣтописей:
13-го	18-й	1230	Дороговъ.	ворится о войнѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Юріемъ (III, 34—35). Подъ 1230 въ Новгородск. 1-й: «купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшо, а ржи 4-ю часть ка-ди купляхомъ по гривнѣ се-ребра», и пр. (III, 45—47).
—	25-й	1237	Татарско.	Подъ 1237 въ Лавр.: «того же лѣта, на зиму, придоша на Рязаньскую землю, дѣломъ безбожнии Татары» и т. д. I, 196). Въ Новг. подъ 1238.
14-го	12-й	1252	Певрюево.	Подъ 1252 въ Воскресенскомъ епископѣ: «сироте Певрюи и Котля и Олобуха Храбрыи на землю Суздальскую со многи-ми вои» (Воскресенск. II, 230).
—	23-й	1263	Олеандръ кнз прес.	Подъ 1263 въ Лавр.: «престави-ся великий князь Александръ, сынъ Ярославль» (I, 204).
—	24-й	1264	Андрѣи Суз-далс.	Подъ 1263 въ Воскресенскомъ: «преставися князь Андрей Яро-славичъ Суздальски» (Воскр. II, 238).
—	27-й	1267	Дмитр Шльи-ва.	Подъ 1268 въ Новгородскихъ: «пособи Богъ князю Дмитрію и Новгородцемъ: бывшу вели-кому спятью, гонима Немець бѣюще до Раковора, въ три пу-ти, 7 версть, яко и коневъ не-гдѣ ступити трупомъ Немец-кимъ» (III, 60 и IV, 41).
15-го	3-й	1271	Андр ожени-са.	Подъ 1270 въ Новг.: «иде князь Ярославъ въ Володимиръ, и от-толѣ иде въ орду, а въ Новѣ-городѣ остави Андрея Вороти-славича» (III, 62). Быть мо-

По- ряд- ка:	Въ квѣт- кѣ:	Подъ го- домъ:	Замѣтки:	Соотвѣствующія мѣста въ лѣтописяхъ:
15 го	4-й	1272	Ярославъ Ми- хайловичъ ро.	Жетъ замѣчена женитьба этого Андрея. Подъ 1272 въ Воскр. «престави- ся великий князь Ярославъ Яро- славичъ. По преставлении же его родися сынъ Михайло» (Воскр. II, 251).
—	7-й	1275	Серень.	Подъ 1275 г. въ лѣтописяхъ нѣтъ этой замѣтки о погодѣ. Слово «серень» употребляется въ лѣтописяхъ: «бѣише серень (=мгла, туманъ) великъ, яко же вои не можаху зрѣти ма- нерити днемъ до вечера» (II, 129).
—	8-й	1276	Василій Ко- стро укр.	Подъ 1276 въ Новг.: «престави- ся великий князь Василій Яро- славичъ, и положенъ бысть у святого Феодора на Костромѣ. (III, 63).
—	10-й	1278	Тетякъ.	Подъ 1278 въ Воскресенскомъ: «князь великий Дмитрій Але- ксандровичъ взя Тетяковъ... Подъ городомъ подъ Тетяко- вымъ, минувше вси горы вы- сокія, Искіе и Черкаскіе, близъ вѣроть желѣзныхъ» (Воскр. II, 255 и 291). Же- лѣзныя вѣрота — Дербѣнь; Деляковъ или Тетяковъ — и и Дивень или Дедухъ. См. Ка- рамзина Ист. т. IV, прим. 157.
—	14-й	1282	Семень.	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг. и Воскр. упоминаются два ли- ца этого имени: «князь Андрей Александровичъ съ Семеномъ Толгичевичемъ пареви би че- ломъ на брата своего на Дми-

По- ряд- ка:	Въ кѣт- кѣ:	Подъ го- домъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
				трея, и въздыну (въздвигнувъ) ратъ Татарскую, и князя Пе- релеславъ на щить... Тогда же князь Андрей Александровичъ поиде изъ Новгорода, пойма съ собою Новгородцевъ Се- мена Михайловича и иныхъ мужъ старѣйшихъ... Приде Семень Михайловичъ въ Тор- жекъ, и сѣде въ Торыску за- садою, а обиліе попровали все въ Новгородъ» (III, 64. — V, 199 — 200. — Воскрес. II 259 — 260. О переселеніи мѣ- чено въ Воскрес. подъ 1283 «тогда убиши на Костромѣ Се- мена Тонгиселча кормленика лестиваго бояре княже Дми- триевы» II, 260.
15-го	21-й	1289	Кашиньска ра	Подъ тѣмъ же годомъ въ Со- фійской первой: «князь Дмитрей Ростовскій нача вѣдати всю свою отчину, и ходи къ Каши- ну ратию» (V, 201).
—	22-й	1290	погиб блок лѣт.	Подъ 1291 въ Новгородѣ: «помроша кони въ Новгородѣ, мало ся оста. Того же лѣта поби мо- розъ обиліе по всей волости Новгородской» (III, 65).
—	24-й	1292	Тохта сѣде.	Подъ 1291 въ Воскр.: «побѣди Тохта Телебугу II, 266).
—	25-й	1293	Дюденево.	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новгородѣ: «отпусти царь брата своего Ду- деня съ множествомъ рати на Дмитрея; города поимана: Во- лодимерь, Москву, Дмитровъ, Волокъ и нны грады; положи- ша всю землю пугу» (III, 65).

Но- мер ст.	Въ кѣтѣ ст.	Ночь то- гого года	Замѣтки:	Соотвѣствующія мѣста въ летописи:
15-го	26-й	1291	Дмитрий крѣ	Ночь тѣмъ же годомъ въ Повг.: «преставися князь Дмитрій въ Волоцѣ» III, 66, т. е. князь Ростовскій Дмитрій Борисо- вичъ.
16-й	2-й	1298	Дмитрий ро- жд.	Ночь 1299 въ Воскр. и Лавр.: «родися князь Михаилу Твер- скому сыну Дмитрію» I, 208.— Воскр. II, 270.
—	6-й	1302	Борисъ крѣ	Ночь тѣмъ же годомъ въ Воскр.: «преставися князь Борисъ Ан- дрѣвичъ на Костромѣ» II, 272 — сынъ великаго князя Андрея Ярославича.
—	7-й	1303	Годъ зима.	Ночь тѣмъ же годомъ въ Повг.: «бысть зима тепла, не бысть снѣга черезъ всю зиму, и не добыша люди хлѣба» и т. д. III, 68
—	8-й	1304	Дмитрий крѣ	Ночь тѣмъ же годомъ въ Повг.: «преставися великий князь Ан- дрей Александровичъ» IV, 68.
—	16-й	1312	Тохта умрѣ.	Ночь 1313 въ Софійск. 4-й:
—	17-й	1313	Ильскъ сжегъ.	«царь Тохта умрѣ, а Ильскъ сжегъ на царствѣ» V, 205.
—	19-й	1315	Горьскъ сжегъ.	Ночь 1315 въ Повг.: «поиде князь Михаилъ къ Горьку; Новгородъ же съ Новогоро- дичи и новгородцами и поже- лъ сжегъ дѣла; и бѣша мнози дѣржавы мужь и бояръ Но- городскихъ... оставаша погнѣи въ городѣ Горькѣ; и нача гра- дити князь Михаилъ» III, 71.
—	20-й	1316	и Ловотъ сжегъ.	Ночь тѣмъ же годомъ въ Повг.: «князь Михаилъ хощахъ на Ловотъ; и поиде рѣкою къ По- вугороду, и мѣсто тогда въ зѣмъ

Но- рад- ка:	Въ вѣст- кахъ:	Подъ го- домъ:	Замѣтки:	Соотвѣствующія мѣста изъ летописей:
16-го	21-й	1317	<i>Канаднхво.</i>	дѣствѣ и въ болотѣхъ, дождеже придоша на <i>Ловотъ</i> , и ту стоя- ша, и бысть въ нихъ гладъ» и т. д. (Карамз. IV, прим. 223). Подъ тѣмъ же годомъ въ Воскр. «прииде изъ орды великий князь Юрьи Даниловичъ на ве- ликое княжение, и приведе с собою Татари, <i>Канадани</i> и Астрабыла» (II, 279).
—	22-й	1318	<i>Михаило оу- битъ.</i>	Подъ 1319 въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ: «уби царь въ ордѣ князя Тѣерскаго Михаила» (III, 72).
—	23-й	1319	<i>дорого морь.</i>	Подъ 1318 въ Никоновскомъ епископѣ: «тое же зимы бысть морь во Твери на люди» (Ни- кон. III, 115). — Въ Псковской 1-й подъ 1314: «изоби мразь всяко жито, и бысть <i>дорогость</i> люта; бѣше же та драгость много время» (IV, 184). Не къ этой ли продолжительной до- роговизнѣ относится замѣтка?
—	25-й	1321	<i>ѣлице полюб- ло.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новгородѣ: «внезаяу померче солнце, и тма бысть яко въ зимнюю ночь, и пакы наполнися помалу» (III, 72).
—	27-й	1323	<i>Дмитри свѣль.</i>	Подъ 1322 въ Новгородѣ: «ходи князь Дмитрій Михайловичъ въ орду, и подъя великое княже- нне» (III, 72).
17-го	2-й	1326	<i>Дмитри оу- битъ.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новгородѣ: «уби царь въ ордѣ князя Дми- трія Михайловича» (III, 73).
—	3-й	1327	<i>Шевкаль оу- битъ.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Псков- ской: «великій князь Тѣерскій

Но- ря- на:	Въ кѣт- кѣ:	Полъ го- домъ:	Замѣтъ	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтоисей:
				Александръ Михайловичъ изби Тотары на Тѣри, великихъ пословъ, Шевкала князи бесер- менскаго и дружину его» IV, 185).
17-й	8-й	1332	владѣи Василю сталъ.	Подъ 1331 въ Повг.: «пріиде архіепископъ Новгородскіи Василии владыка въ Новгородъ изъ Волынской землѣ» (III, 76).
—	11-й	1335	князь Иванъ се- сновалъ.	Подъ тѣмъ же годомъ въ Со- фійской: «пріѣхъ въ Новъ- городъ великій князь Иванъ Даниловичъ» (V, 220, 6).
—	14-й	1338	в. лѣт. 4338.	= въ лѣто 6846, вмѣсто 6846 = 1338.
—	15-й	1339	в. лѣт. 4339.	= въ лѣто 47, вмѣсто 6847 = 1339.
—	16-й	1340	князь Иванъ уйр. По- жаръ вели.	Подъ тѣмъ же годомъ въ Повг.: «преставися князь великій Иванъ Даниловичъ, на Москвѣ. Того же лѣта... бѣше великъ и лють пожаръ, съ бурею и съ вихремъ, яко мнѣти уже кончина» (III, 79).

Предложенное сличеніе показываетъ согласіе табличныхъ замѣтокъ съ свидѣтельствомъ лѣтоисей. Если какое-либо событіе отмѣчено на таблицѣ годомъ раньше или годомъ позже, нежели въ лѣтоисей, то совершенно тоже находимъ и въ показаніяхъ различныхъ лѣтоисей. Весьма часто день событія указанъ одинаково въ нѣсколькихъ спискахъ, а годъ въ одномъ спискѣ обозначенъ предыдущій, въ другомъ — послѣдующій. Краткость и отрывочность не чужды и нѣкоторымъ лѣтоисямъ, преимущественно сѣвернымъ. Стоитъ только, по образцу самихъ же таблицъ, отмѣтившихъ годы 6846 и 6847, замѣнить пасхальныя знаки годами, присоединить къ нѣкоторымъ

изъ нихъ табличныя замѣтки, и передъ нами явится лѣтопись въ такойже формѣ, какую имѣетъ она во многихъ спискахъ.

Возьмемъ для примѣра 16-й порядокъ таблицы, заключающей въ себѣ годы съ 1297 по 1324. Выразивъ пасхальныя буквы цифрами, соответствующими 13-му индиктиону, получимъ слѣдующій рядъ извѣстій:

Въ лѣто 6805. Въ лѣто 6806. Дмитринъ родися. Въ лѣто 6807. Въ лѣто 6808. Въ лѣто 6809. 6810. Борисъ преставися князь.

Въ лѣто 6811. Талая зима.

Въ лѣто 6812. Андрей князь преставися.

Въ лѣто 6813. 6814. 6815. 6816. 6817. 6818. 6819.

Въ лѣто 6820. Тохта умръ.

Въ лѣто 6821. Избавь сѣте.

Въ лѣто 6822.

Въ лѣто 6823. Торжекъ вьзять. 6824. На Ловоти стояли.

6825. Кавадьево. Въ лѣто 6826. Михаилу убить.

Въ лѣто 6827. Дорого морь.

Въ лѣто 6828. 6829. Солнце погнѣло.

Въ лѣто 6830. 6831. Дмитрій съзъ.

Совершенно такого же рода многія извѣстія лѣтописныя, какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію; и заложена бысть Святая Софія Гнезѣ.

Въ лѣто 6526. Въ лѣто 6527.

Въ лѣто 6528. Родися Володимиръ сынъ у Ярослава.

Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава.

Въ лѣто 6530. Въ лѣто 6531. Въ лѣто 6532. Въ лѣто

6533. Въ лѣто 6534. Въ лѣто 6535. Въ лѣто 6536.

Знаменіе змѣво на небеси явися¹.

Подобныя замѣтки явились въ лѣтописи, безъ всякаго сомнѣнія, по личному желанію лѣтописцевъ, независимо отъ Византійскаго вліянія. Эти-то краткія замѣтки были первыми зародышами бытописанія. Самое удобное мѣсто для ихъ появленія представляли пасхальныя таблицы съ готовыми годами: нужно

¹ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. III, 1.

было написать одно только слово, и память о событіи сохранена. Впрочемъ мы не утверждаемъ, чтобы всѣ древнія извѣстія обозначаемы были впервые непременно на пасхальныхъ таблицахъ, и не иначе, какъ черезъ нихъ, перешли въ лѣтопись. Мы полагаемъ только, что многія извѣстія въ лѣтописяхъ весьма сходны по свойству и по формѣ съ пасхальными замѣтками: что послѣднія по всѣмъ соображеніямъ древнѣе первыхъ, и служили для нихъ пособіемъ, и что лѣтописныя извѣстія сходныя съ табличными замѣтками принадлежать къ древнѣйшимъ и самостоятельнымъ.

Такимъ образомъ и общій характеръ древней лѣтописи, открывающійся даже при простомъ чтеніи, и внѣшній ея видъ заставляютъ признать ее произведеніемъ самостоятельнымъ по мысли и отчасти по исполненію. Но это признаніе можетъ получать должную силу только по разсмотрѣніи состава лѣтописи въ подробностяхъ, не по одному общему впечатлѣнію, произвольному ея на читателя.

Полнаго объема своего лѣтопись достигла съ теченіемъ времени: въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Признавая постепенность въ образованіи лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, считаемъ нужнымъ указать, на сколько возможно, путь, по которому шла лѣтопись въ своемъ послѣдовательномъ развитіи.

Внимательное чтеніе лѣтописи удовлетворяетъ въ томъ, что въ ней находятся единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Я говорю о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись остается непременно годъ, въ которомъ оно случилось. Напро-

тивъ того годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значить и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполне у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму.

Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которые отличаются отъ другихъ, во первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во вторыхъ — краткостью. Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большою вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихъ древнѣйшими, какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явился звѣзда велика на западѣ конѣинымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святии (т. е. иконы) въ свитую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися цария Володимеря Аппа.

Въ лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

Въ лѣто 6541. Мстиславичъ Еуставій умре.

Въ лѣто 6546. Ярославъ иде на Ятвягы.

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву; и т. п.

Само собою разумеется, что древность этихъ замѣтокъ относительная: онѣ древнѣе всѣхъ другихъ извѣстій, относящихся къ тѣмъ же годамъ; но во времени появленія ихъ разнища огромная: они являлись до Пестора такъ же, какъ и при немъ и послѣ него. Замѣтка 6481 года гораздо древнѣе находящейся подъ 6541 г.; но между ними то общее, что они одинаково современны отмѣченному каждой изъ нихъ событію, о которомъ сообщаютъ самое раннее извѣстіе.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ¹. Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи. Образцы троякаго рода дополненій представляетъ текстъ древнѣйшихъ списковъ. Уже въ самыхъ краткихъ замѣткахъ упоминалось иногда не объ одномъ только происшествіи. Такъ подъ 6525 годомъ замѣчено: «Ярославъ иде въ Киевъ, и погорѣша церкви». Обыкновеннымъ же признакомъ накопленія извѣстій служить повтореніе выраженій: «въ семь же лѣтъ», «въ си же времена», и т. п., какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6489. Иде Володимиръ къ Лихомъ, и заѣхъ грады ихъ: Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. *Въ семь же лѣтъ* и Выгичи побѣди, и възложи на нь дань огъ плуга, якоже и отецъ его имаше.

Въ лѣто 6579. Воеваша Половци у Ростовыи и у Неятина. *Въ се же лѣто* выгна Всеславъ Святополка изъ Полотьска. *Въ се же лѣто* побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. *Въ си времена* приде волхвъ, и т. д.

Тоже самое замѣчаемъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: «Въ лѣто 6620. Въ лѣто 6621. Ходи Ярославъ на Ятвягы, сынъ Святоплъчъ; и приидѣ съ воины, поѣхъ дѣчерь Мьстиславлю. *Томъ же лѣтъ* преставися Святоплъкъ, а Володимиръ сѣде на столѣ Киевѣ. *Въ се лѣто* преставися Давыдъ Игоревичъ. *Семъ*

1. Соображенія о первыхъ листкахъ нашей лѣтописи предложены въ статьѣ Н. И. Срезневскаго: «Памятники X вѣка до Владимира Святаго». Извѣстія 2-го Отдѣленія Академіи. Томъ III, стр. 36 — 37.

же лѣтъ побѣди Мстиславъ, на Бору, Чюдъ. Въ то же лѣто заложена бысть церкы Новѣгородъ, святаго Николы. Въ то же лѣто погорѣ онъ полъ» и т. п. III, 4).

Подобнаго рода дополненія такъ живо указываютъ на современную имъ Русскую дѣйствительность, что устраняютъ всякую мысль о подражаніи иностранному образцу. Вместе съ тѣмъ есть въ древнихъ спискахъ и такія дополненія и даже краткія извѣстія, которыя обнаруживаютъ весьма раннее вліяніе Византіи на развитіе нашей лѣтописи, возникшей самостоятельно. Сюда относятся извѣстія, подобные слѣдующимъ:

Въ лѣто 6375. Въ лѣто 6376. Поча царствовать Василій. (т. е. Василій Македонянинъ).

Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395. Леонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Александръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6., и др.

Самый перечень лѣтъ въ началѣ погоднаго разсказа составленъ при участіи Византійской хроники. За словами: «отсе гдѣ почнемъ и числа положимъ» слѣдуетъ перечень: «отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; а отъ потопа до Аврама лѣтъ 1000 и 82; а отъ Аврама до исхоженія Моисѣева лѣтъ 430; а отъ исхоженія Моисѣева до Давыда лѣтъ 600 и 1..... А отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святъславля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимерь лѣтъ 37», и т. д. — до смерти Святополка. (I, 7 — 8). Вторая половина перечня составлена, безспорно, Русскимъ лѣтописцемъ, но этого нельзя сказать о первой, находящейся и въ хроникахъ Византійскихъ въ подобной формѣ: «Суть убо отъ Адама до потопа лѣтъ 2042.... От Авраама до исхода Нераилева лѣтъ 309, от-потопа лѣтъ 1579; въкупѣ от-Адама до Давыда лѣтъ 4470. Давыдъ роди Соломона, дръжавъ царство за 40 лѣтъ; Соломонъ роди Ровоама, царствовавъ лѣтъ 40; Ровоамъ царствова лѣтъ 17, Авія лѣта 3» и т. д.¹

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. Приложение. стр. 246 — 248.

Считать года отъ сотворенія міра Русскому лѣтописцу не было никакого повода. Въ Византіи же этотъ счетъ явился въслѣдствіе историческихъ причинъ. Въ первые вѣка христіанства были еще въ Греціи пламенные защитники язычества, снѣлившіеся доказать превосходство его надъ новою религіею. Главное основаніе мнѣніямъ своимъ поставляли они въ новизнѣ христіанства сравнительно съ языческими вѣрованіями. Чтобы противодѣйствовать неправымъ притязаніямъ привѣрженцевъ старины, христіанскіе писатели обратились къ хронологическимъ изслѣдованіямъ, и посредствомъ ихъ доказывали глубокую древность Ветхаго Завета, состоящаго въ непосредственной связи съ Новымъ. Доводы противниковъ терали всю свою силу, когда доказано было, что Моисей жилъ многими вѣками ранѣе Троянской войны, имѣвшей такое важное значеніе въ преданіяхъ языческихъ. Тацитъ, Евсевій, Климентъ Александрійскій, и другіе писатели занимались хронологическими разысканіями¹. Трудами ихъ воспользовались позднѣйшіе хронисты.

Заимствованія изъ Византійскихъ источниковъ не многимъ увеличивали объемъ древней лѣтописи. Несравненно болѣе способствовали ея возрастанію собственные труды Русскихъ лѣтописцевъ, то распространявшихъ прежнія краткія извѣстія о какомъ либо предметѣ, то придававшихъ къ нимъ извѣстія о другихъ предметахъ. Три слѣдующія извѣстія, стоящія рядомъ, какъ бы опредѣляютъ до нѣкоторой степени способъ распространенія первоначальныхъ краткихъ замѣтокъ:

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву.

Въ лѣто 6549. Иде Ярославъ на Мозовѣшапы въ лодяхъ.

Въ лѣто 6550. Иде Володимерь, сынъ Ярославъ, на Ямъ и побѣди я; и помроша кони у вой Володимерь; яко и еще дышущимъ конемъ съдираху хъзы съ нихъ: толикъ бо бѣ морь въ конихъ. (I, 66).

Что древнія извѣстія со временемъ распространялись, на это много доказательствъ представляетъ сравненіе однихъ списковъ

1. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Chronicon Paschale. II. Bonnae. 1832. Praefatio, p. 21 — 22. — Geschichte der Römischen Literatur, von Bahr. Supplement-Band. I Abtheilung. 92 и слѣд.

съ другими. Въ Лаврентьевскомъ, подъ 6411 годомъ: «Игоревн възрастѣню, и хожаше по Ользѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Ольгу» (1, 12). Въ Переяславскомъ лѣтописецъ: «Игоревн възрастѣню и хождаше по Ользѣ и всю волю его творѣ. Приведоша емоу женоу ѿ Плескова именемъ Ольгу, . . . гроумную и корень и основаніе върь Христіанстен, и намѣ вождь»¹. Много примѣровъ распространенія гораздо большаго находится въ Никоновскомъ и вообще въ позднѣйшихъ спискахъ.

Присоединеніе же подробныхъ описаній къ начальнымъ замѣткамъ открывается и въ древнѣйшемъ текстѣ. Подъ 6500 годомъ: «Иде на Хорваты. Пришедшо бо ему съ войны Хорватскыя, и се Печейзи придоша по оной сторонѣ отъ Суть» и т. д. Здѣсь подробно описывается борьба Русскаго снзача съ Печенѣжскимъ, такъ, что все, сказанное подъ 6500 годомъ, состоитъ изъ краткой замѣтки о походѣ на Хорватовъ и подробнаго разсказа о единоборствѣ. Такого же рода извѣстіе подъ 6530 годомъ: «Приде Ярославъ къ Берестію. Въ снзке времена Мстиславу сущю Тматороканю поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожскый Редеди, изиде противу тому» и т. д. Слѣдуетъ описаніе единоборства Мстислава съ Редедю. — Въ подобныхъ извѣстіяхъ рѣзко отдѣляется первая часть, состоящая изъ краткой замѣтки, отъ второй, описывающей событіе съ подробностями. Очевидна неодновременность ихъ появленія, а вмѣстѣ и большая древность первой части въ сравненіи со второю.

Сверхъ указанныхъ нами способовъ составъ лѣтописи дѣлался все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣже предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни Святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ придаію ей вѣншней полноты и внутренняго значенія.

1. Временникъ Москвит. Историч. Общества. 1851. книга 9. Лѣтописецъ Переяславъ Суздальскый, стр. 8.

Мѣста, заимствуемая изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ къ замѣткѣ 6559 года: «постави Ярославъ *Ларіона* митрополитомъ Русина» присоединена повѣсть о пещерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ *Ларіона*. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидаты на свою паству, помѣщено поученіе его — замѣчательный памятникъ Русской словесности XI вѣка, и т. п.¹

Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщали лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразие, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Такъ какъ эти сборники до сихъ поръ остаются самымъ древнимъ памятникомъ нашего бытописанія, то они достойны изученія во всей полнотѣ, со всеми особенностями своего состава. Не имѣя права по своему произволу сокращать памятникъ, передаанный намъ древностью, мы должны разсматривать его въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился онъ въ важнѣйшихъ рукописяхъ.

III.

ЗАИМСТВОВАНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ ЛѢТОПИСИ.

Разширеніе лѣтописи внутреннее и внѣшнее совершалось совокупно: одинъ и тотъ же писатель могъ и подробно излагать событія, о которыхъ были только краткія замѣтки, и внести въ свою лѣтопись сказанія древнія, чтимыя уже его предками. Поэтому оригинальная и заимствованная части лѣтописи могутъ быть и разсматриваемы въ совокупности. Но мы находимъ болѣе удобнымъ предварительно обозрѣть главнѣйшія заимствованія и потомъ перейти къ оригинальному разсказу лѣтописи. Это обозрѣніе тѣмъ умѣстнѣе, что оно можетъ позна-

1. Русскія Достопамятности. Часть I, стр. 3 и слѣд. — Эти списки — Беке-товскій и Котельницкій; ими пользовался Тимковскій при изданіи Песторовой лѣтописи; оба списка сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году.

комить съ характеромъ образованія нашихъ лѣтописцевъ, съ кругомъ ихъ начитанности и умѣньемъ пользоваться ея плодами. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы слѣдующіе: 1) Книги Св. Писанія, 2) Псалтырь, 3) Повѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила Синеки, 4) Житіеописанія Св. Кирилла и Меѳодія, 5) Житіе Владимира Св., 6) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, 7) Поученія Феодосія, 8) Разсказъ Василия, 9) Хроника Георгія амавтола, 10) Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, 11) Договоры Русскихъ князей съ Греками.

1. КНИГИ СВ. ПИСАНІЯ.

1. Книги Св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнное чтеніе предковъ нашихъ. «Иже бо книги часто чють, — говоритъ лѣтописецъ — то бесѣдуютъ съ Богомъ или святыми мужи: почитая пророческыя бесѣды, и евангельская ученія и апостолская, житія святыхъ отецъ, — воспріимлетъ душа велику пользу». (I, 66). Мысль и чувство, возвышавшіяся надъ обыкновенными, облекались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Уклоненіе отъ праваго пути тревожитъ набожное чувство, и оно выражается словами восставшаго его Св. Писанія. «Володимѣрь же посла къ Блуду, — разсказываетъ лѣтописецъ — воеводѣ Ярополчу, съ дѣстью глаголя: «попріи ми; аще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца моего, и многу честь возмешь отъ мене; не язъ бо почаль братью бити, но онъ; азъ же того убоявша придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимѣремъ: «азъ буду тобѣ въ сердце и въ пріязньство». О злая дѣсть человѣческа! Икоже Давидъ глаголетъ: ядый глѣбъ мой възвеличилъ есть на мнѣ дѣсть». (I, стр. 32 — 33).

Тѣмъ живѣе должно было выражаться чувство вѣры, что оно было для тогдашняго Русскаго общества чувствомъ новымъ, ибо, хотя давно совершилось крещеніе Россіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держалось еще язычество со всѣми своими обычаями. Передавая то, что происходило въ его время, лѣтописецъ не могъ

Мѣста, заимствуемая изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ къ замѣткѣ 6559 года: «постави Ярославъ *Ларіона* митрополитомъ Русина» присоединена повѣсть о печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ *Шаріона*. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидята на свою паству, помѣщено поученіе его — замѣчательный памятникъ Русской словесности XI вѣка, и т. п.¹

Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Такъ какъ эти сборники до сихъ поръ остаются самымъ древнимъ памятникомъ нашего бытописанія, то они достойны изученія во всей полнотѣ, со всеми особенностями своего состава. Не имѣя права по своему произволу сокращать памятникъ, переданный намъ древностью, мы должны разсматривать его въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился онъ въ важнѣйшихъ рукописяхъ.

III.

ЗАИМСТВОВАНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ ЛѢТОПИСИ.

Разширеніе лѣтописи внутреннее и внѣшнее совершалось совокупно: одинъ и тотъ же писатель могъ и подробно излагать событія, о которыхъ были только краткія замѣтки, и внести въ свою лѣтопись сказанія древнія, чтимыя уже его предками. Поэтому оригинальная и заимствованная части лѣтописи могутъ быть и разсматриваемы въ совокупности. Но мы находимъ болѣе удобнымъ предварительно обозрѣть главнѣйшія заимствованія и потомъ перейти къ оригинальному разсказу лѣтописи. Это обозрѣніе тѣмъ умѣстнѣе, что оно можетъ позна-

1. Русскія Достопамятности. Часть I, стр. 3 и слѣд. — Эти списки — Бекетовскій и Котельницкій; ими пользовался Тимковский при изданіи Песторовой лѣтописи; оба списка сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году.

комить съ характеромъ образованія нашихъ лѣтописцевъ, съ кругомъ ихъ начитанности и умѣньемъ пользоваться ея плодами. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы слѣдующіе: 1) Книги Св. Писанія, 2) Псалтырь, 3) Повѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила Спикелла, 4) Житіеописанія Св. Григорія и Мефодія, 5) Житіе Владимира Св., 6) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, 7) Поученіи Феодосія, 8) Разсказъ Василия, 9) Хроника Георгія амагута, 10) Сочиненіе Мефодія Патарскаго, 11) Договоры Русскихъ князей съ Греками.

1. КНИГИ СВ. ПИСАНІЯ.

1. Книги Св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнное чтеніе предковъ нашихъ. «Наже бо книги часто чтеть, — говоритъ лѣтописецъ — то бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужи: почитая пророческыя бесѣды, и евангельская ученія и апостолская, житія святыхъ отецъ, — восприимлетъ душа велику поізу». (I, 66). Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облакались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Уклоненіе отъ праваго пути тревожитъ набожное чувство, и оно выражается словами воспитавшаго его Св. Писанія. «Володимѣрь же посла къ Куду, — разсказываетъ лѣтописецъ — воеводѣ Ярополчу, съ дестью глаголя: «попріий ми; аще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца моего, и многу честь возьмешь отъ мене: не азъ бо почалъ братию бити, но онъ; азъ же того убоявша придохъ на нь». И рече Кудъ къ посломъ Володимѣримъ: «азъ буду тобѣ въ сердце и въ пріязньство». О алая десть челоувѣческа! *Икоже Давидъ глаголетъ: ядый хлебъ мой возвеличилъ есть на мнѣ десть.*» (I, стр. 32 — 33).

Тѣмъ живѣе должно было выражаться чувство вѣры, что оно было для тогдашняго Русскаго общества чувствомъ новымъ, ибо, хотя давно совершилось крещеніе Россіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держалось еще язычество со всеми своими обычаями. Передавая то, что происходило въ это время, лѣтописецъ не могъ

умолчать о бытѣ язычниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи. Но говорить о немъ нельзя было равнодушно христіанину, пропикнутому сознаниемъ превосходства свѣта надъ тьмою, еще не вполне разсвѣтлою. Упомянутое о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ пробуждало мысль о противоположныхъ и неизмѣримо высшихъ понятіяхъ и дѣйствіяхъ, открываемыхъ божественнымъ ученіемъ Христа. Подъ вліяніемъ такой мысли явились заключительныя слова въ слѣдующемъ описаніи: «Яко же се и при насъ нинѣ Половци законъ держать отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящися о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы: поимають мачехи свои ятрови, и ины обычая отецъ своихъ творять. Мы же христіане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, въ едино крещеніе, въ едину вѣру; законъ имамъ единъ, елико во Христа крестимося, во Христа облекомося» (стр. 7.). Здѣсь весьма естественно приведеніе текста писателемъ-христіаниномъ. Оно напоминаетъ благодарное воззваніе къ Христу у одного изъ западно-Европейскихъ средневѣковыхъ писателей, передававшего обычай еще памятнаго ему язычества. Печисля мѣсяцы, Беда говоритъ: «Halegmonath mensis sacrorum. Blotmonath mensis immolationum, quod in eo pecora, quae occisuri erant, diis suis voverent. Gratia Tibi, bone Jesu, qui nos ab his vanis avertens tibi sacrificia laudis affere donasti»¹.

Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній Ветхаго и Новаго Завета: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давыда, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даниїла, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый разсказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ Притчей, какъ напримѣръ разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ (стр. 34—35). — Такое же изобиліе мѣстъ изъ Св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ Европейскихъ, отъ Георгія амаргола до Григорія Турекаго. Иногда вся рѣчь ихъ состоитъ изъ длиннаго ряда текстовъ.

1. См. Geschichte der deutschen Sprache, von Jacob Grimm, 1853 стр. 57.

2. ПАЛЕЯ.

Слово *палея* — *παλαιά*, женскій родъ прилагательнаго *παλαιός*, обыкновенно соединяется со словомъ *διατήρη*: ἡ *παλαιά διατήρη* — Ветхій Заветъ, какъ ἡ *καινή διατήρη* — Новый Заветъ. Иногда же оно употребляется безъ своего существительнаго, но съ тѣмъ же значеніемъ *Ветхаго Завета*. Такое употребленіе извѣстно какъ въ Греческихъ рукописяхъ, такъ и въ Славянскихъ, въ которыхъ *παλαιά* или переводилось словомъ *ветхий* безъ существительнаго, или же оставалось безъ перевода: *палеа*, *палты*, и п. — такъ же въ смыслѣ Ветхаго Завета. Въ примѣръ перваго можно привести слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Афанасія Александрійскаго (+ 373) въ подлинникъ и въ древнемъ переводѣ:

Τὸς πρῶτος προστύπωσεν ἐν τῇ <i>παλαιᾷ</i> τοὺς δύο λαοὺς, λέγω δὲ τὸν ἐξ Ἰουδαίων καὶ ἐξ ἐθνῶν¹.	Кто пръвѣе прообразъ въ <i>ветхомъ</i> двоа люди, глаголю же: иже ѿ Иудей и ѿ азыхъ².
---	---

Примѣръ втораго употребленія встречается въ Славянскомъ переводѣ хроники Георгія амавтола: Въ 15-й главѣ отдѣла «о христіанскихъ царяхъ», названной «Богословіемъ о Св. Троицѣ», собраны свидѣтельства о Св. Троицѣ, находящіяся въ Ветхомъ Заветѣ: «вѣдати, яко въ *Ветхемъ Заветѣ* чтѣи единосоушен Трѣи чтительско повченье расъмно бы». Свидѣтельства приводятся такого рода: «сътворим члвка по образу нашему и по подобію (Быт. I, 26): рече Гъ Гъ мѣмоу: сяди одеснуюю мене (Псал. CIX, 1) и т. п., а въ заключеніи сказано: «и инѣми многими *Палеи* проповѣдають, яко не едино лице знаменуетъ влчествия, нъ тремъ кѣствомъ единого же соущества»³.

Подъ именемъ *Палеи*, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ Славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи

1. S. Athanasii opera omnia. Parisiis, 1698. Томъ 2-й стр. 282. Вопросъ 63 и др.

2. Торжественникъ, рукопись Румянцевскаго Музеума. № 435. л. 364 об.

3. Хронографъ Амавтола, рукопись XIII — XIV в., Московской духовной академіи, л. 221 об. — 222.

съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ Іудеевъ и отчасти противъ Магометанъ. Изъ Ветхаго Завета вошли въ падею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Исуса Навина, Судей, Руувъ и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давыдѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Въ такомъ видѣ падея находится въ харатейномъ спискѣ начала XV вѣка 6914 г., какъ сказано въ послѣсловіи, принадлежащемъ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Этимъ спискомъ преимущественно руководствуемся мы при сличеніи падеи съ лѣтописью.

1476.

Связь между ними не подлежитъ сомнѣнію: большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣръ Владимиру — находится и въ падеѣ. Отзывъ Греческаго миссіонера о вѣрѣ Болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками падеи противъ Магометанства. Въ лѣтописи читаемъ: «Посемъ же прислаша Грци къ Володимеру философа, глаголюще сине: слышахомъ, яко прихидиши суть Болгаре, учаше тя пріяти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ чловѣкъ, угодилешеся Содому и Гомору, на не же пусты Господи камень горюще, и потоци я, и погрязоша. Яко и сихъ ожидаетъ день погнѣбеш ихъ, егда придетъ Богъ судити земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣлюща; си бо омываютъ оходы своя, въ ротъ вливають и по брѣдѣ мажются, поминяють Бохмита; тако же и жены ихъ творить ту же скверну и ино луше, отъ совокупленія мужьска и женьска вкушаютъ» (стр. 36—37). Въ падеѣ подобныя обвиненія Магометанъ встрѣчаются при описаніи различныхъ событій, упомянутыхъ въ Библии, сопровождаемыхъ многими отступленіями и толкованіями. Такъ при описаніи 5-го дня творенія и свойствъ замѣчательныхъ породъ птицъ и рыбъ, объ одной изъ послѣднихъ замѣчено: «рыба, зовемая мюрома (моурома) не чѣа кетъ дѣйствомъ и зѣло скверна; егда оубо настанетъ перестъ перость кѣа, тогда оубо ищеть Едовитовъ змиѣ на смѣшеніи; придоучиже въ то время змии въ дѣи кѣа ради потреби, оузрѣвше же ю мюрона и такъ смѣшаше съ едовитымъ гадомъ. Тѣмъ же и не чѣа ѣбесумѣрьскыи (бесоурмешьскыи) законъ, пошеж, кресно Бохмита

своего обати суща, оставляютъ Сбо подружыя свои и сами са содомьскы смѣшаютъ; тогожъ радъ чѣтать свои оходъ паче лица и срца» (л. 21 об. — 22). За повѣствованіемъ о Хамѣ, видѣвшемъ обнаженнаго Ноя слѣдуютъ слова: «Хамъ же племя раздѣлиа въ весь поганьскыи языкъ, и прииша въру Бохмичю, иже оскверниа землю, ... иже въ Жидовьскаго хлана въроваша; но си вса послѣди скажю». (л. 57 — 57 об.). И дѣйствительно потомъ говорится «о върѣ Бохмичѣ» — при описаніи гибели Содома и Гоморры, въ которомъ находится слѣдующая укоризна върующимъ въ Бохмита: «Постыдите же са оубо вы и пострамитеса, въры Бохмичѣ оканьшии Агаране. Не разумѣите же оубо что ради бы Сodomъ и Гоморъ: злаго ради права, иже вы нѣше держите..... вы хлани нарекошеса, въроваши въ Жидовьскаго хлана Бохмита». л. 69).

Нельзя не замѣтить связи между приведенными мѣстами: авторъ обѣщаетъ сказать «послѣди», и выполняетъ свое обѣщаніе. Взаимное отношеніе укоровъ магометанству показываетъ, что они — не случайныя выписки изъ какого либо памятника, на примѣръ изъ лѣтописи, а части обдуманнаго цѣлаго, явившіяся вслѣдствіе главной мысли, положенной въ основаніе труда. Замѣтимъ такъ же, что въ лѣтописи сравненіе поклонниковъ Бохмита съ жителями Содома и Гоморры не имѣетъ надлежащаго смысла, который отърывается только посредствомъ сличенія съ палеею. Еще одно обстоятельство, заслуживающее вниманія: въ лѣтописи, какъ и въ палее, невыгодныя отзывы о слугахъ Бохмита принадлежатъ христіанину, имѣющему цѣлью показать превосходство своей въры надъ магометанскою.

Сами же Болгары, по свидѣтельству лѣтописи, говорили Владимиру такъ: «въруемъ Богу, а Бохмичѣ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти съ женами похоть творити блудную. Дастъ Бохмичѣ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, и беретъ едину красну, и всѣхъ красоту възложитъ на едину: та будетъ ему жена; сдѣ же, рече, достоятъ блудъ творити всякъ. На семь свѣтъ аше буде кто убогъ, то и тамо; и ина многа лести, ея же не изъ псати срама ради». (стр 36). Хотя этихъ словъ въ палеѣ нѣтъ, но

по связи ихъ съ приведенными выше, считаемъ умѣстнымъ здѣсь же указать на ихъ источникъ. Они заимствованы изъ Византийскихъ жизнеописаній Могомеда, древнѣйшій образецъ которыхъ принадлежитъ Теофану (+ 817). Эти біографіи извѣстны и въ Славянскихъ переводахъ. Въ хроникѣ Амартіа говорится о происхожденіи, судьбѣ и ученіи Могомеда, который училъ, что въ раю «ильтѣская пища и питиѣ и смѣшеніе женское боудеть.... И аще кто кѣтъ здѣ богатъ или нищъ, такожде и въ гредоущимъ вѣцѣ.... Научихъ обрѣзатисе..... заповѣда же имъ все кже закономъ повелѣное ясти, развѣ свиныхъ мѣсъ; вина же всако не пити.... И женамъ ихъ быти с ними (въ раю) и съпретати имъ власы *друг. списк.*: и требити власы имъ, и всачьскыи оугаждати тѣмъ сластолюбивымъ тѣлесемъ»¹. Въ Никоновскомъ спискѣ помѣщено «сказаніе о хулией вѣре Срацынстей», въ которомъ говорится, что лжепророкъ *Моамедъ* положилъ «обрѣзаватися; не суботствовати; свиныхъ же мѣсъ не ясти; вино, еже пити, отнюдь отрече». Въ будущей жизни, по его ученію, женамъ Срацынъ «быти с ними безстрастно, и пометати имъ храмы, и всячески угажати, рече. Иудѣомъ же и Християномъ в дровъ мѣсто огнемъ подложенномъ быти. Самаряномъ же, рече, смѣгне износити і мотылу ихъ изъ рай. Каждо же, якоже и здѣ жилъ есть, или в богатствѣ или в нищетѣ, тѣмъ же образомъ и онамо жити».² У Мусульманъ есть преданіе, что тотъ, кому суждена наименьшая степень райскаго блаженства, будетъ обладать 80,000 слугъ и 72 женами, сверхъ тѣхъ, которые принадлежали ему на землѣ³.

За указаніемъ ложности ученія Магометайвъ, Пашистовъ, Иудеевъ помѣщена вѣлѣтшиса проповѣдь Греческаго миссіонера, въ которой съ особенной подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ Св. Писа-

1. Хроника Амартіа, рукопись Синодальной библиотеки. № 118, л. 311 об. — 318.

2. Русская лѣтопись по Никонову списку. I. 96 — 103.

3. Les livres sacrés de l'orient. Paris, 1842. Observations historiques et critiques sur le mahométisme, стр. 502.

ви. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ летопись, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвши смерть, не зная, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока имъ прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую: увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ, и т. п. Несходство летописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ пален: въ ней встрѣчается большая часть добавленной летописи сравнительно съ Библіею. Многое въ летописной передачѣ проповѣди миссіонера находится какъ въ палѣ, такъ и въ Библии. Случая соответствующія мѣста, замѣчаемъ, что летописецъ, пользуясь палесою, имѣлъ постоянно въ виду книги Ветхаго Завета. Это ясно изъ того, что нѣкоторыя подробности имѣютъ болѣе сходства съ повѣствованіемъ библейскимъ, другія — съ палесою, какъ напримѣръ:

Бытія III, 1—7 по рукописи XIV в. Троицко-Сергіевой (авры л. 3).

Палеса (л. 36 об. — 37 об.).

Летопись, I, 38.

Змѣи же бѣ мудрѣиши. Змѣи же бѣ ѣдриши. Видѣвъ же дьяволъ, яко вѣтъ звѣрии, сущихъ вѣтъ звѣрии, сущи (соу- почти Богъ человека, по земьли, ѣже створи шихъ) по всемъ земьли. възвидѣвъ ему, преобра- Гѣ Бѣ, и рече змѣи къ же- Дьяволъ, ѡпадъи славы змѣи въ змѣю, и приде къ нѣ: что ѣко вача рече Бѣи и свѣтлости, огрѣ- Бѣи и рече ей: почто не Бѣ: не имата ѣсти ѡ шнѣи помысла своего и ѣста отъ древа, сущаго всего древа, сущаго в раѣ. зашѣи своѣи пагубѣи, и посредѣ раѣ? И рече же- И рече жена къ змѣи: ѡ не стерѣи видѣи Бѣи на къ змѣи: рече Богъ: всего древа, сущаго в почьщеи чѣека, и пре- не имата ѣсти, ои да раи, ѣднѣи, а ѡ пло- ложиса на ѣсть... при- умрета смертию. И рече да же древу, еже естъ ступи змѣи къ женѣ... и змѣи къ женѣ: смертию посреди раи, рече Бѣ, не рече: все ли повелѣи не умрета; вѣдѣи бо можита ѣсти отъ него, ни ѣсти сущи в раѣ дре- Бѣи, яко въ онъ же имата прикоснутиса емъ, ео?.... (С) всего повелѣ- день ѣста отъ него, от- да не оумрета. И речеи Бѣ, рече, ѣсти, верзетася очи ваю, и бу- змѣи къ женѣ: не смертию развѣи единого древа, ѣже- дѣта яко и Богъ, раи- оумрета, вѣдѣи бо естъ посредѣ раи. Рече- ѣтъище добро и зло. И Бѣ, ѣко в онъ же дѣи бо Бѣ: ѡ плода его не видѣи жена, яко добро сѣѣста ѡ него, ѡверза- можита ѣсти, ни имата, древо въ ядъ, и вземши		
---	--	--

таса очи ваю и будета реч, прикоснутиса кѣмъ; снѣсть, и власть мужю
 ыко Бѣ, разумѣваща ои, то смртню оумрета... своему, и яста, и отвер-
 добро и зло. I видѣ жена Дьяволя же.... оусты zostася очи нма, и разу-
 древо ыко добро въ снѣть мншвы.... рече къ же мѣста, яко нага еста, и
 i угодно бы очима ви-и: ни смртню оумрта сншнста листьемъ смя-
 дѣти и красно разумѣти. по тѣмъ ваю не повелѣ коьнымъ препоясанье.
 и вземши ѿ плода его Дѣ исти, да не будета
 снѣсть и дастъ же i му- ыко Бѣ. в он же бо днѣ
 жо своему с собою, и снѣста и ѿверзетася очи
 снѣста. И ѿверзетася ваю, и будета ыко Бѣ,
 очи обѣма, и разумѣта. разумѣюще добро и зло...
 ыко нага кста; и сншнста Си же видѣвъ, добръ
 лнственн смоконное, и красно бы древо, вза ѿ
 створиета себѣ оба пре-ища кто и снѣсть... и
 поясаны.

и дастъ мужени своему. и
 снѣ ѿверзетася очи...
 и разумѣта.... ыко нага
 кста... и сншнста собѣ
 лнственн смоконное и
 створиета собѣ препоя-
 саны.

Почти все то, чего нѣтъ въ Библии, читается въ одномъ и томъ же видѣ и въ Лѣтописи и въ Псалмѣ, а именно:

Исая, г. 48—48 об.

Реч же Каинъ брату своему Авелю: поидѣтъ оубо на поле; и бы
 всегда имъ быти на поле, и оуми-
 сн Каинъ на Авела брата своего
 оубити, и (не оумиаше како оу-
 бити и: не бы) не бы кто г оубивае
 (кто кого оубивае, но плочуи са-
 тона, рече: возми камень и оудари
 въ главу. Онъ же вземъ камень и
 и оуби брата своего.... И порадо-
 вася сатона, и реч: азъ кемъ кму
 сотворишь нсѣ породы изнчану бы-
 ти, и се оуже болше зло ввергохъ,
 и плачь нма налѣзохъ. И плакажеса
 Адамъ и Нва надъ Авелемъ 30 лѣт,

Лѣтописи, I. 38.

И рече Каинъ: «изидѣе на поле»
 снѣ. Яко изидетъ, нѣста Каинъ
 и хоташе убити и, и не умише, како
 убити и, и рече ему сатона: возми
 камень и удари и. Вземъ камень и
 уби и... И дьяволъ радовашеся,
 рыка: се, его же Богъ почти, азъ
 створишь ему оиастн Бога, и се
 нмѣтъ плачь ему налѣзохъ. И пла-
 кастеса по Авели лѣтъ 30, и не
 снгни тѣло его, и не умѣста его
 погребсти. И повелѣньемъ Божиимъ
 итениа 2 прилетѣта, единъ ею
 умре, единъ же ископа лму, и
 вложи умершаго, и погребѣ и. Ви-

и не съгни тѣло его, и не оумѣ-
ста его погresti. И повелѣньемъ
Бжнмъ прилѣгста двѣ горлицы,
идва же кою оумре, и другаиже
ископавши нмоу и вложи в ню
оумршую и погребе: то видѣвъ,
Адамъ и Ева (и) погребоша Аве-
ля, и оуста сии плачь.

дѣвши же се Адамъ и Ева, иско-
паста нму, и вложиша Авеля, и по-
гребоста съ плачемъ.

Въ такомъ же отношеніи къ палеѣ находятся и многія дру-
гія добавленія лѣтописи. По всей вѣроятности, они вошли въ
нее изъ палеи, а не наоборотъ. Въ палею же внесены изъ раз-
личныхъ источниковъ, и болѣе всего изъ такъ называемой «ма-
лой книги Бытія» — ἡ λεπτὴ Γένεσις, откуда заимствовали мно-
гое Синкеллъ, Кедринъ и другіе Византійскіе хронисты. Въ
числѣ вопросовъ Афанасія Александрійскаго, писанныхъ къ
князю Антиоху, есть слѣдующій:

Τινὸς ἔγω γὰρ τότε ἀποθανόντος,
πόθεν ἔμαθεν ὁ Καὶν φονεῦσαι
τὸν Ἀβελ; ὁ διάβολος; αὐτῷ κατ'
ὄναρ ὑπέδειξεν, πρὶν τὸ πρῶτον
καταῶσαι τὸν ἀδελφόν¹.

Никому же еще не умръшъ, откуда
навыкъ Канъ оубити Авеля? Дя-
воль емъ во снѣ показа, кимъ обра-
зомъ умрътви братъ своего².

Въ «главахъ раввина Елеазара», находится описаніе погребенія Авеля. Передаемъ это описаніе по латинскому переводу у Фабриція: *Considerabant autem Adam et uxor ejus fletus et lugentes propter eum, et nesciebant quid faciendum esset Abeli, quia non assueti erant sepulturae. Venit autem illuc corvus quidam, atque sumpsit quendam e sociis suis, quem in terra defodit et abscondidit coram illorum oculis. Dixit Adam: «uti corvus iste, sic quoque faciam». Illico sumpsit cadaver Abelis, defodit in terra atque abscondidit³. — Подъ именемъ «главъ раввина Елеазара» извѣстна Еврейское сочиненіе, частью историческаго содержанія, частью вымышленнаго. Историческій разсказъ обнимаетъ время до Мардохея и Есфири, передавая преимущественно дѣянія патриар-*

1. S. Athanasii Opera. Parisiis. 1698. III, 281. Quaestio 37.

2. Рукопись Румянцевскаго Музеума. № 435, л. 364.

3. Fabricii: Codicis pseudepigraphi Veteris Testamenti volumen alterum, p. 67.

ховъ. Полагають, что это сочиненіе не справедливо приписывается раввину Елеазару, сыну Гирканову¹.

Превосходнымъ пособіемъ при изслѣдованіи мѣсть апокрифическихъ можетъ служить «Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti», Фабриція, изд. въ Гамбургѣ, 1-я часть въ 1722 году, 2-я ч. въ 1741 г.

Лѣтописное изложеніе исторіи Ветхаго Завета заключается сборникомъ пророчествъ: 1) объ отверженіи Жидовъ, 2) о призваніи странъ, 3) о воплощеніи Божіемъ, 4) о страданіяхъ Исуса Христа, 5) о распятіи Его, 6) о воскресеніи Его. Въ налѣѣ за повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщенъ такъ же сборникъ пророчествъ, принадлежащихъ впрочемъ одному Давыду, а не разнымъ пророкамъ, какъ въ лѣтописи. Пророчества расположены въ такомъ порядкѣ: 1) о Св. Троицѣ, 2) о потаенныхъ вѣщахъ, 3) о Пресвятой Дѣвѣ, 4) о воплощеніи Исуса Христа, 5) о вочеловѣченіи Его, 6) о срътеніи, 7) о крещеніи, 8) о преображеніи, 9) о чудесахъ, 10) о Лазарѣ четверодневномъ, 11) о вшествіи Исуса Христа въ Іерусалимъ, 12) о сонмищѣ Жидовскомъ, 13) объ Іудѣ, 14) о тайной вечерѣ, 15) о страсти Господней, 16) о распятіи и о крестѣ, 17) о положеніи во гробъ, 18) о сошествіи въ адъ, 19) о воскресеніи, 20) о вознесеніи Исуса Христа, 21) о сошествіи Св. Духа на Апостоловъ, 22) о собраніи языковъ, 23) объ отверженіи Жидовъ, 24) о призваніи странъ. Почти все пророчества Давыда, приводимыя въ лѣтописи, находятся и въ налѣѣ. Вѣроятно оба сочиненія заимствовали изъ общаго источника; но едва ли онъ заключался въ проповѣди миссіонера, расположившаго пророчества сообразно съ своею цѣлью. — Въ одномъ изъ списковъ слова Иларіона о законѣ и благодати² находится рядъ пророчествъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ и въ лѣтописи: отсюда можно бы заключить, что пророчества внесены въ лѣтопись изъ слова Иларіона, который и привелъ ихъ въ систематическій порядокъ. Но такое заключеніе опровергается какъ составомъ списка и свойствомъ находящихся въ немъ вставокъ,

1. Wolfii: Bibliotheca Hebraea. 1713. T. I, 172 — 174.

2. Прибавленія къ твореніямъ Св. Отца въ Русскомъ переводѣ. 1844. Часть 2-я стр. 232 и стр. 289 — 290. прим. 7.

такъ и свидѣтельствомъ самого слова. Пророчества вставлены въ рукопись непосредственно за прекраснымъ противоположеніемъ двухъ началъ въ Иисусѣ-Христѣ, и не имѣютъ внутренней связи съ этимъ противоположеніемъ. Самъ авторъ говоритъ: «еже поминати въ писаніи семь пророческая проповѣданія о Христѣ, то изнихъ есть», потому что объ этомъ «въ нѣхъ книгахъ писано» (стр. 225). Следовательно свидѣтельство самого Пларіона заставляетъ считать собраніе пророчествъ не его трудомъ. Поэтому скорѣе можно допустить позднѣйшее внесеніе ихъ изъ лѣтописи въ слово, нежели на оборотъ.

Признавая въ лѣтописномъ изложеніи библейской исторіи преимущественное участіе палеи, мы должны упомянуть о мнѣніи, по которому лѣтописецъ нашъ руководствовался въ этомъ случаѣ другимъ источникомъ. Полагаютъ, что «можно разложить весь рассказъ философа анонима, повѣствующаго св. князю Владиміру библейскую исторію. Это сотканіе отрывковъ удостовѣрить, что не Свящ. Писаніе, во времена Нестора едва ли вполне переведенное, но тотъ же Георгій (т. е. Георгій Амартолъ) руководствовалъ нашего лѣтописателя въ семь случаевъ¹. Нѣкоторыя частности въ лѣтописномъ рассказѣ встрѣчаются и у Амартола. Такъ извѣстію лѣтописи: «нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имяна, звѣремъ и гадомъ; и самъма ангель повѣда имяна» (стр. 38) находимъ соотвѣствующее не въ палеѣ, а у Амартола: «Адамъ по повелѣнію Бгю створи имена всѣмъ члвчрь-вожицамъ, и птицамъ, и гадомъ, и рыбамъ, и своимъ чадомъ; свогго же имени и женѣ кго айсгль Гѣъ речъ има»². Слова лѣтописи: «възведе и на гору *Вамьску* и пока за ему землю обѣтованную, и умре Моисіи ту на горѣ» (стр. 41) объясняются изъ Амартола: «възиде на гороу Варимьскоую, иже и *Авамьска*, и показа кму Гъ всю землю обѣщанноюу»³. Но большая часть сходнаго въ лѣтописи и у Амартола находится и въ Библии, которою руководствовался такъ же Амартолъ, посвятившій библейской ис-

1. Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV. книга I. 1828. II. *Строева*: О Византійскомъ источникѣ Нестора. стр. 171.

2. Хроника Амартола, рукопись XIV в. Моск. Д. Акад. л. 18 об.

3. Тамъ же. л. 54. об. — 63.

помежи Асоура и Вавилона в лѣтъ многа хранимъ Евера).
останокъ нго.

И. 61 об. По раздѣленіи оубо изыскъ Бѣ вѣтроу великимъ раздруши столпъ, и кетъ останокъ нго межи Асоура и Вавилона, на позн, нарицаемъ Сенаръ. Кетъ же останокъ столпа въ высоту и в шире мѣра ег 5.000 и 400 и 30 и 3 локоть.

Сличая всѣ сходныя мѣста въ палеѣ и въ лѣтописи, приходишь къ заключенію, что большая часть ихъ перешла изъ палеи въ лѣтопись¹, и только немногія внесены изъ лѣтописи въ палею. Священная исторія въ лѣтописи заимствована, повидному, изъ палеи, а не обратно, ибо въ послѣдней она составляетъ цѣлое, наложенное съ опредѣленнымъ намѣреніемъ: въ лѣтописи же она представляется эпизодомъ, хотя и весьма умѣстнымъ, искусно связаннымъ съ общею нитью повѣствованія. Космографія въ палеѣ имѣетъ болѣе сходства съ находящеюся у Сыкелла, нежели съ тою, которая помѣщена у Амартота и въ нашей лѣтописи. Свѣдѣнія же, касающіяся Русской земли и сопредѣльныхъ ей странъ, перешли въ космографію палеи, по всей вѣроятности, изъ лѣтописи. — Все это показываетъ, что лѣтопись подвергалась дополненіямъ, вставкамъ, и въ свою очередь служила матеріаломъ для пополненія другихъ памятниковъ, и уже послѣ нѣсколькихъ измѣненій приняла тотъ видъ, въ которомъ сохранилась въ спискахъ наиболѣе древнихъ.

1. Въ статьѣ гг. Оболенскаго «о греческомъ кодексѣ Георгія Амартота», помѣщенной въ «Труды Моск. историч. общ. 1846. Л. IV, сказано: «какъ Хроника Амартота служила несомнѣнно источникомъ для лѣтописи прецелобнаго Нестора, такъ и Палея І. Дамаскина, по всей вѣроятности, находилась у него также въ рукахъ», стр. 88. Но что заимствовалъ изъ нея Несторъ, не опредѣлено. Заимствія на эту статью предложены г. Удольскимъ въ Москвитинѣхъ. 1846. Л. 4, стр. 219 — 220.

3. ИСПОВѢДАНІЕ ВѢРЫ.

Символъ вѣры, приводимый въ дѣтониси, какъ препода-
ный Владимиру по крещеніи, есть сокращеніе того самаго сим-
вола, который гораздо пространнѣе излагается въ Греческихъ
сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ «исповѣданіи Вѣры» Михаила
Синкелла. Михаилъ, синкеллъ¹ Иерусалимскаго патріарха Ѳомы,
другъ Θεодора Студита († 826 г.), подобно ему пострадавшій
отъ иконоборцевъ, составилъ изложеніе вѣры, извѣстное подъ
названіемъ *ἀρελλος παρὶ τῆς ἐκτεδῶς πίστεως*.² Оно весьма
рано переведено на Славянскій языкъ: въ Святославовомъ сбор-
никѣ 1073 г. между другими статьями находится «Михаила
Сунькелла Иероусалимьскаго написаникъ о правѣи вѣрѣ». Для
объясненія символа, помѣщеннаго въ дѣтониси, приведемъ его
сравнительно съ Греческимъ подлинникомъ и древнимъ Сла-
вянскимъ переводомъ. Это сравненіе можетъ до нѣкоторой сте-
пени возстановить текстъ дѣтониси, показывая, какое изъ че-
тырехъ различныхъ списковъ должно быть признано правильнымъ.
Ссообразуясь съ подлинникомъ, мы переносимъ въ текстъ нѣ-
которые изъ вариантовъ.

Исповѣданіе Михаила Синкелла³ Сборникъ Святослава (руко-
пись Синодальной библио-
теки). Л. 20 об. — 23⁴. Дѣтонисъ. I, 48.

Πιστεύω εἰς ἕνα θεόν, Вѣрую въ единого Бга. Вѣрую въ единого Бога
πατέρα ἀγέννητον, καὶ въ Отца нерождена и въ Отца нерожеца, и въ еди-
εἰς ἕνα υἱόν γεννητόν, единого Сна рождена, и ного Сына рожена, въ
καὶ εἰς ἕν πνεῦμα ἅγιον въ едины Дхъ Сгын не-едины Сгын Духъ не-
ἐκπόρευτον, τρεῖς ὑπο-ходныи, трии собѣства ходящъ, три собѣства
σάσεις τελείας, νεεράς, свѣршена, разоумна, раз-свершена, мыслена, раз-
διακριμένας ἀριθμῶ καὶ дѣлаема числомъ и собѣ-дѣлѣма числомъ и собѣ-

1. *De Cange*: Glossarium mediae et intimae graecitatis. Lugduni. 1688. p. 1470
— 1472: «συγκελλος — concellaneus, domesticus — dignitas ecclesiastica. Syncello-
rum porro dignitas magna fuit, adeo ut sub Romano Argyro confessus praerogativam
in sacris liturgiis supra metropolitam sibi arrogare ausi fuerint», etc.

2. *Fabricii Bibliotheca Graeca*. Hamburgi. 1721. T. X., стр. 220.

3. *Montfaucon*: Bibliotheca coisliniana olim Segueriana. Parisiis. 1713. Michae-
lis Syncelli libellus de orthodoxa fide, стр. 90 — 91.

4. По коніи Святославова Сборника въ Румянцовскомъ музеумѣ, подл. 9^о 336.
Л. 21 об. — 23 об.

ὑποστατικαῖς ιδιότησιν, ственными свойствами, ственнымъ собствомъ. а
 ἀλλ' οὐ τριότητι. δια- не божествомъ. Раздѣлн- не божествомъ. Раздѣ-
 ροῦνται γὰρ ἀδιαίρετως, хтъ бо са нераздѣлны лаетъ бо са нераздѣлно и
 καὶ συνάπτονται ἀσυγ- и съвѣкоупляжъсь не- совкупляется неразѣсно.
 χύτως. πατὴρ γὰρ αὐ- измѣнно. Оцъ бо свок- Отецъ бо — Богъ Отецъ.
 τυρόστατος ὁ πατὴρ, сообственъ сообственъ приносимъ пребываетъ во
 αἰὶ ὧν καὶ μένων ἐν τῇ, Оцъ, приносимъ пребы- отчество, нероженъ, безъ-
 πατρότητι, ἀγέννητος, вая въ отчество, не рож- началенъ, начало и вина
 ἀναρχος, ἀρχὴ καὶ αἰτία, день, безъ начала, начало вѣтъ, единѣтъ неро-
 τῶν πάντων, μένη τῇ, и вина вѣтъ, единѣтъ женемъ стартій сый Сы-
 ἀγέννησίᾳ διαφέρων τοῦ нерожденномъ различнѣ ны и Духови.
 υἱοῦ καὶ τῇ πνεύματος, съ Сиомъ и съ Дхомъ, и
 καὶ τῷ εἶναι πατὴρ, кже быти Оцъ.
 εἴ ἢ γενῶνται μὲν ὁ υἱὸς, Отъ негоже рождаются Отъ него же рождаетъ-
 πρὸ πάντων τῶν αἰώνων, οὐδὲ Снъ, прже вѣтъ ся Сынъ прже вѣтъ
 ὧν, ἐκπορεύεται δὲ τὸ πνεῦμα, вѣтъ, исходить же и вѣтъ, исходить же Духъ
 πνεύμα. τὸ ἄρρον ἀχρό- Стыи Дхъ безвременно Святый безъ време-
 νως καὶ ἀσώματως ἅμα и бесплътнѣ. Иже и и безъ тѣла. Вкупѣ
 γὰρ πατὴρ, ἅμα υἱὸς, Оцъ, тоуже и Сынъ, тоу Отецъ, вкупѣ Сынъ, вку-
 ἅμα πνεῦμα. υἱὸς αὐτοῦ, иже и Стыи Дхъ. Снъ и Духъ Святый есть.
 πρόστατος ὁ υἱὸς, ἐκεί- своксобственъ Снъ, кдн- Сынъ подобосущенъ и
 σιος, καὶ συνἀναρχος ногоущнѣ и събознача- събозначаленъ Отцю, ро-
 τῷ πατρὶ τῷ γεννητόρι, льнъ Оцю родившюуоу- женемъ точью разнѣ-
 τῇ γεννῶσι μόνῃ δια- мой. рожденномъ тѣтъ, ствуй Отцю и Духу. Духъ
 φέρων τῇ πατρὶ καὶ различоу отъ Оца и отъ есть пресвѣтлѣй, Отцю и
 τοῦ πνεύματος. πνεῦμα Δῆα. Дхъ своксобнъ Сину подобосущенъ и
 αὐτοπρόστατον τὸ πνεῦ- Стыи Дхъ, Оцю и Сиоу приносущенъ.
 μα τὸ ἄρρον, τῷ πατρὶ кдиносоушнѣ и съпри-
 καὶ τῷ υἱῷ ἐκείσιν сносущнѣ....
 καὶ συνᾰίδιον.... τῇ μὲν Оцю отчество, а Сиоу Отцю бо отчество
 πατρὸς ἢ πατρότης, τῇ сновство, а Стоуоу- Сину же сыновство
 δε υἱοῦ ἢ υἱότης, τῇ δὲ μοу Дхоу исходъ. Не Святому же Духу не-
 ἀχίον πνεύματος ἢ ἐκ- бо ни Оцъ въ Сна или ложенье. Ни Отецъ бо
 πόρευσις. οὔτε γὰρ ὁ въ Дхъ прѣмѣноукъ въ Сынъ же въ Духъ
 πατὴρ εἰς υἱὸν ἢ πνεῦ- са, ни Снъ въ Оца прѣстѣпаетъ, ни Сынъ во
 μα μεταβαίνει, ὥστε ὁ π.п. въ Дхъ, ни Дхъ Отца и въ Духа, и Духъ
 υἱὸς εἰς πατέρα ἢ πνεῦ- въ Сна или въ Оца: бес ни въ Сынъ ли во Отца;
 μα, οὔτε τὸ πνεῦμα εἰς подвига бо соутъ свои не подижена бо срой-
 υἱὸν ἢ εἰς πατέρα ἀκί- ства... ствѣя.
 νητος γὰρ ιδιότητες...

ἡ τρεῖς θεοί· εἰς γὰρ
 θεός, ἐπεὶ καὶ μία θεό-
 της ἐν τρισὶ προσώ-
 ποις.... βεβαίηται πατὴρ
 τε καὶ πνεύματος τοῦ
 οὐκ εἰδόν ἀναστῶσθαι
 πλάσμα, ἐκ τῶν πα-
 τρῶν κολῶν ὅτι ἐν ἡ
 ἀπέστη κατελθὼν, καὶ
 τὴν παρτενικὴν μήτραν
 τῆς πανάγκιστον θεός
 σπέρτος εἰσδύς, καὶ σάρ-
 κα ἐμφυχωμένην ψυχῇ
 λογικῇ τε καὶ κερᾷ μὴ
 προὑποστάσῃ προσελθ-
 ρώς, προήλθε θεός σε-
 σαρκωμένος, γεννηθεὶς
 ἀβρόχως, καὶ τὴν παρ-
 τενικὴν τῆς τεκούσης
 φυλάξας ἀδιάρτητον· ἡ
 φερόμεν, ἡ σύγχυσιν, ἡ
 τροπὴν ὑπερβαίνας· ἀλλὰ
 μεῖνας ὅπερ τὴν, γένονεν
 ὅπερ ἡ τὴν, προσλαβὼν
 τὴν τῇ δούλου μορφῇ
 ἀληθείᾳ ἡ φαντασίᾳ,
 κατὰ πάντα πλὴν τῆς

ἁμαρτίας ἡμῶν ὁμοιω-
 τείς.... ἐκὼν γὰρ ἐγεν-
 νήθη, ἐκὼν ἐπείνασεν,
 ἐκὼν ἐδίψησεν, ἐκὼν ἐκο-
 πίασεν, ἐκὼν ἐδειλία-
 σεν, ἐκὼν ἀπέθανεν.
 ἀλήτως καὶ ἀφαντα-
 σιάστως πάντα τὰ φυ-
 σικὰ, καὶ ἀδιάρλητα
 πάθη τῆς ἀνθρωπότη-
 τος. σταυροῦν τε καὶ
 θανάτου γευσάμενος ὁ
 ἀναστρέψας, καὶ ἀνα-

Хотя бо родися, хотя, Волею бо родися, во-
 алъка, хотя жада, хотя лею вѣалка, волею вжа-
 троуждася, хотя боужа- да, волею трудися, волею
 шеся, хотя оумре, устрѣшися, волею умре.
 Вѣстнигоу и не ма- Чтенигоу, а не мечтаемъ
 тежѣмъ вса кѣтѣвствныи вса естѣвственая и неокле-
 и беззорныи страсти вѣтаны страсти челоуѣч-
 чивчество бѣстрасти. Про- ства. Распить же ея,
 нать же и съмърти въкоу- смѣрти вкуси бѣзырѣни-
 си бѣзгрѣшныи, и въскръ- ный, въскрѣсь въ своѣй
 сноупѣ въ свои кмоушлоти, не видѣвши не-
 плѣти, не видѣвши не- тѣлѣны. На небеса взиде

σὰς τῆς ἰδίας σαρκὸς τῆς ἰδίας... (чловѣческою и сѣде одесную Отца.
 ἐν ἰδοῦσῃ φεραν... сжшше) на небеса съ со- Придѣть же пакы с да-
 εἰς οὐρανὸς συναγαγὼν ὁμοι възнесѣ, посади оде- вою судити живымъ и
 κακὰ τῶν ἐν δεξιᾷ τῇ σποуж Оца. Придѣть же мертвымъ: якоже възде
 πατὴρ. ἦτοι δ' αὖτὰ πᾶ- пакы въ славѣ сждитъ съ своею плотью, тако
 λην κρίναι ζῶντας καὶ живымъ и мертвымъ, сшдетъ.
 νεκρῶν, ἐν τρόπῳ имже образомъ възде съ
 ἀνῆλθε, μετὰ τῆς ἰδίας своѣкъ плотьж...
 σαρκὸς.... Πρὸς τοῦτοις Къ сему единому Къ симъ единому кре-
 ἐν βάπτισμα ἐμελεγῶ крштеннѣ исповѣдан во- щенне исповѣдаю во-
 δι' ὕδατος καὶ πνεύμα- дою и Дѣломъ.... При- дою и Духомъ. Присту-
 τοις.... προσέρχεται τοῖς стоунажъ къ прѣчистымъ наю къ прѣчштымъ тш-
 ἀχράντοις μυστηρίοις, таишамъ, и вѣроуи намъ, вѣруа во истину
 πιστεύων αὐτὰ ἀληθῶς въистинноу сошста тѣ тѣлю и кровь. Пріемлю
 εἶναι σῶμα καὶ αἷμα.... ло и кровь.... Прием- церковная преданья, и кла-
 Δέχομαι τὰς ἐκκλησια- аж же прѣшныя прѣда- ниюся честнымъ иконамъ.
 στικὰς παραδόσεις.... шпш... Покланялся дрѣ- Кланяюся древу честному
 προσκυνῶ τὸ ξύλον τῷ воу—чѣстнаго крста... кресту, и всякому кресту;
 τῷ σταυρῷ.... каѣ и въсему образу... свитымъ мощемъ и свя-
 πάντα τύπον τοῦ σταυ- крыта; стымъ съсоу- тымъ съсудомъ.
 ρῷ, τὰ ἱερά τε σκεύη.... домъ.... Покланялся и
 προσκυνῶ καὶ τιμῶ.... чѣтоу.... чѣстнымъ....
 τὰς σεπτάς... εἰκόνας... образомъ.... Покланялся
 προσκυνῶ καὶ τιμῶ τὰ и чѣтоу Стынамъ всѣмъ
 τῶν ἁγίων πάντων λεῖ- мощьмъ.
 ψαυ.

За приведенными словами слѣдуетъ у Михаила Синкелла заключение, а въ лѣтописи — извѣстіе о соборахъ, начинаю- щееся такъ: «вѣруи же и семи сборъ свитыхъ отецъ» (стр. 49 — 50), и сходство между двумя памятниками прекращается. Хотя и у М. Синкелла говорится вкратцѣ о соборахъ, но только о шести, а не о семи, и притомъ означаетъ, въ какомъ храмѣ былъ каждый изъ нихъ, а не предметъ совѣщаній, какъ дѣлает- ся это въ лѣтописи.

Для свѣдѣній о соборахъ находилось уже въ XI — XII в. довольно много источниковъ. Въ сборникѣ Святослава непосредственно за исповѣданіемъ Михаила Синкелла помѣщена статья «о стынхъ и мирьскыихъ шести сборѣхъ». Въ ней

сперва нечисляются лица, бывшія на соборахъ, а потомъ описываются причины и дѣйствія соборовъ. Лица названы также, что и въ лѣтописи за исключеніемъ Петра Монаха, на шестомъ соборѣ, неупоминаемаго въ сборникѣ. Въѣсто: «Тимовей Александрьскыи, дьяканъ намѣстыа Дамасова, папы Римскааго», въ лѣтописи: «отъ Рима Дамасъ, а отъ Олександріа Тимоѣѣи», и нѣсколько такого рода упоминаній отсутствующихъ папъ.

Подробныя свѣдѣнія о семи соборахъ заключаются въ посланіи патріарха Фотія къ Болгарскому царю Михаилу¹. Такъ какъ оно писано въ Болгарію, то могло быть весьма рано и переведено на Болгарскій языкъ и сдѣлаться извѣстнымъ на Руси въ подлинникѣ или въ Болгарскомъ переводѣ. Въ посланіи приводится символъ вѣры въ такомъ же видѣ, какъ и теперь читается въ нашей церкви, и за тѣмъ пространно описываются дѣянія вселенскихъ соборовъ: о каждомъ изъ нихъ сказано столько же, сколько въ лѣтописи обо всѣхъ вмѣстѣ. Лица упоминаются у Фотія вообще также, что и въ лѣтописи, но съ болѣею полнотою и точностію. Присутствовавшихъ на четвертомъ соборѣ Фотій нечисляетъ такъ: Анатолій Цариградскій (τῆς βασιλεὺς πόλεως); 2 епископа и 1 пресвитеръ, занимавшіе мѣсто папы Льва; Максимъ Антиохійскій и Ювеналій Иерусалимскій. Въ лѣтописи названы только: «Левонтій Римскій, Анатолій Царягорода, Ювеналій Иерусалимскій», и т. п. У Фотія Римскій епископъ упоминается прежде всѣхъ другихъ только однажды, въ лѣтописи же — постоянно, сообразно съ цѣлю показать, что прежде бывало на общихъ соборахъ и *Римское* духовенство.

Описаніе соборовъ находится такъ же у Георгія амавтола и у другихъ Византійскихъ хронистовъ.

На основаніи какого-либо Византійскаго сочиненія составлено лѣтописное повѣствованіе о соборахъ. Русскою добавкою кажется обвиненіе Латынъ въ томъ, что они землю называютъ матерью: «землю глаголють матерію: да еще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, также землю». Обвиненіе западнаго духовенства въ томъ,

1. Photii, S. Patriarchae Constantinopolitani Epistolae, per Richardum Montacutum latine redditae et notis subinde illustratae. Londini. 1651. стр. 3 и слѣд.

что «ови попове единою женою оженѣся служить, а друзи до семьи жены поймаючи служить», могло возникнуть только до преобразованій Гилдебранда, последовавшихъ въ 1073 году¹.

Можно замѣтить еще, что слова: «якоже глаголетъ Василій» относятся не къ предыдущему, какъ они отнесены Тимковскимъ, а за нимъ и археографическою комиссіею, а къ последующему. Въ изданіяхъ того и другой читается: «Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крестъ поставленъ ѿцѣловать, и иконы предаша. Лука бо евангелистъ первое написа въ Римъ, яко же глаголетъ Василій; икона на первый образъ приходитъ» (стр. 49).² Евангелистъ Лука дѣйствительно написалъ образъ Богоматери, и притомъ не одинъ, а нѣсколько, какъ извѣстно изъ церковнаго преданія. Василію же Великому принадлежать слова, слѣдующія за его именемъ и передающія не точно какъ въ лѣтописи: «икона на первый образъ приходитъ», такъ и въ чтеніи, предлагаемомъ Тимковскимъ: «яко на первый образъ приходитъ». Въ книгѣ о Св. Духѣ, глав. 18, Василій Великій говоритъ: «ὁμοῖα ἢ τῆς εἰκόνης τῆς ἐπὶ τῷ πρῶτῳ τοῦ διὰ ζῆλου».³ Ближе къ подлиннику, нежели въ самыхъ спискахъ лѣтописи, переведено это мѣсто въ припискѣ XVI в. на полѣ одного изъ нихъ, Хлѣбниковаго, а именно: «почетъ образа на первообразное приходитъ». Врѣще чтеній Лаврентьевскаго и другихъ списковъ чтеніе Никоновскаго и его изданія: «предали суть свѣтѣи Апостоли, крестъ целовати, сицежь и иконы предаша: Лука бо Евангелистъ первое написа въ Римъ, написавъ, яко же глаголетъ Василій: иконная честь на первый образъ приходитъ»⁴.

1. Чтенія Моск. историч. общества. 1817. Л. 3. Статья *Боткина*: о Несторовой лѣтописи. стр. 39.

2. Лѣтопись Несторова, изд. *Тимковскаго*. 1821. стр. 79.

3. S. Basilii opera. Parisiis. 1839. Т. III, p. 82.

4. Руская лѣтопись по Никонову списку. I, 90.

Важное значеніе символа, вложеннаго въ лѣтописи, указано въ Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра. «Мы думаемъ, говоритъ авторъ, что этотъ символъ есть дѣйствительно тотъ самый, который неповѣдали нѣкогда уста и сердце просвѣтителя Россіи, и потому есть драгоценнѣйшій памятникъ нашей церковной старины, какъ договоры первыхъ князей Кіевскихъ съ Греческими императорами — драгоценнѣйшіе памятники нашей старины гражданской. Нынѣ соглашаются, что упомянутые договоры отнюдь не выдуманы самимъ лѣтописцемъ; а точно существовали, дошли до него въ письменахъ, въ подлинникахъ или въ копіяхъ съ подлинниковъ, и только внесены имъ въ лѣтопись: почему же не сказать того же самого и объ неповѣданіи въры..... Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакого основанія считать этотъ символъ сочиненіемъ самого лѣтописца»¹. Буквальное сходство символа съ неповѣданіемъ Михаила Синеки, прибавимъ мы, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что лѣтописный символъ есть произведеніе не оригинальное Русское, а переводное.

4. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ СВ. КИРИЛЛА И МЕОДІЯ, ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХЪ.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи Угровъ и войнѣ съ Моравами и Чехами, принадлежащими къ племени Славянскому. Для Славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась Славянскѣя, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтописъ сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ, и наконецъ о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпнулъ преимущественно изъ такъ называемыхъ Цаннонскихъ жизнеописаній.

¹ Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра. Соч. архимандрита Макарія. 1816. стр. 361.

Самый богатый источник для знакомства съ судьбою Кирилла и Меодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по Славянски въ Панноніи. Полагають, что житіе Св. Кирилла писано ученикомъ его, Климентомъ, епископомъ Болгарскимъ. Житіе Св. Меодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ, а на томъ основаніи, что въ житіи Меодія болѣею частью пропускается то, что подробно описано въ житіи Кирилла, можно бы въ обоихъ произведеніяхъ видѣть трудъ одного и того же автора. Достоинство житій, какъ матеріала для историческихъ изслѣдованій, определено профессоромъ Горскимъ въ превосходной статьѣ его «о Св. Кириллѣ и Меодіи», помѣщенной въ Москвитинѣ, 1843 г. № 6. Въ ней исторія Славянскихъ первоучителей въ первый разъ изложена систематически по Славянскимъ же источникамъ, свидѣтельство которыхъ оцѣнено со всею ученою основательностью. Оба житія во всемъ своемъ объемѣ напечатаны Шафарикомъ въ памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ¹.

Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другаго какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти Русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но и въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ свидѣтельство лѣтописи волинь, а изъ житій Меодія и Кирилла, по изданію Шафарика, только мѣста, соответствующія лѣтописному разсказу.

1. Památky dřevního písemství Jiho-Slovánův. V Praze. 1831. Зѣкъ помѣщенъ отдѣльными статьями: *Život sv. Konstantina*, *Život sv. Methodia*, и др. — Объ изданіи Шафарика см. Повѣстія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 293 и слѣд.

Житіе Методія. Приложивши сѣ въ ты дѣни Ростиславъ, князь Словѣнскъ съ Сватополкомъ, и посласта изъ Моравы къ царю Михаилу, глаголюща тако, яко Божією милостию здравн есмы, и соуть во ны вѣшли оучители мнози христіане, изъ Влаахъ и изъ Грекъ и изъ Немецъ, оучаще ны различъ, а мы Словени проста чадь, и не имамъ, иже бы ны настави въ истинноу и разумъ сказати. То добръ, владыко, послѣ такъ моужь, иже ны исправитъ всякоу правдоу. Тогда царь Михаилъ рече къ философу Константину: слышиши ли, философъ, рѣчь сию? Ниъ сего да не можетъ сътворити развѣ тебе. Тѣмъ дамъ ти дари мнози, и, поимъ братъ свой, игоумень Методен, и иди же. Вы бо еста Селоуизини, да Селоуизине все чисто Словенскы бесѣдоуютъ. Тогда не смѣста сѣ отречи ни Бога, ни царя.... но великоу слышавъша рѣчь, на молитвоу сѣ шложиша и съ ниѣми, иже бѣдоу тогоже доуха, егоже и сѣ. Да тоу гави Богъ философу Словенскы книги, и абіе оустрои въ писмена и бесѣдоу съставъ, поутѣ сѣ ать Моравскаго, поимъ же Методія.

Житіе Кирилла. И абіе сложи писмена и начеть бесѣдоу писати Евангельскоу: испрѣва бѣ Слово, и Слово бѣ оу Бога.... Вскорѣ же весь црковный чинъ приѣмъ, на оучи и оутрѣниши, и часономъ, и вечерни, и павечерниши, и тѣмъ сѣ сѣ.

Лѣтопись. I, стр. 11—12.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ, и княземъ ихъ, Ростиславъ и Сватополкъ и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и имѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказы и поучалъ насъ, и проговаривалъ свѣтлыя книги; не разумѣмъ ни Греческу языку, ни Латинску: они бо ны оуако учатъ, а они бо ны и оуако; тѣмъ же не разумѣмъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжныя словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся (въ житіи Кирилла: събравъ же съборъ царь), и сказа имъ рѣчи вся Словѣнскы князь. И рѣша философы: есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ; сѣ у него сынове разумни языку Словѣнску, хитра 2 сына у него философа. Се слышавъ царь, посла по ня въ Селунь ко Лвови, глаголя: послѣ къ намъ въскорѣ сына своя Методія и Константина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоша ко цареви, и рече има: сѣ прислазѣ ко мѣ Словѣнска земля, просиши учителя сѣбѣ, иже бы могли имъ проговаривати свѣтлыя книги; сего бо желаютъ. Умолена быста цареви, и поидоша въ Словѣнскую землю къ Ростиславу и Сватополку и Къцилови. Сима же пришедъшема, нача сѣ съставляти писмена азбукы Словѣнскы, и предложѣста Апостолъ и Евангеліе. Ради быша Словѣни, яко слышаша ве-

Житіе Меѡодіа. Бѣхоу же етера многа чада, ꙗже доулихоу Словенскыя кнѣгы, глаголюще, ꙗко не достонѣ ни которому же азыкоу имѣти боукѡвъ сплъ, развѣ Евреи и Грекѣ и Латинѣ, по Пилатову писанію, еже на крестѣ Господни написа. Еже апостоликъ пилатинъ и треазычникы и проклатъ.... Пославъ же Коцель къ апостоликоу, проси Мефодіа, блаженнаго оучителя нашего, да бы емоу отпоустилъ.... И посла и, написавъ епископію сію: «Андрѣишъ епископъ и рабъ Божіи къ Ростиславоу и Коцелю.... Сеи же единѣ храните обычаи, да на мѣши прѣвое чтоутъ Апостолъ и Евангеліе Римскы, таче Словенскы, да са исполнить слово кнѣжное. ꙗко възхвалять Господа вси азыци, и другонци: вси възъглаголютъ азыки различны величїа Божїа, ꙗкоже дастъ имъ Дѡуль Свѣтъ отъщевати. Аще же кто отъ съборниахъ вамъ оучитель и слышавшихъ слоуи и отъ истины отвращающихъ на блуди, начнеть дрѣзновѣ низко развращати вы, ꙗда кнѣгы азыка вашего, да будетъ отлоученъ, но токмо въ соудъ дани церкѣи, дондеже са исправитъ: ти бо соутъ волци, а не овца, аже достонѣ отъ плодъ ихъ знати и хранити са ихъ. Вы же, чада Божїа, послушайте ученїа и не отриците казанїа церковнаго, ꙗкоже вы наказалъ Меѡодїй учитель вашъ. Константинъ же възвратися въспитъ, и иде учить Болгарскаго азыка, а Меѡодїй оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцель кнѣзь постави Меѡедѣя епископа въ Пачин, на столѣ свѣтаго Онѣдроника апостола единого отъ 70, ученика свѣтаго апостола Павла

личья Божїа своимъ азыкомъ. Посемъ же преложиша Псалтырь и Охтанкѣ, и прочая кнѣгы. Иѣци же начаша хулити Словѣнскыя кнѣгы, глаголюще: ꙗко не достонѣ ни которому же азыку имѣти букѡвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекѣ, Латинѣ, по Пилатову писанію, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ царежъ Римскїй, похулитѣль, ꙗже ропшутъ на кнѣгы Словѣнскыя, река: да са исполнить кнѣжное слово, ꙗко възхвалять Бога вси азыци: другое же: вси възъглаголютъ азыки величїа Божїа, ꙗкоже дастъ имъ Свѣтъ Дѡуль отъщевати. Да аще кто хулитъ Словѣнскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкѣи, донде са исправитъ: ти бо соутъ волци, а не овца, ꙗже достонѣ отъ плода знати ꙗ, хранитися ихъ. Вы же, чада Божїа, послушайте ученїа и не отриците казанїа церковнаго, ꙗкоже вы наказалъ Меѡодїй учитель вашъ. Константинъ же възвратися въспитъ, и иде учить Болгарскаго азыка, а Меѡодїй оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцель кнѣзь постави Меѡедѣя епископа въ Пачин, на столѣ свѣтаго Онѣдроника апостола единого отъ 70, ученика свѣтаго апостола Павла

Прежде же (т. е. до путешествія въ Константинополь) отъ оученикъ своихъ посади два цопы скорописца зѣло, преложи въборѣ вса книги исполнь, развѣ Маккавей, отъ Греческа азыка въ Словенскъ, шестію мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двюдесате . шести днѣ октабры мѣсяца. Скончав же достоиную хвалу и славу Богу въздасть, дающему таковою благодѣть и поспѣхъ. И сватое възношеніе тинное съ клиросомъ своимъ възнесъ, сътвори память сватаго Димитрія.

Меоодіѣ же посади два цопы скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Греческа азыка въ Словенскъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двюдесату и 6-ю день октябры мѣсяца. Окончавъ же достойно хвалу и славу Богу въздасть, дающему такую благодѣть епископу Меоодію, настоящиму Анѣдровицкому.

Внимательное сличеніе предложенныхъ сказаній привело автора изслѣдованія о Кириллѣ и Меоодіи къ заключенію, что не жизнеописатель пользовался лѣтописью, а лѣтописецъ жизнеописаніемъ. На это указываютъ въ лѣтописи сокращенная передача словъ панской буллы и пропускъ замѣчаній о книгахъ Маккавейскихъ и объ окончаніи перевода къ дню Св. Димитрія Солунскаго. Последнее обстоятельство важно было въ жизнеописаніи Меоодія, уроженца Солунскаго, но для Русскаго лѣтописца не имѣло особеннаго значенія¹.

5. ЖИТІЕ ВЛАДИМИРА СВЯТАГО.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владимира и всей земли Русской лѣтописецъ нашъ слѣдуетъ автору «житія блаженнаго Володимера». Оно съ вѣроятностію можетъ быть приписано монаху Іакову, Русскому писателю XI вѣка². Повѣстія лѣтописи подъ 6495, 6496, 6497, 6504 и 6523 годами заимствованы преимущественно изъ житія Владимира. Судя потому, что многое изъ помѣщенного въ лѣтописи подъ числен-

1. Москвитининъ, *О Св. Кириллѣ и Меоодіи*, стр. 432 — 433, прим. 31.

2. Объ Іаковѣ см. Историческія чтенія 2 отд. Акад. 1832 и 1833 г. стр. 32 — 61 и 99 — 116.

ными годами, въ житіи не находится, можно-бы полагать, что житіе есть позднѣйшее извлеченіе изъ лѣтописи. Къ такому же выводу склоняетъ и сравненіе нѣкоторыхъ извѣстій объ одномъ и томъ же предметѣ въ обоихъ памятникахъ. Въ лѣтописи: «посла Володимерь ко цареви Василью и Костянтину, глаголя сице: се градъ ваю славный взяхъ; слышно же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не власта за мя, створю граду вашему, яко же и сему створихъ И послушаста цари, посласта сестру свою, сановники нѣкія и презвитери; она же не хотяше ити: яко въ полонѣ, рече, иду, лучи бы ми едѣ умерети. Прѣста ей братья: еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавиши отъ лютыя рати: видши ли сколько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ, аще не идещи, тоже имуть створити намъ; и ода ю принудиша. Она же сѣдши въ кубару, цѣловавши ужикъ спод, съ плачемъ поиде чрезъ море, и приде къ Корсуню». (стр. 47). Въ Житіи: «Он же, вземъ градъ, посла къ царемъ, къ Василью и къ Костянтину, въ Царьградъ, глаголя има: се градъ вашъ славный взяхъ; слышахъ же, яко имаста сестру дѣвою, — дайте ю за мя; аще ли ми ея не даста, азъ и Царюграду тако сътворю по сему И посласта цари Аину, сестру свою и с нею воеводы и прозвутеры, и приидоша в Корсунь»¹. — Въ лѣтописи: «повелѣ (Владимиръ) всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотыищъ кунами. Устрои же и се, рекъ: яко немощни и болни не могутъ долѣзти двора моего; повелѣ пристронтити кола: въскладше хлѣбы, меса, рыбы, овоць разноличный, медъ въ бчелкахъ, и въ другихъ квасѣ, — возити по городу, въирашающимъ: кдѣ болни и нищъ, не могы ходити? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся цедля: устави на дворѣ въ грядищи циръ творити и приходить при князи и безъ князя: бываше множество отъ мисъ, отъ скота и отъ зѣрины; бѣше по изобилію отъ всего», и т. д. (стр. 54). Въ житіи: «Бяху же нищи приходѣне на дворъ его, и приимаху, кто чего требоваше; а цедужнымъ, немощнымъ ходити, повелѣ

1. Христіанское чтеніе. Часть II, 1849. стр. 330.

слугамъ, да в дома приносятъ имъ. И многы створи добродѣтели»¹. Подобныя мѣста могутъ казаться въ житіи сокращеніями изъ пространнаго разсказа лѣтописи. Но съ другой стороны есть и въ житіи такія извѣстія, какихъ не находимъ въ лѣтописи. Такъ въ послѣдней говорится о низверженіи одного Перуна, а въ житіи читаемъ: «Волоса идола, его же именоваху скогъа бога, велѣ в Почаину рѣку вврещи; Перуна же повелѣ привязати к коневи, къ хвосту» и т. д. Въ лѣтописи нѣтъ такъ же и сравненія Владимира съ Моисеемъ и т. п. Притомъ житіе, даже и въ подлиннѣйшихъ спискахъ, очевидно подвергавшихся измѣненіямъ, имѣеть видъ отдельной статьи, а не извлеченія. Сравнительно съ лѣтописью въ житіи не достаетъ извѣстій политическихъ, которыя были бы неумѣстны въ сказаніи о томъ, какъ крестился Владимиръ. Если предполагать, что житіе составилось посредствомъ выписокъ изъ лѣтописи только тѣхъ происшествій, которыя имѣють религіозное значеніе, то чѣмъ объяснить пр-пускъ символа вѣры, внесеннаго въ лѣтопись уже въ древнѣйшихъ ея спискахъ. Это мнимое опущеніе всего вѣрнѣе объясняется тѣмъ, что житіе составлено независимо отъ лѣтописи, и что къ нему присоединены символъ уже послѣдствіемъ, когда лѣтописецъ изъ нѣсколькихъ источниковъ составилъ одно цѣлое.

Житіе Владимира введено въ Христіанскомъ чтеніи 1849 г. въ числѣ трехъ памятниковъ Русской духовной литературы Мѣла стр. 328 — 335. Ученый вѣдатель признаетъ, что не авторъ житія поминать что-либо у лѣтописца, а наоборотъ. Исторъ вѣдатель готовъ уже сочиненіемъ, и вѣсть его въ свою лѣтопись. Такое замѣчаніе основывается на примѣлахъ прѣисности, изложенныхъ въ житіи и въ особеннѣе стѣхъ выраженій, отличившихъ въ лѣтописѣ подлиннѣйшаго повѣствователя въ сравненіи съ авторомъ житія. Съ вѣ житіе не да не въ рѣку, а въ море, и въ рѣку, а въ море, и въ рѣку, а въ море.

1. Тамъ же, стр. 332

шаше мы симъ образомъ» измѣнены въ лѣтописи такъ: «иже прелашаше симъ образомъ *человѣкъ*», и т. п.¹.

6. СКАЗАНИЕ О БОРИСѢ И ГЛѢБѢ, СОСТАВЛЕННОЕ МОНАХОМЪ ІАКОВОМЪ.

Лѣтописное изложеніе судьбы Бориса и Глѣба (стр. 57 — 60) представляетъ, какъ мы уже замѣтили, сокращеніе сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, принадлежащаго тому же монаху Іакову, которому приписываютъ и житіе Владимира. Отношеніе сказанія къ лѣтописи разсмотрѣно въ изслѣдованіи о древнихъ жизнеописаніяхъ Русскихъ князей, помѣщенномъ во 2 томѣ Публ. 2 отдѣленія академіи наукъ².

7. ПОУЧЕНІЯ СВ. ТЕОДОСІЯ.

Въ лѣтописи подѣ 6575 (въ иныхъ спискахъ подѣ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Теодосія Печерскаго (+ 1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: На Русскую землю пришли иноплеменники — Половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альту; но по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганныхъ: Русскіе князья бѣжали, а Половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Теодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи. Въ предлагаемомъ сличеніи пользуемся спискомъ, находящимся въ Румянцовскомъ музеѣ и имѣющимъ названіе: «поученіе блаженнаго Теодосія, игумена печерскаго, о казняхъ Божіихъ».

1. Тамъ же. стр. 308 — 309.

2. Оно напечатано и въ Историческихъ Чтеніяхъ о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ Второго Отдѣленія Академіи 1852 и 1853 гг., записка И. И. Срезневскаго: Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X — XI вѣка. стр. 92 — 96 и др.

Рукопись Румянцевскаго музея,
Л. 333, л. 310—312

Наводитъ Бѣ по гнѣву своему казнь каку либо или поганыхъ, зане не встанимъ к Богу, а оубоная рать бываетъ ѿ соблазненна діавола и ѿ злыхъ чинѣхъ. Бѣ бо не хочетъ зла чинѣхъ, но блага, а діаволъ радуется всемоу злому, творимому въ чинѣхъ. Не кони бо тои есть врагъ намъ: хочетъ оубиства и кровопролития, подвиза свары и лависти, братоубиства и клеветы. Странѣ оубо съгрѣшившии косяи злою, казнить Бѣ смертью, или голодомъ, или нагелениемъ поганыхъ, или беззакониемъ и иными различными казнями: еще ли покажишесѣ будемъ в немъже ны Бѣ везить быти. Глаголю бо намъ пророкомъ: обратитесѣ ко мнѣ всемъ срѣнемъ казнемъ, постомъ и плачемъ, въ всемъ каю Бѣмъ твораче. Да еще быхомъ в злочѣхъ Бѣихъ пребываи, то и сѣхъ ходяще приимемъ близъ земли, и по бжественіи сего свѣта живемъ. Но мы цѣло змы снѣвши, и кѣмъ грѣшнѣеи ходяще, грѣхъ къ грѣху прилагавше, въ всемъ гнѣвающе Бѣ, зане предъ очима его твораче по вса днѣ. Готораи пророкомъ сѣхъ к мнѣ рече, рече, яко жестоки и крѣпостни іудеи іерусалимъ есте творачи каю; тои ради оубрашъ ѿ каю дѣхъ и прѣхъ сѣхъ оубрашъ, а другою же оубрашъ, и еще

Литовскій, I, стр. 72—73.

Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю, и тако скрушеніемъ имъ въскормишасѣ къ Богу; усобица же рать бываетъ отъ соблазненна дьявола. Богъ бо не хочетъ зла челоуѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитію, подвизая свары и лависти, братоубиства, клеветы.

Земли же согрѣшившии которѣи-либо, казнить Богъ смертью, или голодомъ, или нагелениемъ поганыхъ, или бедою¹, или гуселницею, или иными казнями: еще ли покажишесѣ будемъ въ немъже ны Богъ везить жити (въ другихъ спискахъ: быти). Глаголетъ бо пророкомъ намъ: обратитесѣ ко мнѣ всемъ срѣнемъ казнемъ, постомъ и плачемъ. Да еще сице створахъ, всѣхъ грѣхъ прости будемъ.

Но мы на злое въ рѣшениа змы снѣвши, и кѣмъ грѣшнѣеи приидомъ казнимъ, и тако пребывемъ. Тѣмъже пророкомъ намъ глаголетъ: рече, яко жестоки еси и злы и крѣпостни тѣи. То о ради умерзлавъ еси въ дѣхъ, прѣхъ сѣхъ оубрашъ, а другою же оубрашъ, и еще, и порочимъ змы снѣвши и рѣшениа змы снѣвши. То и тѣмъ же

1. Къ какому числу относится слово Литовскій? въ рукописи — р. м. м. по числу Литовскій? въ рукописи, следовательно слово Литовскій не въ рукописи.

земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различными казнями. То и тако не обратитесь ко мнѣ: сего ради виноградъ вашъ и древа всяка, пощаща плодъ, и нивы, и все истрохъ, глеть Гь, а злобъ вашихъ не могу истерти; но посылаю на вы помалу различными напасти, ꙗкоже показывшеся въстаетесь ѿ злобъ вашихъ. Послахъ на вы смрти тяжкия и на скотъ вашъ, и быхъ ѿ васъ оутѣхъ всякоу пищи вашей; но и тоу не обратитесь ко мнѣ, но рѣте: моужемъ еще. Доложь не насытитесь злобъ вашихъ. Вы оубо уклонившеся ѿ пути моихъ, глеть Гь, и сами погибаете съ свои ми безаконни, и ины мнози съблзните. Сего ради буду свидѣтель скоро на противныя, и на прелюбодѣла, и на клепоущае именемъ моимъ, и на лишающа мзды наминкоу, и на сльствующа сиротѣ, соудъ неправъ. Почто презрѣте словеса моя, и уклонитесь ѿ закона моего, и не сохраните оправданнй моихъ. Обратитесь ко мнѣ, глеть Гь, и азъ обращаюся къ вамъ, и ѿверзу длань мою, и възращу ѿ васъ гнѣвъ мой, доидеже въ всемъ изобилуете, и дамъ вамъ всяко обиліе, и долгъ дѣла вашъ створю. Но вы прино неправдѣ пребываете, словеса глеть жива. Усты же чтите мя, глеть Гь, а сердце ваше далече ѿстоитъ ѿ мене: того ради ниже просите и не примете, и боудетъ бо, речъ, егда призовете мя и не послушаю васъ; възвощу мене зли и не обратятъ; не восхотѣша бо, речъ, поутемъ моимъ ходити.

обратитесь ко мнѣ. Сего ради виноградъ вашъ, и смоковне ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глеть Гь, а злобъ вашихъ не могу истерти. Послахъ на вы различные болѣзни и смрти тяжкия, и на скоты кзнь свою послалъ, то и ту не обратитесь, но рѣте: моужемъ.

Доложь не насытитесь злобъ вашихъ. Вы бо уклонитесь отъ пути моего, глеть Гь, и соблазните мнози. Сего ради буду свидѣтель скоро на противныя, и на прелюбодѣла, и на клепоущае именемъ моимъ во злю, и на лишающа мзды наминка, и сльствующа сиротѣ и вдовици, и на уклоняюща судъ кривъ.

Почто не выдержаетесь въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклоните закони мои и не сохраните ихъ. Обратитесь ко мнѣ и обращаюся къ вамъ, глеть Гь, и азъ отверзу вамъ длань небесную и отверзю отъ васъ гнѣвъ мой, доидеже все обилуетъ вамъ; и не имутъ немощи виноградъ вашъ, ни нивы. Но вы отяжаете на мя словеса ваша, глеть Гь, сущи работаннй Богу. Тѣмъ же усты чтутъ мя, а сердце ихъ далече отстоитъ мене: сего ради ниже проситъ не приемлемъ; будеть бо, речъ, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ; възвощу мене зли и не обратите, не восхотѣша бо ходити по путемъ моимъ.

Да того ради затворяеть Бѣ
ноо и не поущаетъ дождя, ово
ли злѣ отверзаетъ, град поущаа и
мразом ꙗбѣды погоубаа, и землю
зносѣтъ тома, наших ради безбож-
ниі. Аще ли съ поклемъ ѿ злобъ
наших, то акы чадомъ подаетъ Бѣ всеа
блага, и одождитъ намъ дождь ранъ
и позднъ, и наполнѣтъ гумна наша
пшеницы, и въздемъ намъ за лѣта,
ѣже проузи и хрѹстове. Сила моя
великаа, юже послахъ на вы, глѣтъ Бѣ
Вседержитель. Се слышите, подвиж-
немъ на добро; възмите соудъ, из-
бавите обидчанаго, и на показаніе
приидѣте, не въздающе зла за зло, ни
клеветы за клевету; но любовию
прилетѣмъ. Гви, постомъ и рыда-
ніемъ и слезами омыающе прегрѣ-
шенія наша. Но, словомъ нарицающе
хрѣтіане, а поганскі живуще. Се бо
не поганскі ли творимъ: аще кто уса-
щетъ черница, или черницу, то възра-
щаетъ, ли свиню, ли конь лихъ;
то се не поганскі ли есть: се бо по
дьяволу ꙗзученью кобъ сію держать.
Друзи і зачиханью вѣрють, еже
бываеть многаяжды на здравіе главѣ.

Но сими дѣлазъ летитъ и друтии
правы, и всаческими дѣстми пре-
бываеми отъ Бога: възвѣкованіемъ,
чарѣбаніемъ, блудомъ, зношетвомъ,
рѣзонманіемъ, прикладъ, татѣю и
лжею, завистию, клеветомъ, грѣба-
ми, екоморохѣ, гоусельми, санѣми
и всакими и҃рими и дѣлеси нечѣдо-
выми. Видимъ бо и ꙗз злы дѣла всѣ

Да того ради затворяется ве-
бо, ово ли злѣ отверзается,
градъ въ дождя мѣсто пуская,
ово ли мразомъ ꙗбѣды узиоблаа, и
землю зносѣтъ тома, наших ради
злѣбъ. Аще ли съ поклемъ ѿ злобъ
нашихъ, то акы чадомъ своимъ дастъ
намъ всеа прощенія, и одождитъ намъ
дождь ранъ и позднѣ, и наполнѣтъ
гумна наша пшеницѣ, пролѣтѣтъ то-
чѣла винная и масельная, и въздемъ
намъ за лѣта, ѣже поуха прѹзи, и
хрѹстове, и гусеницы. Сила моя ве-
ликаа, юже послахъ на вы, глаго-
летъ Господь Вседержитель. Си слы-
шите, вѣстинѣмъ на добро; въз-
мѣте суда, избавите обидчанаго; на
покаяніе придемъ, не въздающе зла
за зло, ни клеветы за клевету; но
любовью прилѣтѣмъ. Господи Бѣ
нашемъ, постомъ и рыданіемъ, сле-
зами омыающе всеа прегрѣшенія, не
словомъ нарицающеся хрѣстіани, а
поганскы живуще. Се бо не поган-
скы ли живемъ, аще въ стрѣчѣ вѣ-
рюще: аще бо кто усащеть черно-
рица, то възращѣтся, ли единецъ,
ли свинью; то не поганскы ли се
есть: се бо по дьяволу ꙗзученью
кобъ сію держать; друзи же и за-
чиханью вѣрють, еже бываеть на
здравіе главѣ. Но сими дѣлазъ
летитъ и друтии правы, всаческими
дѣстми пребываеми отъ Бога,
трубами и екоморохѣ, гусельми и ру-
сальми. Видимъ бо и҃рими угодичана,
и людей много множество, ꙗко уни-
хати начнѹтъ другъ друга, позоры
дѣюще отъ ѡбса заманиченаго дѣла;
а церкви стоять, егда же бываеть

дрязны на пѣнство и на блуд и на
игры злыя, иже нѣ дѣи артѣиомъ
такъ творити, и т. д.

годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается
въ церкви. Да сего ради казни прие-
млемъ отъ Бога всяческия, и нахо-
женіе ратныхъ, по Божью пове-
лѣнію приемлемъ казни грѣхъ ради
нашихъ.

За тѣмъ говорится въ поученіи о томъ, что надобно стоять
въ церкви благоговѣнно, и что воздѣвать къ небу можно только
руки, невзымающія нечистыхъ прибытковъ. Далѣе слѣдуютъ
слова: «и се, возлюбленная чада, будете вѣдуне: св. отци наши
установили постны дни по наученію Господню и по заповѣди св.
апостолѣ» и т. д. За такимъ началомъ предлагаются наставленія
о томъ, что праздники должно проводить сообразно съ ихъ свя-
тостью, а не въ пиршествахъ и въ особенностяхъ не въ пьян-
ствѣ.

Все предыдущее, до приведенныхъ словъ, извѣстно пока
только въ одномъ спискѣ Румянцовскаго музея. По свидѣ-
тельству митрополита Евгенія, поученіе о казняхъ Божіихъ
встрѣчается въ древнихъ прологахъ. Мы не нашли его въ древ-
нѣйшихъ прологахъ, даже и въ тѣхъ, въ которыхъ помѣщено
подъ 3 мая житіе Θεодосія. Слово же о пьянствѣ извѣстно въ
нѣсколькихъ спискахъ, изъ коихъ весьма замѣчательны нахо-
дящійся въ «Златой чени», рукописи XIV вѣка, принадлежащей
Троицко-Сергіевой лаврѣ (л. 43 об. — 45). Въ Златой чени
поученіе Θεодосія названо «словомъ св. отецъ о пьянствѣ», вѣ-
роятно, по своему началу: «св. отци установили постныя дни по
наученію Господню» и т. д.

Отдѣльность слова о пьянствѣ отъ предыдущаго видна изъ
того, что въ древнихъ рукописяхъ оно помѣщено особенною
статьею, какъ цѣлое, а не отрывокъ. Но едва ли такимъ же
цѣлымъ произведеніемъ должно считать и приведенное лѣто-
писномъ: онъ могъ привести поученіе не вполнѣ, отъ себя уже
заключивъ его словами: «сего ради казни приемлемъ отъ Бога
всяческия, и наложеніе ратныхъ, по Божью повелѣнію», которы-
ми весьма удачно связывалось поученіе съ общою нитью разсказа.

Подъ 6582 годомъ лѣтописецъ приводитъ отрывки изъ по-
ученія Θεодосія о постѣ (стр. 79), сказавши, что преподобный

Оеодосіі имѣлъ обычай поучать братію при наступленіи поста.

На Оеодосія, какъ на автора поученія о казняхъ, внесено въ лѣтопись, указалъ Востоковъ: «Можетъ быть, говорить онъ, самъ Песторъ передаетъ намъ въ своей лѣтописи слова благочестиваго наставника своего Оеодосія, вперившіяся въ его памяти»¹. Заимствование Песторомъ изъ поученія Оеодосія признаетъ и преосвященный Макарій, полагая, что поученіе написано по случаю нашествія Половновъ въ 1067 году на Русскую землю².

8. РАЗСКАЗЪ ВАСИЛІЯ.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ.

Подлинный разсказъ Василій начинается, какъ можно полагать съ большою вѣроятностію, отъ словъ: «Василькови же сущю Володимери, и *янь* ту сущю, присла по *ия* князь Давыдь» и пр. (стр. 112). При описаніи же предвѣдущаго лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполне, передавая по своему его содержаніе. На это указываетъ то обстоятельство, что различіе по изложенію между разсказомъ и другими мѣстами лѣтописи замѣчается преимущественно во второй части разсказа, именно съ приведенныхъ словъ. Въ первой же части изъ выраженій, которыя считаютъ непринадлежащими лѣтописцу, находятся только три: «мѣсяць грудень, рекше поляръ», «любезнивъ», «сколога». Но слово *любезнивъ* встрѣчается въ лѣтописи и подъ 971 годомъ: «посли къ нему Свѣ-

1. Описаніе рукописей Румянцовскаго музея, стр. 686.

2. Извѣстія 2 отдѣленія академіи наукъ. Т. IV. выпускъ 6 и. 1833. Статья преосвященнаго Макарія: Преподобный Оеодосій Печерскій, какъ писатель. стр. 273 и др.

тославу) дары, искусимъ и, *любимивъ* ли есть злату ли паволокамъ» (стр. 30).

Во второй части способъ изложенія представляетъ сходство съ такъ называемою «Ипатьевскою лѣтописью» и съ состоящимъ въ нѣкоторой связи съ нею словомъ о полку Игоревѣ. Выраженія, подобныя слѣдующему: «любю назъзу собѣ славу, а люблю голову свою слою за Русскую землю», обычны и въ Ипатьевской лѣтописи, употребляются и въ Словѣ о полку Игоревѣ: «хочю главу свою приложити, а люблю испити шеломомъ Дону» и т. п.

Объ отношеніи сказанія Василия къ лѣтописному повѣствованію извѣстно нѣсколько мнѣній въ нашей исторической литературѣ. Карамзинъ полагалъ, что Василий, священникъ или монахъ, житель Червенской или Волынской области *дополнилъ Нестора*, зная лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія¹. Тоже допускаетъ и г. Кубаревъ, приписывая вкратцѣ рассказанное сочинителемъ лѣтописи, а подробное дополнительно². По мнѣнію же Буткова, *самъ Несторъ внесъ* въ свой временникъ рассказъ Василия³. Г. Бутковъ начало сказанія Василиева опредѣляетъ словами: «Василкови же суню Володимери», и т. д.⁴. Бѣляевъ полагаетъ, что оно начинается гораздо ранѣе, словами: «И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людѣ вси» и пр.⁵ стр. 109. Профессоръ Соловьевъ признаетъ, что сказаніе заимствовано изъ лѣтописи Волынской, которой первая часть не дошла до насъ, кромѣ отрывка объ ослѣпленіи Василька⁶.

1. Исторія Карамзина. т. II, примѣч. 184.

2. Русскій историческій сборникъ. т. IV, книжка 4. *Кубаревъ*: Несторъ, стр. 383 и др.

3. *Бутковъ*: Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, стр. 210 и др.

4. Современникъ. 1830. № 9, отд. III. Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ. II. Б. стр. 22.

5. Чтенія Моск. историч. общества, 1847. № 3. *Бѣляевъ*. О Несторовой лѣтописи. стр. 63 — 67.

6. Исторія Россіи, *Соловьевъ*. т. III, стр. 131 — 132.

9. ХРОНИКА ГЕОРГІЯ АМАРТОЛА.

Лѣтописцы наши пользовались Византійскими источниками: на это указываютъ и составъ Лѣтописей и собственныя слова лѣтописцовъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто ими то или другое свѣдѣніе. Между Византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ—Георгій Амартолъ. Въ древней Лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ и изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Допуская справедливость подобнаго заключенія, считаемъ сообразнымъ съ нашею цѣлью обозрѣть содержаніе историческаго труда Амартола съ указаніемъ заимствованій изъ него въ нашей древней Лѣтописи.

Характеръ актоуши Георгія Амаргола определяется нѣлько, съ какою она предпринята, степенью образованности актора и отчасти его общественнымъ положеніемъ. Что касается до нѣльн труда и образованности актора, то объ этомъ положительныя свидѣтель- ства находятся въ самомъ содержаніи хроникъ. О судьбѣ же Георгія извѣстно только то, что онъ жилъ и писать въ поло- винѣ IX вѣка; былъ монахомъ и архимандритомъ, изъ смиренія прозвалъ себя *φραγκονικὸν ἀδελφόν*¹. Памятникомъ его ли- тературной дѣятельности остался актоуши, составленная по разнымъ писателямъ и толкователямъ, и вызвавшаяся: *Χρηστὸν εὐσεβεῖ ἐκ ἀδελφῶν ἡρώδου, τῶν τε καὶ ἑτέρων, συλ- λεγόν, καὶ συντάξας ὁπὸ Γεωργίου ἀδελφοῦ δεσπότου ἐν Συμμεν- σκῷ περὶ τοῦ — «Временники книрскіе о различныхъ же хроникахъ же и сказатели еѣврейскіе же и египетскіе Георгія мѣ трѣдникамъ милыхомъ».*

[illegible]

A. A. B. C. D. E. F. G. H. I. J. K. L. M. N. O. P. Q. R. S. T. U. V. W. X. Y. Z.

списках¹. При сравненіи съ лѣтописью мы пользовались преимущественно двумя изъ нихъ: однимъ, XIII — XIV в., принадлежащимъ Московской духовной академіи, другимъ, XIV в., находящимся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 148. Академическій списокъ не полонъ, оканчиваясь описаніемъ царствованія Юстиніана, доведеннымъ до пятого вселенскаго собора. Свѣдѣнія объ этомъ списокѣ сообщены г. Снегиревымъ въ «Замѣчаніяхъ о Георгіи Амартолѣ», помѣщенныхъ въ Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, часть V, стр. 255—264.

Составляя хронику, Георгій Амартолѣ имѣлъ определенную цѣль и придалъ труду своему определенное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истиной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно, во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою сообразно со свойствомъ описываемыхъ предметовъ.

Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ дѣлъ древняго міра, частью историческихъ, частью мифическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія Вавилонскаго царства, исторія Римской монархіи въ періодъ языческой и наконецъ исторія Византійскаго государства до смерти царя Михаила — *ὁὡς τελευτᾷ Μιχαὴλ, υἱὸς Θεοφίλου* — «до оумертвѣнія Михаила, сина Феофила». Слѣдовательно Амартолѣ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 г., къ которымъ принадлежатъ и походы Руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями.

Въ первой части хроники говорится объ Адамѣ, Снѣѣ, Кро-
нѣ, Семирамидѣ, и т. д. до Александра Македонскаго. Послѣ

1. См. Чтенія М. историч. общества 1846. г. 4. Слѣдств. князя Оболенскаго. О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола. стр. 74 — 76. — *Essai de chronographie byzantine, par Muralt.* p. XVIII — XXIII

Крона, пишетъ Амартолъ, царствовалъ Нинъ, который женился, по Персидскому обычаю, на матери своей—Семирамидъ. Отъ него родился «Зороастръ, рекше Зороастрадинъ, славный Персескии звѣдозаконникъ». Нинъ основалъ Персію: названія странъ и народовъ обыкновенно объясняются Амартолѣмъ изъ именъ вѣдѣльныхъ лицъ. Не только царства и города, но даже званія получаютъ имена отъ своихъ основателей. Такъ все, сообщаемое объ Артаксерксѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: Но Камбатъ царствовалъ Артаксерксъ. При немъ былъ некто въ Италійской епархіи именемъ *Налл*; онъ создалъ огромный домъ, каковаго не бывало еще въ той странѣ, и назвалъ его *наллато* (др. еп. *налатионъ*): отъ этого дома и царское жилище стало называться *наллатою*.

Послѣ Артаксеркса царствовалъ Ромулъ — «Ромъ, иже созда Римъ градъ». Правленіе Ромула, умертвившаго Рема, было несчастливо: въ Римѣ не прекращались землетрясенія и не умолкать ропотъ народа. Пріора сказала, что бѣдствія не кончатся до тѣхъ поръ, пока Ромулъ не сядетъ на престолъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ. Тогда Ромулъ велѣлъ сдѣлать золотой кумирецъ, положить его на престолъ, гдѣ сидѣлъ некогда Ремъ, и — затихла людская молва. Но судъ Божій совершился надъ братоубійцею: его зарубили въ куски.

Всего подробнѣе говорится о подвигахъ Александра Македонскаго, и въ особенности о походѣ его на Іудею и обращеніи съ Еврейскимъ народомъ; весьма пространно описывается самая одежда первосвященника при встрѣчѣ Александра. Къ исторіи Александра примыкаетъ описаніе чудесной жизни Вбрахмановъ, которые не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножныя; питаются овощами и сладкою водою. Женщины у нихъ живутъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по нѣкому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки, именно для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Вбрахманская не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастьемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ къ Богу.

Совѣтъ другаго рода бытъ Сирійцевъ, Вавилонянъ, Амазонокъ, и т. п. Описание его вошло въ нашу лѣтопись, и мы приводимъ это описание сравнительно съ подлинникомъ Амартоса и древнимъ Славянскимъ переводомъ.

Excerpta e chronico G. Martoli e cod. Barocc. 194. fol. 60¹.

Хронографъ Амартоса. рукопись Моск. б. акад. л. 51 об. — 52.

Летопись. I, стр. 6 — 7.

Ἀμελει γέ τοι καὶ ὁ μέγας Καῖσάρης ὁ καὶ ἐμαίμων Γρηγόριος τοῦ μεγίστου καὶ Θεολέγου, διαφέρων ἐνῶν καὶ ἡτῶν καὶ τρόπων καὶ νόμων ἐξήτησιν ποιούμενος σύν τε μιν, τοιάδε φησὶν· «ἐν γὰρ ἐκάστῃ χώρᾳ καὶ ἔστιν ἐν τοῖς μέν ἑγγράφοις νόμος ἐστὶν ἐν τοῖς δὲ ἡ συνήθεια νόμος γὰρ ἀνέμοις τὰ πατέρα δεκεῖν».

Ὡν πρῶτοι Σῆρες· οἱ τὸ ἄκρον τῆς γῆς οἰκοῦντες, νόμον ἔχουσι τὸ πατρῶν ἔτος μὴ πορνέειν ἢ μοιχεύειν, ἢ κλέπτειν, ἢ λείδεσθαι, ἢ φονεύειν, ἢ καχευρῆσαι τὸ σύνολον·

Νόμος δὲ παρὰ Βακτριανῶν ἦτοι Βραχμᾶ-

Ище же и великоу Кесарю, братъ великаго Григорія, различно ꙗко обычаи и нравы и законъ неповѣданъ, въпротѣвъ ѿ таѣхъ вѣщавасть: «иѹ комоуждо ꙗзыкоу, ѿвѣмъ писанъ (законъ) ксть, другимъ же обычаи; законъ ѹо безаконныкомъ ѡбществуи мнѣтъ».

О нихъ же первѣи Сирин, и живуще на Сирин, живущи на концевъ земли, законъ нець земли, законъ имуоть — оць своихъ имуоть — отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти, обычаи: не любодѣяти ни прѣлюбодѣти, ни и прѣлюбодѣти, ни кракти, ни клеветати, ни сти, ни оклеветати, ни оубѣти, ни злодѣяти убити, ни злодѣяти весма.

Законъ ж и оу Вактирианъ, глѣнии Врахмане глаголеми Врахмане и

Глаголетъ Георгіи въ лѣтописани: «иѹ коуждо ꙗзыку, ѿвѣмъ писанъ законъ естъ, другимъ же обычаи, заебезаконныкомъ отечствіи мнѣтъ»².

Отъ нихъ же первѣи Отъ нихъ же первѣи Сирин, и живуще на Сирин, живущи на концевъ земли, законъ нець земли, законъ имуоть — оць своихъ имуоть — отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти, обычаи: не любодѣяти ни прѣлюбодѣти, ни и прѣлюбодѣти, ни кракти, ни клеветати, ни сти, ни оклеветати, ни оубѣти, ни злодѣяти убити, ни злодѣяти весма.

Законъ же Уктирианъ, глѣнии Врахмане глаголеми Врахмане и

1. Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum oxoniensium descripta A. I. Cramer. Vol. IV. Oxonii. 1837. p. 236—237.

2. Т. е. «а беззаконники считаютъ закономъ обычаи предковъ (отеческіе)»; τὰ πατέρα — mores, instituta majorum — не вѣрно переведено словомъ: отеческіе, которому соответствуетъ въ Греческомъ: ἡ πατρίς — patria.

ως καὶ Γηραιώτες, τῇ ἢ Οἰτρωμένοι: иже ѿ Островиини: сже отъ
ἐκ προτέρων παιδεία прадѣль показаннѣмъ и прадѣль показаннѣмъ.
те καὶ εὐσεβεῖα, μὴ блгочестѣмъ, чаше не блгочестѣмъ, чаше не
κρεοφαγεῖν, τῇ εὐνοπο- идоуще, ни вина пьюще, идоуще, ни вина пьюще.
ταῖν, τῇ λατρεύον, τῇ ни блгуда твораше, ни ни блгуда твораше, стра-
παντοῖαν κακίαν δια- зла конго твораше, стра- ла ради многа.
πράττεται διὰ πολλὸν κα ради мн. + и Бгг
φῶρον Θεοῦ καὶ πίστιν κтры.

Καίτοιτε τῶν παρὰ- Таче прилежащемъ к Нбо таче прилежа-
καρμένων αὐτοῖς δια- щимъ Пиданомъ, оубо ни- щимъ къ нимъ Ни-
φοκούντων καὶ αἰσχρο- стводилии и скверноно- номъ, убойстводилии,
πραχούντων, ἐδιδάκω: твораше и глгизилии таче сквернотвораше и глгиз-
те καὶ ὑπερβῶς: ἐν кетства. Въ- поутрь- дилии таче естства. Въ
δὲ τοῖς ἐσωτέροις μέ- итиши же странѣ нль зутришши же странѣ
ρεσι τούτων ἀνθρώπο- члвкы идоуще, и странѣ- нль члвкѣкы идоуще, и
φοκούντες μάλιστα καὶ нныя оубивають: таче странствую- щихъ уби-
κατεστέοντες ἀλλή- же итати яко- щемъ... лу: таче же итати яко
λοις ὡς εἰ κῶνας. псн².

Ἄλλος δὲ νόμος οὗτος: Истеръ же законъ Хал- Естеръ же законъ Хал-
Χαλδαίσις τε καὶ Βα- дѣмъ и Вавилонаномъ дѣмъ, Вавилонаномъ
βυλωνίσις: μητρογα- итри поимати, с братни- матери поимати, с брат-
μεῖν καὶ ἀδελφότητι- ми члвды блгудѣ дѣяти, ними члвды блгудѣ дѣяти,
φτερεῖν καὶ μιαινο- и оубивати. И всако и убивати. И всяко
νέειν καὶ πᾶσαν τσο- боостудномъ дѣишии яко боостудное дѣишии яко
μισθὴ πράξειν ὡς ἀρε- добродѣтель мнати дѣю- дѣтеле³ мнати дѣю-

1. Островиини соответствует Γηραιώτες. — γηραιώτες значить острожскій, отъ τῇ νῆσος — островъ. Островиини назывались въ древности отдаленныя страны вообще. Такъ Бытій X, 32: ἀπο τούτων διεσπάρησαν νῆσοι τῶν ἐθνῶν ἐπὶ τῆς γῆς μετὰ τὸν κατακλυσμὸν — по древнему переводу: «ѿ снхъ разсѣхашася острожи страныи на земли по потоки».

2. Плечерь, основываясь на словахъ Келрина: κατεστέοντες ὡς Καβες, и т.д. пере- велъ это мѣсто такъ: «бдѣти члвчкѣину и подобно Кабу закланыи и пожираныи чужестранцовъ». Онъ замѣчаетъ при этомъ: «во всѣхъ спискахъ: яко немъ: ни одинъ переписчикъ не зналъ славнаго Каба» (Исторія, I, 236). Но слова яко немъ буквально переведены изъ амаргона: ὡς εἰ κῶνας.

3. Имя, име во всѣхъ спискахъ въ смыслѣ добродѣтели: εὐεργετῆς, по юдно тому, какъ въ Старославянскомъ слово добродѣтели употребляется въ смыслѣ εὐεργετῆς — virtutis.

τὴν ἀποτελεῖν καὶ ще, любо аще и далече ще, любо далече страны
 πόρρω τῆς χώρας αὐ- страны своим соуще. своея будуть².
 τῶν γένωνται.

Ἔτερος δ' αὖ Περαγι- Ниъ же законъ Ги- Ниъ же законъ Ги-
 λαίσις¹ νόμος· γυναῖ- домъ: жены в шихъ домъ: жены въ шихъ
 κα οἰκοδομεῖν, καὶ τὰ οроуть и зижють арачи ороуть, зижють хоромы.
 ἄνδρων ἔργα πράττειν и мужьская дѣла тво- мужьская дѣла творить.
 ἀλλὰ καὶ περνεύειν рат; но и любви твори- но любви творить елико
 ὡς αὖ βούλονται μὴ ти клико хотать, не- хотеть, невъдержаемы
 κωλύμενα: παντελῶς въдержимы ѿ мужь отъ мужий своихъ все-
 ὑπὲς τῶν ἄνδρων αὐ- своихъ весма, и зазрать ма, ни зазрять. Въ шихъ
 τῶν τῇ ζήλουμένα: αἱ В шихъ же соуть и же суть храбрыя жены
 ὑπάρχουσαι καὶ πολε- храбрыя жены ловити ловити зѣбрь крѣпко.
 μικωτάται καὶ τηρῶ- зѣбри зѣлю крѣпки. Вла- Владеють же жены му-
 сαι τὰ μὴ λίαν ἰσχυ- дѣють же и мужики свои- жи своими и добляють
 ρώτατα τῶν. τηρίων ми и оудобляють нмъ. нмъ³.
 ἀρχουσι δὲ καὶ τῶν
 ἰδίων ἄνδρων καὶ κυ-
 ρεύουσιν.

Ἐν δὲ Βρεττανία, Въ Вретании же мнози Во Врѣтании же мнози
 πλείστοι ἄνδρες μὲν мужи съ единою женою мужи съ единою женою
 συγκατεύδουσι γυναῖ- спать, и многы жены спать, и многыя жены
 κί· καὶ πολλὰι γυναῖ- съ единымъ мужемъ по- съ единымъ мужемъ по-
 κας ἐνὶ ἐταιρίζονται хотѣтвуютъ; и безако- хотѣтвуютъ; безаконъ-
 ἄνδρσι. καὶ τὸ παρὰ- ние тако законъ очь тво- ная — законъ отецъ тво-
 νομεν ὡς νόμον καλόν рать независтьно, ни рать независтьно, ни
 καὶ πατρῶν πράττου- въдержимо. въдержанно.
 σιν ἡγήλωτον καὶ ἀκί-
 λωτον.

Ἀμαζόνες δὲ ἄνδρας, Амазонае же мужа Амазонае же мужа не
 συκ ἔχουσιν, ἀλλ' ὡς не имоуть, но акы скоть имуть, но акы скоть
 τὰ ἄλογα ζῶα ἅπα- бесловесныи единою бесловесный единомъ.
 τοῦ ἐναιυτοῦ περὶ τὴν, дѣтмъ къ вешнимъ дѣмъ томъ къ вешнимъ дѣмъ

1. Περὶ γυλαίσις — въ другихъ спискахъ: περὶ Γυλαίσις.

2. т. е. богопротивныя дѣла считая добродѣтельными, не оставляють ихъ и бу-
 дущи далеко отъ своей страны, видѣ ся.

3. Ουαυδλαμνι (= оудлаѣти, оудлаѣти) — Старославянск., соответствуетъ
 Греч. νικῶν, vincere, одолаѣть, овладѣть.

Халдеевъ и Вавилонянъ исполнены безстыдства и мерзости», и т. д. Самъ Шпенеръ чувствовалъ недостаточность хроники Кедрина для объясненія лѣтописнаго извѣстія и приводилъ еще свидѣтельства изъ Евсевія (+ 340) и Кесарія (+ 369), брата Григорія Богослова.

Второй отдѣлъ хроники Георгія Амартола посвященъ исторіи ветхозавѣтной. Основною повѣствованія служить Библія, но разсказъ Амартола во многомъ удаляется отъ библейскаго. Несходство между ними состоитъ въ извѣстіяхъ историческихъ, почерпнутыхъ Амартоломъ изъ другихъ источниковъ, въ различныхъ толкованіяхъ и сужденіяхъ и наконецъ въ томъ приращеніи прошедшаго къ настоящему, которымъ обнаруживается взглядъ Византійскаго лѣтописца. Добавленія историческія замѣствованы частью изъ Іосифа Флавія, частью изъ книгъ апокрифическихъ. Къ числу прибавокъ послѣдняго рода принадлежатъ разсказы о сивиллѣ, о врачебныхъ книгахъ Соломоновыхъ и т. п. Царница Саванская, говоритъ Амартолъ, которая называется у Эллиновъ Сивиллою, желая испробовать мудрость Соломона, представила ему нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, одинаково одѣтыхъ и причесанныхъ, и предложила узнать, кто изъ нихъ какого пола. Мудрый царь приказалъ всѣмъ имъ умыться, и по движеніямъ ихъ узнать, къ какому полу они принадлежали: мальчики крѣпко терли свои лица, дѣвочки же — гораздо нѣжнѣе. Находчивость Соломона изумила царницу.

Къ историческимъ добавленіямъ въ хронику Амартола относятся также извѣстія о времени жизни и поступкахъ замѣчательныхъ людей міра языческаго. Въ ней говорится о Прометѣѣ, Орфѣѣ, Гомерѣ, Гезіодѣ, Ликургѣ, Эпаминондѣ; о древнихъ философахъ: Пифагорѣ, Анаксагорѣ, и особенно подробно — о Платонѣ и Аристотелѣ. О Платонѣ Амартолъ отзывается съ большимъ уваженіемъ, именуя его «мужемъ, славнымъ въ Эллинахъ, премудрымъ Платономъ». По мнѣнію Амартола, мысли Платона отличаются возвышенностью и чистотою: онъ училъ, что душа безсмертна, будучи образомъ Божіимъ; что она должна владычествовать надъ страстями. Совершенно другою взглядъ на вещи имѣлъ Аристотель, который возсталъ про-

тивъ своего великаго учителя, Платона, не устыдился его державныхъ словъ — «ни о словесѣхъ его державныхъ устыдѣхъ». Амартолъ называетъ Аристотеля «облудникомъ», и приписываетъ ему весьма невыгодное вліяніе на народную нравственность.

Гдѣ всего виднѣе личность Амартола, это въ разсужденіяхъ, замѣчаніяхъ и обращеніяхъ, которыя встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ его дѣтисни. Печальная судьба Моисея, умершаго у самыхъ предѣловъ обѣтованной земли, вызвала сочувствіе Амартола, посвятившаго выраженію своей скорби нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ. Отъ исторіи Моисея Амартолъ часто обращается къ своему времени, для котораго видѣть въ ней примѣръ въ высшей степени поучительный. Назидательное значеніе ея подкрѣплено нѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, замѣтованныхъ изъ Св. Писанія.

«По селенію исправленіи мнози — говоритъ Амартолъ — и толикою мудростию и трезвѣніемъ мало выдрѣжавъсѧ, не оудючи прошенія: како мы, иже стоимъ таковыи добродѣтели или разума не стажавъше, не воину бѣти имамъ, и взрыдаемъ, и всплачемъ себе весьма, и раби неключими быти мнимъ. Сего ради предѣоутверкаю Гѣ дальше: егда всѧ повѣдѣиашъ вамъ створите, тогда рѣкъте яко неключими раби есмы, и еже бѣи намъ створити, створихомъ. И се вѣдыи, бѣгъвыи Писанъ къ Гѣу рече: всѧ наша оправданіи, яко соукно раздраю предѣ Тобою. Также и стоивецъ предѣобродѣтелии Дѣдъ гла: рѣхъ Гѣи: Бѣ мои вси ты, яко бѣгъхъ моихъ не требующи. Тѣмъ и оучитъ, гла: работанте Гѣи съ страхомъ и радуйте кмоу съ трепетомъ..... Слыши оубо, что глѣ прѣкъ, о добрыхъ размышляи: ѿ страха Твоего, Гѣ, въ чревѣ приидомъ, побѣдѣхомъ и рѣдохомъ дѣхъ сѣиши: о скверныхъ: шина аспидова извергоши и крѣсна пауча ткоуть. О сихъ размышляюще, възлюблении, съ разумомъ боремъсѧ, яко и паче да не престанемъ, ѿ чѣнаго онаго и бѣгъваго моужа разумно воспоминающе» (д. 69 об. — 70 об.).

Такое же вліяніе чувствъ и мыслей автора сопровождаютъ и многія другія повѣствованія.

Изъ разсматриваемаго отдѣла хроники замѣтливо свидѣніе о раздѣленіи земли между потомками Ноя съ перечисле-

ніемъ странъ трехъ частей свѣта. Соответствующее мѣсто изъ Амартола напечатано въ названной выше статьѣ Строева, стр. 178 — 179, и при первомъ томѣ лѣтописей, стр. 239 — 240.

Сверхъ космографическаго очерка, источникомъ для лѣтописи представляется находящійся въ томъ же отдѣлѣ рассказъ о нечестивыхъ обычаяхъ Эллиновъ. Подробное изложеніе этого предмета у Амартола послужило, вѣроятно, основаніемъ для слѣдующаго краткаго извѣстія лѣтописи: «На 70 и единый языкъ раздѣлишася, и разоидошася по странамъ, и каждо своя поровны при... По дьяволу ученью, ови рошешемъ, кладеземъ и рѣкамъ жраху, и не познаша Бога. Посемъ же дьяволъ въ болшее прельщеніе вверже челоуѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзіи мраморныи, а иныи златы и сребренны; кланяхуся имъ, и привожаху сыны своя и дѣтери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена. Началникъ бо быше кумиротворенью Серухъ, творяше бо кумиры во имена мертвыхъ челоуѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волѣхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ» (стр. 39). Начало злыхъ обычаевъ Амартоль приписываетъ Серуху: «тъ первѣкъ начать Илннѣсканъ оученикъ; древлебывшимъ храбрымъ и гѣмономъ, ли створшимъ что мужьскою добродѣтелью и поминти достонти ихъже, — коумирными столпы почитис..... яко бгы и бгы чтахоу и жрахоу имъ, неже яко члвкъ мертвомъ бывшемъ». Упомянувъ о Серухѣ, Амартоль говоритъ, что люди замышленіемъ своимъ честь и славу Божію возложили на небо, и на солнце, и на луну, и на звѣзды; богами стали называть людей, иныхъ по смерти, другихъ еще при жизни. Не только на людей перенесли имя Божіе, но и на звѣрей и гадювъ и даже на камни и деревья. И если спрашиваютъ у порабощенныхъ соблазномъ, почему они признають богами умершихъ людей, то получаютъ въ отвѣтъ: потому называемъ ихъ богами, что они «челоуѣкомъ угодиши быша», а именно: Посейдонъ открылъ искусство мореплаванія, Аполлонъ — музыку, Аѳина — ткацкое, Артемидѣ — звѣриный ловъ, и т. п. Но въ такомъ случаѣ, возражаетъ Амартоль, слѣдуетъ называть богами и другихъ изобрѣтателей: Финикійца, Гомера, Зепона, и т. д. Ибо Финикійцы изобрѣли письмо, Гомеръ изо-

брѣть героическую поэзію, Зенонъ — діалектику, Кораксъ — реторику, Триптолемъ — пшеничное сѣмя, Ликургъ и Солонъ — законы.

По различію боговъ, далѣе говоритъ Амартоль, и различныя жертвы приносятся имъ. Египтяне боготворятъ тельца и «волнатога козла, и тѣмъ етери Діови жертвою приносятъ»: Индійцы почитаютъ овцу; Индіицы въ Діониса вѣрують и «съ притчею кмоу вино наричють», принося жертвы. «Шии же рѣкамъ и стоуденцамъ, паче же всѣхъ Кгоуптане водоу почтоша, и ба нарекоша. Тѣмъ тольма преумножися идолобѣсовѣтвникъ во вса языки, не точю водоу, и козломъ, и псомъ, и трепастькомъ оугажахоу, но и чесноуигоу и доуку» (л. 41).

За библейскою исторіею слѣдуетъ краткое, отчасти составленное также по Библии, обзорніе царствованія Навуходоносора и его преемниковъ, и царей Индійскихъ, Персидскихъ и другихъ, владѣвшихъ Вавилономъ. Въ нашу лѣтисчисл. перешло изъ этого отдѣла хроники только извѣстіе о знаменіяхъ, явившихся въ Іерусалимѣ при Антиохѣ (- 174 до Р. X.).

*Хроника Амартола, по рукописи
М. Д. Академіи, л. 128 об.*

Антиохъ жъ облада соущаи грады въ Кгоуптѣ, и вса плъщи. Сѣмоу же граду живоущю вѣтъ мнромъ.... ключеса по всемоу граду въскорѣ за дни и изыдятся на въдоусть, на коньхъ риющихъ, въ оружьи, златы нмуша одежѣ, и полки ободоу являемы, и оружьемъ двизающимъ. Се же проявляше наложенье Антиохово на Іерусалимъ.

Лѣтописи, I, стр. 71.

Якоже древле при Антиохѣ въ Іерусалимѣ ключися внезапно по всемоу граду за 40 днѣй явитися на вѣдоусть на коньхъ риющихъ, въ оружьи, златы нмуша одежѣ, и полки ободоу являемы, и оружьемъ двизающимъ. Се же проявляше наложенье Антиохово на Іерусалимъ.

Исторія Римскихъ царствъ начинается Юліемъ Цезаремъ, котораго Амартоль называетъ наименнымъ и жестокимъ: «об-

лада Римскими скипетры съ многою гордынею и боукство, тѣмъ и диктаторъ нарицашесъ, кже кетъ сказакмо единовластецъ». Повѣствованіе заключается царствованіемъ Константина Великаго до принятія имъ христіанской вѣры; последнее изъ описываемыхъ событій есть крещеніе Константина, его матери и подданныхъ.

Римская исторія, излагаемая Амартоломъ, разсматриваетъ преимущественно церковныя событія, и потому скорѣе можетъ быть названа исторіею церкви во времена императоровъ, нежели политическою исторіею Римскаго царства. Объ Августѣ сказано только, что онъ покорилъ Египетъ, построилъ нѣсколько городовъ, и въ честь его одинъ изъ мѣсяцовъ названъ августомъ. Вслѣдъ за этимъ помѣщено весьма подробное извѣстіе о рожденіи Христа Спасителя. Послѣ весьма краткихъ замѣтокъ о Неронѣ слѣдуетъ пространное описаніе дѣйствій Св. Петра, его состязаній съ Симономъ волхвомъ, и мученической кончины апостоловъ Петра и Павла. О Клавдіи замѣчено, что онъ царствовалъ послѣ Гая, умертвилъ убійцъ Гасвыхъ, и самъ отравленъ былъ женою. За тѣмъ помѣщено обширное разсужденіе о монашеской жизни, въ которомъ разсматриваются начало ея и значеніе, и опровергаются несправедливыя нападки ея противниковъ. Этотъ эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія нашихъ книжниковъ, какъ можно судить потому, что онъ включаемъ былъ въ различные сборники особою статьею подъ заглавіемъ: «О Клавдіи іри и о посничскомъ ѹголюбивѣмъ жительствѣ, како и ѹкоудоу бысть».

Въ числѣ историческихъ повѣствованій, внесенныхъ въ хронику, находятся слѣдующія: объ Авгарѣ, желавшемъ имѣти изображеніе Спасителя, о распятіи евангелиста Луки, о кончинѣ Іакова, брата Господня, и т. п. Подвиги мучениковъ, которыми такъ богатъ періодъ гоненій на христіанство, излагаются съ особенною подробностью.

Событія другаго рода, описываемыя Амартоломъ, суть болѣею частью различныя бѣдствія и необыкновенныя явленія природы. О Галіенѣ сказано въ хроникѣ, что онъ «наипервыя коньскыхъ чинъ оустави; члши бо болша въ Римѣтѣмъ бахоу; оубыень ѹ ѹ войшиикъ», и эти скудныя извѣстія до-

полняются описаніемъ мора, поразившаго родъ человѣческій во времена Галіена. При немъ, говоритъ Амартолъ, Богъ послалъ гибельъ свою на всю вселенную. Изъ земли и изъ моря подымались заразные пары и дымъ, причинявшіе неисцѣлимая болѣзни. Народу гибло безъ числа, и всюду раздавались рыданія и вздохи; отъ множества умирающихъ, мертвецы оставались безъ погребенія; «ни оужикъ, ни другъ, ни шикъ кыхъ соуѣдъ пощадаше». После Тацита царствовали Провъ и Флоріанъ: «сѣ оубо Провъ, вѣдоуменъ створивъсѣ, оуби Флоріана. При томъ, дѣждю бывъшю, пшеница с водою смѣшена много спадѣ, ктождѣ събравше соуѣды великыи створиша. Также и при Аврицианѣ крѣхти сребрыи испадоста». Выборъ подобныхъ предметовъ для описанія опредѣляетъ взглядъ Амартола на вещи, показываетъ, какимъ явленіямъ въ исторіи народовъ придавалъ онъ особенное значеніе.

Въ описаніи царствованія Доминіана главное мѣсто занимаетъ разсказъ о волхвѣ Аполлоніи Тіанскомъ, перешедшій и въ нашу лѣтопись (стр. 16 — 17). Онъ приводится и Строевымъ (стр. 179 — 181) и археографическою комиссіею (стр. 243 — 255). Въ статьѣ князя Оболенскаго: «о Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола» къ Славянскому переводу, Сербской редакціи, приложенъ Греческій текстъ по синодальной рукописи XII вѣка (стр. 79 — 81).

Въ лѣтописи вошло еще извѣстіе о зѣлѣ въ видѣ комъ, явившейся въ Іерусалимѣ при Неронѣ. У Амартола: «тѣмъ имъ (иудеямъ) страшнои показываше, хоташе быти имъ шѣненіе проиждоуи.... но сѣмъ швеса зѣлда надъ градомъ образомъ киньи». Въ лѣтописи: «шосемъ же при Неронѣ пари въ томъ же Іерусалимѣ шосія зѣлда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженіе рати отъ Римлянъ» (стр. 71).

Другихъ минувшій изъ этого отдѣла не имѣтно. Можно полагать, что свѣдѣнія о Римской исторіи, кое-гдѣ встрѣчающіяся въ разныхъ спискахъ почерпнуты изъ хронографовъ Амартола. Вѣроятно, чтеніе цѣпики или другаго подобнаго си произведенія дало возможность Русскому автору сдѣлать такое сравненіе своего князя съ Греческими императорами: «се естъ ш...

выйи Константинъ¹ великаго Рима, иже крестивъ ся самъ и люди своя: тако и сътвори подобно ему» (стр. 56). И разнѣ только въ этомъ сравненіи и выразилось знакомство писавшаго о жизни и крещеніи Владимира съ Византійскими хронографами. Въ другихъ же обстоятельствахъ принятіе христіанской вѣры Константиномъ, по описанію Амартала, и Св. Владимира, по описанію нашего летописца, руководимаго домашнимъ источникомъ, представляетъ болѣе различія, нежели сходства, и послѣднее заключается въ самыхъ событіяхъ, а не въ ихъ изложеніи.

И Константинъ и Владимиръ поражены болѣзью предъ крещеніемъ, и исцѣляются отъ нея при совершеніи таинства; но болѣзни ихъ различны. Константинъ, какъ говоритъ Амарталъ, занемогъ жестокомъ недугомъ; напрасно обращался онъ и къ волхвамъ и къ врачевнымъ пособіямъ. Жрецы предложили ему послѣднее средство: умертвить нѣсколькихъ дѣтей, и скупаться въ ихъ теплою кровь. Но видъ матерей тѣхъ младенцевъ, которые обречены были на жертву, тронулъ Константина. Онъ сказалъ: лучше умру отъ тяжкой болѣзни, нежели куплю выздоровленіе цѣною крови невинныхъ дѣтей. Состраданіе его было награждено небеснымъ видѣніемъ: ему явились во снѣ апостолы Петръ и Павелъ, и сказали: призови Сильвестра; онъ укажетъ тебѣ источникъ, цѣлебный не только для тѣла, но и для души. Этимъ источникомъ была купель крещенія, изъ которой Константинъ вышелъ здоровымъ, оставя въ водѣ струны, подобные рыбной чешуѣ. Севершено иначе, какъ извѣстно, описаны въ нашей летописи болѣзнь и исцѣленіе Владимира.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ описаніи крещенія народа Русскаго замѣтна самостоятельность нашего автора, не смотря на то, что ему весьма легко было подчиниться вліянію Византійца, описавшаго крещеніе Константина. Владимиръ подобно Константину былъ просвѣтителемъ своего народа, а потому при литературной обдѣлкѣ преданія о Владимирѣ удобно было восполь-

1. Тоже сравненіе употребляетъ Григорій Турскій, говоря о крещеніи Хлодвѣя (Chlodoveus): *Procedit novus Constantinus ad lavacrum, deleturus leprae veteris morbum, etc.*

зоваться Греческимъ повѣствованіемъ о царѣ, сдѣланномъ для своей земли тоже самое, что Владимиръ сдѣлать для Русской. Самый призывъ народа ко крещенію не одинаково переданъ Византійскимъ и Русскимъ авторами. Амартолъ говоритъ, что народъ, увидѣвъ чудесное исцѣленіе Константина, воскликнуть: великъ Богъ христіанскій; мы все теперь вѣруемъ въ него, и желаемъ креститься. Царь же сказать имъ: «члвчска бо поу- дима, бжтвна же воляна соутъ, нбо блгоу волею и любовію чьстимъ ксть. Тѣмъ не поужею, но соудомъ свободнымъ повелѣваемъ крѣтымъ быти хотащимъ, а не страхомъ члвчмъ приводится къ Бжии работѣ» и т. д. Въ нашей лѣтописи такимъ образомъ говорится о призваніи народа Русскаго ко крещенію: «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрянешься кто завтра на рѣцѣ, богаты ли, ли убогы, или ницы, ли работны, противенъ мнѣ да будетъ. Се слышавше, людье съ радостью вѣяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли» (стр. 50).

Въ повѣствованіи о временахъ христіанскихъ еще живѣе, нежели въ предыдущихъ отдѣлахъ хроники, обнаруживается религіозное направленіе. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго. Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны — описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіею. Обличая ложность началъ, руководившихъ преступленіями еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Упрекъ ѣдкій Константину Копроному выраженъ такою игрою словъ: «не бо бѣ хрѣстіанинъ, но хрѣстіанинъ (ε χρῆστις — золото) и хрисоматръ, сирѣчь златѣль и златоу слоужитель, или, истинникъ и собственникъ речей, идолослоужитель». Въ исторіи Константина Великаго описано весьма подробно преніе Силь-

вестра съ Жидами, которые были торжественно обличены и силою слова святого мужа, и чудомъ, совершеннымъ въ присутствіи всего народа.

Такое же мѣсто, какъ подвиги Сильвестра при Константинѣ, занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги Святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими. Къ св. Макарію, говоритъ Амартолъ, пришелъ слѣпецъ, чтобы просить исцѣленія. Святого не было на ту пору дома. Слепецъ въ уныніи, но съ живою вѣрою, просилъ привести его къ той стѣнѣ, у которой обыкновенно почиваетъ подвижникъ. Когда его привели туда, онъ взялъ не много «отъ сухаго бернѣя», конемъ смазана была стѣна, смѣшалъ его съ водою, помазалъ глаза, омылъ ихъ водою изъ источника, откуда шло воду св. Макарію, и глаза слѣпца открылись: онъ возвратился домой безъ вожатаго. Не только люди, даже звѣри знали чудотворственную силу Макарія. Однажды гіена принесла дѣтей своихъ, слѣпыхъ, и бросила къ ногамъ Макарія; святой узналъ, что она просила о прозрѣніи, и исцѣлилъ принесенныхъ отъ слѣпоты. Вскорѣ потомъ гіена съ дѣтьми пришла опять къ святому, держа въ зубахъ овечью кожу, и положила ее у дверей, какъ знакъ благодарности.

Между сказаніями о чудесахъ и подвигахъ Святыхъ, о ссорахъ и еретикахъ, встрѣчаются извѣстія другого рода: но они, хотя и кажутся отдѣльными царствованіями, въ сущности суть только дополненія къ предмету, на коемъ сосредоточивается вниманіе автора. Такъ въ хроникѣ довольно подробно говорится о воспитаніи Аркадія и Гонорія, сыновей императора Θεодосія. При этомъ сообщается нѣсколько любопытныхъ случаевъ, показывающихъ отношеніе Арсенія, избраннаго въ наставники, къ своимъ питомцамъ и взглядъ на воспитаніе Θεодосія, требовавшаго, чтобы наставникъ пользовался всѣми своими правами. Но весь этотъ рассказъ вошелъ въ хронику какъ эпизодъ изъ жизни Арсенія: авторъ не держится даже хронологическаго порядка, говоритъ о судьбѣ Арсенія по смерти Θεодосія, и потомъ снова обращается къ царствованію Θεодосія. Воспитаніе будущихъ императоровъ, Аркадія и Гонорія, также какъ и нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Іоанна Злато-

уста и другихъ относить церкви, принадлежать къ числу описаний, довольно живо изображающихъ Византійскій бытъ.

Но не изображеніе внутренняго быта было главною задачею Амартола: цѣль у него была — какъ мы видѣли и какъ самъ онъ говоритъ, совершенно другая. Изъ происшествій, стоящихъ повидимому внѣ этой цѣли, онъ избиралъ такія, которыя казались ему необыкновенными, чудесными. Такимъ образомъ летопись его есть въ нѣкоторомъ смыслѣ летопись чудесъ, изъ коихъ одни совершаются высшею силою посредствомъ избранниковъ Божіихъ, другія же внѣшнею силою природы. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ замѣтки, подобныя слѣдующимъ. При Константинѣ Великомъ въ «Камбанинестѣи странѣ» было землетрясеніе, разрушившее 13 городовъ; и солнце исчезло въ третьемъ часу дня, такъ что звѣзды явились на небѣ. Въ «Милитиннестѣи странѣ» собрались змѣи во множествѣ, начали биться, набіи другъ друга, и смрадъ отъ тѣлъ ихъ наполнилъ всю страну. При Юстинѣ Оракіянинѣ злобная звѣзда являлась на небѣ въ теченіе 26 дней и ночей, и было страшное землетрясеніе; «Номыннскимъ же градь Моускынскыя страны» разсклеса пополамъ, и половина его провалилась въ землю; люди изъ подъ земли зывали о помощи, но напрасно: ее невозможно было подать. И жена нѣкая пришла отъ Куликіи «сигтаньтородина», ростомъ на цѣлый локоть превосходящая самаго высокаго человека.

Всѣтъ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ Амартолъ описывать и вещи просто диковинныя. Такъ онъ рассказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. «Принде ѿ запада чѣкъ нѣкъи, — говоритъ онъ — хольнъ въ Константинъ градь, нѣкъ пса чрѣмна и сѣкъи, нѣкъ, повелѣлъкъ ѿ холна, творяще чюдеса прѣдѣлава: прѣдѣстоу же царюу, хольноу нѣкъмѣстоу ѿ многыхъ прѣстѣнъ дѣтъи, и среброу, и нѣкъи, и золотѣи, и все сѣкъиак и закрывѣкъ прѣстѣи, и поу нѣкъмѣстоу, нѣкъмѣстоу оусты и дѣлаше коуоуадо сѣкъи прѣстѣи, также и дѣтъиакъ рѣкъиныхъ цѣкъи сѣкъишѣи нѣкъмѣстоу на нѣкъ. И къ сѣкъи прѣдѣстоу царюу нѣкъмѣи и жѣнь нѣкъмѣстоу нѣкъмѣстоу въ чрѣкъ нѣкъмѣстоу нѣкъмѣстоу и сѣкъи закъи,

и прелюбодѣхъ, и блуднице, и добровольныхъ, и милостивыхъ, и нерасоудившихъ, и немилостивыхъ, — съ истинною всехъ обличааше; тѣмже глаголю: доухъ пытливыи имать» и т. п.

Въ лѣтописи изъ послѣдняго отдѣла перешли въ сокращеніи извѣстія о чудныхъ явленіяхъ. У Амартола:

Лѣтопись, I, 74.

Априліа же мѣа теченихъ звѣздамъ бысть на въздоусѣ, и падающемъ на землю, якоже видѣши мѣти кончиѣ быти. Абиѣ же и соуса бы многа и гладъ великъ... Въ Сиріи же бы троусъ и много паденихъ, якоже овѣмъ ѿ граду до конца низложенъ быти, овѣмъ же ѿ полоу, овѣмъ же ѿ горъ на подлежащамъ мѣста равнамъ съ стѣнами и съ храминами видѣши поу прѣложеномъ безъ вѣда, яко на пѣрици дѣѣ. И земли Месопотоміиска на г пѣрища растрѣгнѣе, и другая израстьши ѿла и пѣсчиа земли, изиде прѣласно ѿ срѣды секъ мѣскъ, члѣчскимъ гласомъ вѣщае и провъзвѣщае нашьствѣ изыкомъ; еже и бы помалѣ. (л. 345 об. — 346. Синод. рмс.).

Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ, отторвалу бо ся на землю, яко видѣши мѣти кончину; тогда же въздухъ въздвѣся по велику. Въ Сиріи же бысть трусъ великъ; земли разсѣдшия трій поприщѣ, изиде дивно изъ земли мѣскъ, чловѣчскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи нашьтѣ языка; еже и бысть: изидѣша бо Срацини на Палестинскую землю.

Другія извѣстія, о явленіи блистаницы при Юстиніанѣ и рожденіи ребенка съ рыбьимъ хвостомъ при Маврикіи, см. въ статьѣ Строева, стр. 181, 4 и 5. Въ лѣтописи эти три извѣстія, и еще нѣкоторыя другія слѣдуютъ одно за другимъ (стр. 71), а въ рукописи они находятся въ разныхъ мѣстахъ, именно на л. 288, 293 и 345. Въ лѣтописи поставлены они рядомъ очевидно потому, что признаны однородными, а сопоставить ихъ лѣтописецъ могъ только при знакомствѣ со всею хроникой, а не съ однимъ какимъ либо отрывкомъ или даже цѣлымъ отдѣломъ ея.

Какъ въ этомъ отдѣлѣ, такъ и въ другихъ отдѣлахъ хроники есть нѣсколько выраженій, сходныхъ съ лѣтописными. О

Святославъ сказавъ въ лѣтописи: «легко ходя аки пардусъ, войшы многы творяше» (стр. 27). Амартоль говоритъ объ Александрѣ Македонскомъ: «сходи аки пардусъ съ многою силою на востъныя страны». Въ лѣтописи о Святополкѣ: «пробѣжа въ пустыню жежю, Ляхы и Чехы, испроверже лѣтъ животь свой» (стр. 63). У Амартола о Домиціанѣ: «вѣлѣною сѣртью и мерзкою и скверною испроверже житыя». Объ Юліанѣ: «прободенымъ животь съ испроверже невѣдоущю кмоу, кто и оубо», и др.

Сравненіе соответствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что нѣмалы заимствованія взиманы лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же, пространныя, выписаны почти дословно. Источникомъ служить скорѣе Славянскій переводъ, нежели подлинникъ. Но крайней мѣрѣ въ лѣтописи не замѣтается такихъ особенностей выраженія, которыя, уклоняясь отъ Славянскаго перевода, сходны были бы съ Греческимъ текстомъ, и которыя весьма обычны въ другихъ памятникахъ. Такъ извѣстно, что переводы Св. Писанія подлѣйшіе отличаются отъ древнихъ большею и буквальною вѣрностію Греческому тексту. Но такой буквальной вѣрности въ лѣтописныхъ извлеченіяхъ изъ Амартола нѣтъ. Напротивъ, всякое отступленіе отъ подлинника въ лѣтописи объясняется такимъ же отступленіемъ и въ переводѣ. Такъ, извѣстныя вставки: *хъ ѿ пророкоу изидѣхъ тѣ хъ ѿбоудѣхъ* — постановленіе предковъ и благочестіе — переведены и въ хронографѣ и въ лѣтописи творческими: «иже (же) отъ праѣвъ вѣковъ и блжчствіемъ». Причастіе *хъ тѣмъ бѣхъ* переведено извѣстными вставленіемъ: *идѣхъ, непредѣленное вставленіе хъ тѣмъ причастіемъ-идѣхъ, и т. п.* Различныя списки переводовъ принадлежатъ къ двумъ родамъ: Болгарскому и Сербскому. Текстъ лѣтописи представляетъ болѣе сходства съ переводомъ Болгарской редакціи, нежели съ Сербскимъ. Въ этомъ можно удостовѣриться при сравненіи тѣхъ отрывковъ, которые помѣщены въ приложеніяхъ къ переводу тому лѣтописи, въ двухъ редакціяхъ: въ лѣтописи — по Сербскому переводу, въ правомъ — по Болгарскому.

Хронику Георгія Амартола назвать своимъ источникомъ самъ древнѣйшій лѣтописецъ нашъ, сказавши однажды, передъ описаніемъ быта различныхъ народовъ: «слаголетъ *Георгій* въ лѣтописахъ». Лѣтописецъ не прибавляетъ прозвища *грѣшный* или другого пояснительнаго слова, которое бы опредѣленно указывало, о какомъ Георгіи здѣсь упоминается. Такъ же точно подъ однимъ именемъ Георгія ссылались на Амартола и Византійскіе лѣтописцы, какъ напримѣръ Михаилъ Глика и другіе. А что Глика имѣлъ въ виду именно Георгія Амартола, доказываетъ сходство приводимаго изъ мѣста съ находящимся у Амартола.

Амарт. акад. л. 19 — 19 об.

Κατὰ δὲ τὸν Γεώργιον πρῶτος
ἐξεῦρεν ὁ Σὴς γράμματα Ἑβραϊ-
κὰ, καὶ τὰ σημεῖα τοῦ οὐρανοῦ,
καὶ τὰς τροπὰς τῶν ἐνιαυτῶν καὶ
τοῦς μῆνας καὶ τὰς ἐβδομάδας,
καὶ τοῖς ἀστροῖς καὶ τοῖς πέντε
πλανήταις ἐπέθηκεν ὀνόματα,
ὥστε γνωρίζεσθαι¹.

Сифъ же наипервыи грамотоу Жи-
довьскоую (ообрѣте) и премдрѣтъ, и
знамении иѡсѣпъны, и правы ѣ го-
дишны лѣтоу, и мѣси, недѣли; и зѣтъ-
дамъ створи имена и ѣ зѣтъдъ блъзнь-
ныи, да члвци знаютъ ихъ точною.

Фабриціи искалъ этого мѣста у Георгія Синкелла, но не нашелъ, замѣтивъ: «alius a Syncello, apud quem ista non reperio»². Иначе читается оно и у Георгія Кедрина.

Какъ Фабриціи источникомъ для Глики считалъ Синкелла, такъ Шлецеръ для Пестора—Георгія Кедрина, не отрицая впрочемъ возможности открыть источникъ болѣе близкій къ нашей лѣтописи, нежели хроника Кедрина. Слова: «слаголетъ Георгій» казались Шлецеру позднѣйшимъ искаженіемъ надлежащаго чтенія: «слаголетъ Кесарій, братъ Григорія», хотя въ лѣтописи названъ не Григорій, а Георгій.

«Слова: *Кесарій, братъ великаго*, выпущены—говоритъ Шлецеръ—во всѣхъ Русскихъ спискахъ; почему нѣсколько лѣтъ вѣще я искалъ источника, считая всегда сочинителемъ *Георгіа*.

1. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnæ. 1836. Michael Glycas. стр. 228.

2. Codex pseudepigraphus veteris testamenti. I, стр. 117.

Впрочемъ кажется, что Несторъ бралъ болѣе изъ *Кедрина*, который выписывалъ у *Кесарія*: по крайней мѣрѣ оставилъ онъ послѣднему всеъ астрологическія бредни. О космографіи, находящейся въ лѣтописи, Шленгеръ замѣчаетъ: «вѣроятно, что съ некоторыми вышесказанными *Кедринъ* списывалъ *Синкелла*, а *Несторъ Кедрина*; но можетъ быть кому нибудь удастся отыскать еще четвертаго или пятаго Византійскаго историка, съ которымъ Несторъ болѣе согласуется, нежели съ *Кедриномъ*»¹.

Въ 1813 г. Кругъ и Ермолаевъ открыли, что источникомъ для нашей лѣтописи служила хроника Георгія Амартола. Въ письмѣ Дидова къ графу Румянцову отъ 13 Марта 1814 г. упоминается о рукописи XVI в., заключающей въ себѣ Славянскій переводъ Амартола.

Преподобный Николентій, епископъ Пензенскій † 1819 г.) въ своемъ «Начертаніи церковной исторіи» называетъ въ числѣ писателей IX в. и Георгія Амартола: «*Георгій* — говоритъ онъ — по происхожденію греканикъ (ἑλληνικὸς), по происхожденію Грекъ, по должности архимандритъ. Его *ἀποκρίσεις* отъ сомнѣній міра во *Митамла III*, составленное на основаніи изъясненій Св. Писанія и многихъ лѣтоисчисленій, не столько богатое повѣствованіемъ, сколько разсужденіями о догматахъ вѣры, свидѣтельствами Св. отцовъ, было источникомъ для исторіи *Кедрина*, *Ософана*, *Глики*, и другихъ писателей. Достоинство его усугубляется тѣмъ нѣмаче, что оно служитъ ключемъ ко многимъ темнымъ и труднымъ мѣстамъ древнихъ писателей»².

Въ 1819 году г. Строевъ узналъ древній Славянскій переводъ хронографа подъ заглавіемъ: «Временникъ въпроствѣ отъ различныхъ хронографовъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ монахомъ». По мнѣнію Круга и другихъ ученыхъ авторовъ Временника признавъ Византійскій лѣтописецъ Георгій Амартолъ. Г. Строевъ высказалъ это мнѣніе и подтвердилъ его выписками изъ хронографа въ статьѣ своей о Византійскомъ источникѣ Нестора, вышедшей въ 1828 году.

1. Несторъ, сох. Шленгеръ I, стр. 236 и 11—13.

2. Начертаніе церковной исторіи отъ Николентія епископа въ XVIII столѣтіи, изд. 3-е (Пензенск. епархія), стр. 21. — Кругъ и Ермолаевъ, стр. 147, 148.

Статья г. Снегирева: «Замѣчанія о Георгіѣ Амартолѣ» состоитъ преимущественно изъ описанія Славянскаго перевода хроники, находящагося въ библиотекѣ Московской духовной академіи. При описаніи обращено вниманіе на внѣшнюю форму рукописи и на нѣкоторыя выраженія. У Георгія Амартола читаемъ: «Коуръ (=Киръ) скоро посла *были* своего къ нему (Даніилу), да съ честью приведутъ и». Въ словѣ о полку Игоревѣ: «уже не вижду брата моего съ Черниговскими *былями*» и т. п.¹.

Со времени открытія Славянскаго перевода хроники Амартола утвердился взглядъ на неск какъ на одинъ изъ источниковъ нашей древней лѣтописи². Если и у другихъ Византійскихъ хронистовъ встрѣчаются мѣста, находящіеся и у Нестора и у Амартола, то это происходитъ отъ того, что изъ лѣтописи Амартола, какъ древнѣйшей, заимствовали весьма много послѣдующіе Византійскіе лѣтописцы: Кедринъ, Ософанъ, Глика и другіе³.

10. СОЧИНЕНІЕ МЕӨОДІА ПАТАРСКАГО.

На Меөодіа Патарскаго ссылаются лѣтописцы наши при разсказѣ о нашествіи Половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, приплы изъ пустыни Египтской. Меөодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и «по сихъ 8 колѣнъ, къ кончинѣ вѣка» выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты Новгородина узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ «зайдуче луку моря», въ которыхъ вѣчный кликъ и говоръ, и люди съкутъ гору, «хотяще высѣчися». Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. За тѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меөодія.

1. Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть V. 1830. стр. 233—264. Ср. *Левина* (I, 240) о томъ же: *ὁ δὲ Κύριος ἀκούσας ταῦτα ἐπέμφε πρὸς αὐτὸν τοὺς μετέστατας αὐτοῦ, ὅπως μετὰ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς αὐτοῦ — Cyprius hoc audito principes suos ad Danielum mittit, qui eum honorifice adducerunt.*

2. О хроникѣ Амартола см. Ученыя записки Казанскаго университета. 1843. книжка II и III. стр. 111—133.

3. *Fabricii Bibliotheca Graeca* ed. Harles. VII, 163 и XII, 30.

Таковъ ходъ разсказа во всѣхъ спискахъ лѣтописи кромѣ Лаврентьевскаго, въ которомъ между словами: «заклещеніи въ горѣ Александромъ Македонскимъ нечистыя челоуѣкъ» (стр. 100) и «се же хоцю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичъ Новгородецъ» (стр. 107) вставлено поученіе Владимира Мономаха.

Упоминаемый въ лѣтописи авторъ, Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ Малоазиатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ (который иѣкогда славился оракуломъ Аполлона, предсказывавшимъ ежегодно въ теченіе зимнихъ мѣсяцовъ), наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклиціана около 311 года¹.

Сочиненія Меѳодія пользовались большимъ уваженіемъ у послѣдующихъ писателей, начиная отъ блаженнаго Іеронима. Меѳодій написалъ: Толкованія на книгу Бытія и на Пѣснь пѣсней; О воскресеніи мертвыхъ, противъ Оригена; Разговоръ о дѣвственности и целомудріи — *Συρρητις τῷ δέκῳ παρτένῳ* — въ подражаніе разговору Платона, какъ показываетъ самое названіе, и др. Не смотря на вычурность выраженія и темноту аллегорій, сужденія Меѳодія признаются здравыми, чуждыми погрѣшностей, замѣчаемыхъ у многихъ древнихъ писателей, преимущественно въ ученіи объ ангелахъ хранителяхъ, о перво-родномъ грѣхѣ и о другихъ подобныхъ предметахъ². — Авторъ начертанія церковной исторіи сообщаетъ иѣсколько краткихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ Меѳодія. Вотъ слова его: «*Меѳодій, сперва въ Олимпѣ, что въ Ликіи, потомъ въ Тирѣ епископъ и около 303 года мученикъ. По Епифанію, мужъ словесный и сильный поборникъ истины. Съ ясностію и чистотою написалъ оуъ о воскресеніи противъ Оригена, о свободномъ произволеніи, о сотвореніи и иѣсколько книгъ противъ Порфирія. Сіи впрочемъ творенія его остались только въ извлеченіяхъ Епифанія, Дамаскина и Фотія. По бесѣда о чистотѣ, слово о Симеонѣ и Аннѣ, или на день срътенія, слово о мученикахъ и въ недѣлю Ваіи помяжены*

1. *Fabricii Bibliotheca Graeca*. T. VII. 1801. стр. 260—272.

2. *Nouvelle Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques*, par L. Ellies du Pin. 1690. T. I. стр. 193 — 200.

временемъ, и, по строгомъ изслѣдованіи, большею частию относятся къ его сочиненіямъ, кромѣ послѣднѣго: хотя впрочемъ и на сіе изслѣдователи не даютъ рѣшительнаго мнѣнія, колеблясь между симъ писателемъ и Златоустомъ.

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ именемъ Меодія Пагарскаго означаетъ сборникъ различнаго рода предсказаній: *περὶ τῶν ἀπὸ συστάσεως κόσμου συμβάντων, καὶ τῶν μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἔξῃς*, — по заглавію Славянскаго перевода: «слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ». Въ Словѣ говорится объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая; объ убіеніи Канномъ Авеля, надъ которымъ Адамъ и Ева плакали будто бы сто лѣтъ; о потопѣ и столпотвореніи Вавилонскомъ; о разселеніи и завоеваніяхъ потомковъ Агари; объ освобожденіи Израильтянъ отъ ига Агарянъ Геденомъ; о подвигахъ Александра Македонскаго, о заключеніи имъ нечистаго племени въ горахъ; о бѣдствіяхъ Христіанъ отъ Турковъ, и наконецъ объ антихристѣ и концѣ міра.

Предсказанія обыкновенно издаваемы были въ Латинскомъ переводѣ; въ подлинникѣ же напечатаны они въ Базельскомъ изданіи, которымъ мы и пользуемся. Въ переводѣ подлинникъ передается не буквально, а per paraphrasin, что происходитъ, какъ кажется, не отъ желанія переводчика передавать по своему мысли оригинала, а отъ того, что самый подлинникъ имѣлъ первоначально другой видъ, а не тотъ, который находимъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ.

Славянскій переводъ извѣстенъ въ нѣсколькихъ спискахъ, повидимому составляющихъ два разряда. Къ первому принадлежатъ списки близкіе къ подлиннику, сохраняющіе его порядокъ въ изложеніи предметовъ, съ нѣкоторыми выпусками. Таковы: Синодальный, № 38, отрывки изъ котораго приведены Карамзинъ въ 64 примѣчаніи ко 2-му тому исторіи и Чертковымъ въ Русскомъ историческомъ сборникѣ, Т. VI, стр. 154 — 156; Синодальный № 682, по которому предлагаемъ мѣсто, заимствованное лѣтописцемъ; Публичной Библіотеки Отд. I, № 60, по описанію же рукописей Толстова, составленному Строевымъ Отд. III, № 56, и т. п. Заглавіе ихъ большею частию такое:

1. Начертаніе церковной исторіи. I, стр. 139 — 140.

«Слово о царствѣ языкъ послѣднихъ время и извѣстно сказаніе отъ прѣваго челоуѣка до скончанія вѣка». Второй разрядъ составляютъ списки, значительно уклоняющіеся отъ подлинника, со многими пропусками и вставками, отчасти изъ книгъ апокрифическихъ и другихъ, отчасти изъ Византійскихъ преданій. Сюда относятся: списокъ, находящійся въ сборникѣ Публичной библиотекы, 1602 г., Отд. XVII, № 82, по печати же описан. библи. Толстова — Отд. II, № 229, 8, с заглавіемъ: «Слово св. отца нашего Меѳодія епископа о отъ созданія Адамъ и о вторыхъ пришествіи, и о Михаиловѣ царствѣ, и о антихристѣ»; списки въ сборникахъ Троицко-Сергіевой Лавры, и другіе.

Славянскій переводъ по всей вѣроятности сдѣланъ съ Греческаго текста, а не съ Латинскаго. Такъ можно полагать уже по самому началу, одинаковому въ различныхъ спискахъ и сходному съ началомъ Греческаго текста. Въ началѣ его читася: *ἐξ ἡρώδης ὅτι Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὐὰ τὴ γυνὴ αὐτοῦ ἐκ τοῦ παραδείσου, παρ' ἐνὸς ἐτ' ἄλλου*; Славянскій переводъ начинается такъ: «Егда изыдоша изъ рая Адамъ и Ева дѣвственна бѣста» или «вѣдомо буди, яко дѣвою бѣ Адамъ и Ева», и т. д. Въ Латинскомъ же переводѣ объ этомъ упоминается уже въ третьей главѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чтеніе Славянскаго перевода ближе къ Латинскому, нежели къ Греческому, что зависитъ опять отъ того же, что текстъ подлинника, изданный въ XVI вѣкѣ, представляетъ нѣкоторыя позднѣйшія измѣненія сравнительно съ древнимъ спискомъ, служившимъ образцомъ для Славянскаго переводчика, а можетъ быть и для Латинскаго.

Изъ «слова о царствѣ языкъ» заимствованы въ лѣтописи извѣстія, означенныя именемъ Меѳодія. Предлагаемъ, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ обоихъ переводахъ, тѣ мѣста изъ сочиненія Меѳодія Патарскаго, которыя послужили основаніемъ для лѣтописныхъ извѣстій:

Monumenta S. Patrum orthodoxographa. Basileae. 1569. ¹ *Рукопись Синодальной библиотекы № 652.*

Сирян. 94 — 95. Сир. 104 — 105... et .I. 288 — 289 об. (Ἀλέξανδρος) ἀνῆλθεν descendit usque ad mare Сев... сюда до моря. *ἕως τῆς θαλάσσης* quod vocatur Regio solis, нарицаемаго сѣвѣчнаго

τῆς ἐπωνεμαζομένης ubi conspexit gentes im- страна, и дѣже видѣ не-
 'Ηλίου χώρα ἔντα ἰώ- mundas et aspectu horri- чистыхъ языки и сквер-
 ρακην ἔσση ἀκάταρ- biles. Sunt autem ex filiis ны, сїюве же сїювъ la-
 τα. καὶ εἶδεν ἐκεῖ τῶν Japhet nepotes, quorum фетовѣх и вноуци его,
 υἱῶν Ἰάφετ ἀπογόνους immundiciem videns ex- гноушаюуща их, и дже
 ἐστίοντας ἀκάταρ- z. horruit, comedebant enim нечистотоу видѣвъ Але-
 μυσαρὰ καὶ βδελύγ- hi omnem canticorum ксандръ. Ἰδαχοῦ ὁ
 ματα. καὶ κώνωπας spe- iem. omne coïnqui- всак нечистыхъ вид и
 καὶ μύρας καὶ ὄφεις. nabile, id est. canes, mu- прочаа животнаа, мер-
 καὶ νεκρῶν σάρκας, res, serpentes, mortici- скаа же и сквернаа: ко-
 ἐκτρώματα. ἐμβρυα, norum carnes, abortiva. маръ, и мѣлы, и змїа,
 καὶ οὐ μόνον ταῦτα, infirmabilia corpora, et и мртвы плоти. изворо-
 ἀλλὰ πᾶν εἶδος τη- ea quae in alio nondum ть младыхъ, единаче не
 ρίου ἀκατάρτου. τοὺς per lineamenta coagulata до конца свершенных
 νεκρούς οὐκ ἔσπαπτον, sunt, vel ex aliqua или оубразъ своему имоу-
 ἀλλὰ οἱ πλείους ἤστίον parte membrorum про- щих за свершено знаме-
 αὐτούς, ταῦτα δὴ εἰ- ducta. Comparago formam нїе, и не токмо же скѡ-
 ὁ Ἀλέξανδρος ἑλλὴν figmenti possit perficere. скѡа, но и вса видѣ
 ἦν, πῶς ὁ θεὸς αὐτοῦ formam vel figuram ex- автрїи нечистыхъ. Мерт-
 εἰσήκουσεν. πάντα συ- primere jumentorum, nec веца же не погребѡу,
 νατρούσας ὁ Ἀλέξαν- non etiam et omnem по и тѣхъ ἰδαχοу. Сїа
 δρος διὰ τὰ ὑπ' αὐτῶν specie- m ferarum immun- вса видѣвъ Александръ
 ἐναγῶς καὶ μυσαρῶς darum. mortuos autem ѡ нихъ неподобїѣхъ и
 γινόμενα βδελύγματα. nequaquam sepeliunt, sed мерзѣѣ дѣема, и оу-
 φορατεῖς μὴ πῶς ἀφεί- saepe comedunt illos. боуеа, да не когда на-
 σει ἐν τῇ γῇ τῇ ἀγίῳ Haec vero universa con- чадоут на землю сїую,
 καὶ μάνωσιν αὐτήν, templatus Alexander Ma- и оскверѣуат ю мерскы-
 ἐκ τῶν μυσαρῶν αὐ- gnus. ab eis immunditer ми своими начинанми.
 τῶν ἐπιτηδευμάτων, et sceleriter fieri, timens. Помолихъ Александръ
 εἶδεῖν τοῦ Θεοῦ ἐκ- ne quando exilientes in Бгѣхъ прилѣжно, и собра-
 τεῶς καὶ προστάξῃ terram sanctam et illam всѣхъ ихъ, и женѣ и чадъ
 αὐτοῦ, ἤγαγε πάντας contaminant a pollutioni- ихъ, и, сїюста рещи,
 αὐτούς, καὶ τὰς γυ- bus et iniquissimis alle- вса полкы ихъ, и изведе
 ναῖκας αὐτῶν, καὶ τὰ ctionibus, deprecatus est ихъ ѡ вѣстока, и вознахъ
 τέχνα αὐτοῦ. καὶ πᾶ- Dominum Deum. ut con- сѣдѣ ихъ до предѣхъ ст-
 σας τὰς παρεμβολὰς jungeret mo- des, et prae- вершихъ. И дже нѣ не-
 αὐτῶν. καὶ ἐξήγεγκεν cipiens congregavit eos, хода ѡ вѣстока до за-
 αὐτούς ἐκ τῆς γῆς omnesque mulieres со- пада, за еже не прїеми
 αὐτῶν. καὶ κατεδίω- gum et filios et omnia никимъ ѡ нимъ: понеже
 ξεν ἐπίσω αὐτῶν, ἑως scilicet castra eorum, et ѡбъ Александръ помолихъ.

Смп. 98. τότε ἀναιχθήσονται αἱ πύλαι τοῦ βασιλείως καὶ ἐξελεύσονται αἱ δυνάμεις αἱ εὖσαι κατεργημένοι ἐσωθεν.... τὰ γὰρ ἐξέρχόμενα ἐσθνη ἐκ τοῦ βορρᾶ ἐστίουσιν σάρκας ἀνθρώπων, καὶ πίνουσιν αἷμα θηρίων, καὶ πᾶν ἀκάθαρτον αἰσθίουσιν. ὄφεις καὶ σκορπίους καὶ πάντα τὰ μυσάρᾳ καὶ βδελυκτὰ. θηρία καὶ ἐρπετὰ ἐρποντα ἐπὶ τῇ γῆς. τότε κτηνώδη καὶ τὰ νεκρὰ σώματα, καὶ τὰ ἐκτρώματα τῶν γυναικῶν. σφάξουσιν νήπια, καὶ πρᾶχώσουσι ταῖς μητρᾷσιν αὐτῶν, καὶ ἐψίσσουσι τὰ κρέη αὐτῶν....

Смп. 112.tunc reserabuntur portae aquilonis et ingredientur virtutes gentium illarum, quas conclusit intus Alexander Magnus.... Gentes namque qui exiunt ab Aquilone, comedent carnes hominum, et bibent sanguinem bestiarum sicut aquam, et comedent immunda: serpentes, scorpiones et universa abominabilia et horribilia bestiarum, et reptilia qui reptant super terram, iumentorum etiam et corpora mortuorum, et abortiva mulierum, et necabunt pueros et largientur eos matribus suis ut comedant eos...

Л. 299. О затворенных Таварех. Тогда ѡвръзѹтся врата сѣвернаа, и изыдѹтъ силы изычскія, иже ѡаху затворени вноутрюдоу... Изыци бо исходящии ѡ сѣвера сѣдѹтъ плоти члѣчскія, и пѣют кровь звѣрем, яко водоу, и сѣдѹтъ нечистаа: и змѣи, и скоропѣи, и вса мерзскія и гнусныи звѣра. и гады пользующи по земни, скѡчскія же мртвѣца и изворогы женскія; и заколют младенца и дадут ихъ мѣремъ ихъ, и сѣдѹтъ ихъ....

Приведенное сказаніе передается въ летописи слѣдующимъ образомъ: «Яко же скажетъ Меѡдіѣ Патарійскій: и взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто, и видѣ ту челоѡкы нечистыя, отъ племени Афетова, ихъ же нечистоту видѣхъ: ядяху скверну всяку: комары и мухы, коткы, змѣи: и мертвецъ не погребаху, но ядяху, и женскыя изворогы, и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полуношныя страны въ горы высокія; и, Богу повелѣвию, ступишася о нихъ горы полуношныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть. И ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не возмогутъ и жени; вѣщи бо сун-

клятва сина есть: ни огонь может вжечь его, ни железо его приметь. Въ послѣдняя же дни по спѣхъ изидуть 8 колѣвъ отъ пустыни Египтиской, изидуть и си сквернии языки, яже сущъ въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божию» (стр. 107). Нѣсколько выше, говоря о восьми колѣвахъ, лѣтописецъ приводитъ также слова Меѳодія Патарскаго: «Меѳодій же свидѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣвъ пробѣгли сущъ, егда иже Гелеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 иже» (стр. 99). У Меѳодія читаемъ: «Гелеонъ съсѣче пѣкы ихъ, и ѿгна ихъ ѿ вѣсѣ... да въ поустыниа Египтискѣ» (εἰς τὴν ἔρημον, из неже бѣжъ, и оставше ѿ колѣвъ, изыдохъ въ пустыниа вънатрѣжъ).

Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, послужившее однимъ изъ источниковъ для нашей лѣтописи, долгое время считалось несомнѣнно принадлежащимъ автору, именемъ котораго оно обозначается какъ въ Греческихъ, такъ и въ Славянскихъ памятникахъ. Подлинникъ имѣеть заглавіе: τὸν ἁγίου Μεθόδιον Πατάρου ἐπισκόπου и т. д.: въ древнихъ Славянскихъ переводахъ сочиненіе Меѳодія называется «Словомъ св. отца нашего Меѳодія, епископа Патарскаго». Несторъ называетъ Меѳодія — «Меѳодій Патаріиіи», а позднѣйшій лѣтописецъ — «Меѳодій, епископъ Патаромскіи» стр. 216. Въ старинныхъ минеяхъ, изданныхъ въ Венеціи, восхваляется Меѳодій Патарскіи, какъ авторъ слова, заключающаго въ себѣ великія предсказанія: «hic plaue admirabilis Dei sacerdos et martyr libros nobis abs se laboratos, omni refertos scientia ac utilissimos reliquit. Quin et de futuris clarissime vaticinatus est, summaque praedixit perspicuitate: regnorum scilicet utrinque mutationes, gentium excursiones, locorum ac provinciarum vastationes, orthodoxos item reges et haereticos mundiue consummationes et antichristum, ejusque regnum et mundi destructionem, ac omnis humanae carnis interitum; haec inquam omnia vir eximius clarissime vaticinatus est»¹.

Подъ именемъ Меѳодія Патарскаго предсказанія помѣнялись и въ «общіиотеческихъ отцевъ», но издатели допускали это имя

1. Maxima bibliotheca veterum patrum. Lugduni. 1677. стр. 673.

только по преданію, всылаютъ на прежнія изданія. Уже въ XVII столѣтіи сомнѣвались въ справедливости преданія, и это сомнѣніе скоро перешло въ рѣшительное отрицаніе. Ученые, единодушно отвергая принадлежность сочиненія Меодію Патарскому, приписываютъ оное другимъ писателямъ этого имени, указывая то на Меодія исповѣдника, то на Меодія патріарха, жившаго въ XIII столѣтіи. Первый получилъ названіе исповѣдника за свою ревность въ защищеніи иконопочитанія, и въ послѣдніе годы своей жизни былъ патріархомъ Константинопольскимъ (+846). Въ одномъ изъ списковъ авторомъ названъ именно «святой Меодіи патріархъ»: τοῦ ἁγίου Μεθοδίου πατριάρχου περὶ τῶν ἀπὸ συστάσεως χόρμου συμβάντων καὶ τῶν μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἔξῃς ¹. Другой Меодіи—Methodius junior—бывшій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ патріархомъ въ Константинополѣ въ 1240 году, не могъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ², быть авторомъ слова уже и по тому одному, что оно извѣстно было Русскому писателю болѣе древнему, жившему въ XI—XII в.

Сверхъ сборника предеканій извѣстны въ Славянскомъ переводѣ и другія сочиненія Меодія Патарскаго. Древнѣйшимъ переводчикомъ Меодія считаютъ Русскаго митрополита Никифора (+1121), автора замѣчательныхъ посланій къ Владимиру Мономаху ³.

11. ДОГОВОРЫ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ СЪ ГРЕКАМИ.

По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ (стр. 13); подъ 912 г.—другой договоръ Олега съ тѣми же царями (стр. 13—16); подъ 945 г.—договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его, Константиномъ и Стефаномъ (стр. 19—23); подъ 971 г.—договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ (стр. 31).

1. Fabricii Bibliotheca graeca. VII. 273—274.

2. Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria, autore G. Cave. Oxonii. 1740. T. I, стр. 153.

3. Памятники Русской словесности XII вѣка. стр. 156. — Русскія достопамятности. I. стр. 59.

Договоры состоятъ изъ статей, большею частію переведенныхъ съ Греческаго. Они были предметомъ нѣсколькихъ специальныхъ изслѣдованій¹, опредѣлившихъ до нѣкоторой степени и отношеніе договоровъ къ лѣтописи, въ которую внесены они, какъ замѣчательные памятники нашей старины.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій — искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вносимаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ Русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычайности пуждали въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій.

Между источниками первое мѣсто занимаютъ книги Св. Писанія, главнѣйшій и необходимый источникъ вѣрованій и убѣжденій всякаго христіанскаго общества и его органа — писателя. За тѣмъ сами собою представлялись вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками Русскими находятся памятники литературы Византійской, черезъ посредство которой Русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Правдивая связь Византіи съ древнею Россіею имѣла такую силу, что Русскому писателю весьма естественно было искать у Византійцевъ объясненія событій, не вполне объяснимыхъ помощью однихъ домашнихъ источниковъ.

Въ способѣ пользоваться источниками, какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтно единство, одинаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидетельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а при-

1. Историческія чтенія 2 отд. Академіи, 1832—1833 г., стр. 7—31. Извѣстія Академіи, т. III, стр. 237—293. — О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. Н. Лавровскаго, 1833 г.

водитъ изъ него извлеченіе, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія. —

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіеся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанию самостоятельному.

IV.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДРЕВНЕЙ ЛѢТОПИСИ.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи — въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Упоминаніе однихъ происшествій и опущеніе другихъ, большее или меньшее сочувствіе при передачѣ событій, случайность или обдуманность въ приведеніи извѣстій, и т. п. — вотъ предметы, разсмотрѣніе коихъ знакомитъ съ отличительными свойствами литературнаго труда. Разнообразіе подобныхъ предметовъ приводится къ двумъ главнымъ отдѣламъ — къ обозрѣнію того, *что* и *какъ* передано потомству писателемъ. Этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы будемъ держаться и въ разсмотрѣніи лѣтописи, какъ самостоятельнаго памятника нашей древней словесности.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: «се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла *Русская земля*, и кто въ ней почла первое княжити». Такъ читается начало лѣтописи въ большей части синесковъ. Судьба Русской земли раскрывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно Русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ Русскому народу Славянахъ: Моравахъ, Чехахъ, Сербгахъ и другихъ; затѣмъ — о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время въ составъ народа Русскаго: Полянахъ, Древлянахъ, Новгород-

цахъ, и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго Русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою Русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большою точностію, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Песторъ, называя положительно мѣста поселенія княжескаго рода, объясняетъ даже имя народа, давшего Русской землѣ князей: «идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сине бо ся зваху ти Варяги Русь, яко се друзи зовутся Свее, друзи же Урмане, Антыяне, друзи Гьте, тако и си. И набрашася 3 братья съ роты своими, поидша по собе всю Русь, и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, а другій Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Изборкъ въ Труворѣ. Отъ тѣхъ проиде Руская земля. Новгородци: ти суть люди Новгородци отъ рода Вирязьска, преже бо бѣша Словѣни» (стр. 8 — 9). Въ этихъ словахъ передано только то, что прямо идетъ къ делу и что въ высшей степени достоверно.

Извѣстія о послѣдующихъ князяхъ сообщаются такъ же съ точностію, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отличены преимущественно его *походы*: двинувшись къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ — Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностію, при чемъ приведенъ и пространный договоръ съ Греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на Грековъ и договорѣ съ ними и о войнѣ Игоря съ Древлянами. Вся исторія Святослава есть *исторія походовъ* на Кочевъ, Ясовъ, Печенѣговъ, Грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются *два порочныя сыновья* его: Ярополкъ, Олегъ, Владимиръ. Большая часть извѣстій о княженіи Ярополка состоитъ изъ описаній: *войны* этого князя съ Святославомъ и съ Алахами и Печенѣгами, *присланіемъ* Святославомъ; *порочны* Ярополка съ Греческимъ, *покушью* Владимировичемъ, и Мстиславомъ; *соединеніемъ* Мстислава съ княземъ Касожскимъ; *походами* Ярополка на Ятланговъ, Литву, Мазовичанъ, и т. п.

Подъ 1061 годомъ упоминается впервые о нашествіи *Половцовъ* на Русь; подъ 1067 г. говорится весьма подробно о *набѣгахъ Половецкихъ*, и приводится поученіе Феодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго Русскую землю. Начиная съ 1061 года и по 1110 г., почти при половинѣ годовъ находятся извѣстія о *Половцахъ*, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщенныя подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описание несчастныхъ слѣдствій борьбы съ неприятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ *раздоровъ княжескихъ*, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны въ жизни того времени. Эта свѣтлая сторона — вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою вѣншиною, залогомъ будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины.

Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи съ сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной *подвижниками* противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силлившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе — о Варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Не соглашаясь почитать боговъ, чтимыхъ большинствомъ, Варягъ говорилъ: «не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгыбеть: не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣланы руками въ деревѣ. А Богъ есть единъ, емуже служатъ Грци и кланяются, иже створи въ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце и челоука — дакъ есть ему жить

на земли: а си божи что сдѣлаша? сами дѣлаши суть» (стр. 35).

Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владимира, утвердившаго христіанство въ Русской землѣ. Въ иѣкоторомъ смыслѣ Владимира можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи; подвиги его изображены съ наибольшою подробностью и съ живымъ сочувствіемъ. Описывалъ дѣйствія Владимира, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владимиру Русскаго общества; описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычан старины, и схватки съ врагами, вызывавшими Русскихъ удалцовъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ — писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ — христіанина и *Русскаго* писателя XI вѣка.

Жизнь первыхъ иноковъ монастыря Печерскаго представлена лѣтописцемъ какъ высокій образецъ единомудрія и нравственнаго совершенства. Единственною и крѣпкою связю, соединявшею иноковъ въ святое братство, была любовь, самая искренняя и безкорыстная. Въ любви пребывали они, говоритъ лѣтописецъ, младшіе покорялись старшимъ, и не возвышали предъ ними голоса, а внимали ихъ словамъ; старшіе любили младшихъ, наставляли и утѣшали, какъ чада возлюбленныхъ; если братъ впадалъ въ преступленіе и подвергался наказанію, то три или четыре брата раздѣляли между собою наказаніе, чтобы облегчить виновнаго. Были въ числѣ ихъ и мужи, обладавшие свойствами непостижимыми. Забодѣвалъ ли кто, дитя или взрослый, обращался къ Даміану, и недугъ прогоняемъ былъ силою молитвъ святаго мужа. Сокрытое для людей обыкновенныхъ ясно было для Матвія прозорливаго. Необычайнымъ терпѣніемъ изумлялъ всѣхъ Исаакій, иѣсколько лѣтъ страдавшій жестокою бодлзнью, изнурившею его до того, что онъ долженъ былъ, какъ дитя, учиться ходить, ѣсть, говорить; но за то и враги, пораженные силою его воли, признали его побѣдителемъ, и самыя стихіи повиновались ему.

Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе церкви считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно-Европейскими. Въ средніе вѣка въ Европѣ самое зданіе церкви имѣло особенное значеніе: когда всюду грозила опасность, одна церковь представляла надежный пріютъ; тотъ, кто, страшась преслѣдованій, постоянно окружалъ себя тѣлохранителями, вступалъ одинъ безбоязненно въ церковь; даже преступника не рѣшались умертвить, если онъ взялъ въ церкви. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ Европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что «спри семь нача вѣра хрестыанская плоднися и разширити, и черноризци почаша множитися, и монастыреве починаху быти» (стр. 65). Въ такомъ же духѣ замѣчаніе Амартола: «по Львѣ же цѣтвовъ Константинъ, сѣи его, приимже бѣгоцетна оученикъ прикъ начело дръзати, и слово Бжже простыратисе, и монастыре съ всацѣмъ пространствомъ сзыдатысе».

Между древними монастырями Россіи первое мѣсто занимаетъ обитель Печерская, основанная и устроенная Русскими, между тѣмъ какъ другіе монастыри учреждались преимущественно монахами Греческими, переселившимися въ Россію. Съ первыхъ лѣтъ своего существованія Кіевская обитель сдѣлалась средоточіемъ монашеской жизни въ Россіи, и получила народное значеніе не только для юга, но и для сѣвера и вообще для всей Русской земли. Поэтому въ лѣтописи Всероссійской, какъ справедливо называютъ лѣтопись Несторову, сказаніе о Печерскомъ монастырѣ является вполне умѣстнымъ, будучи разсматриваемо и безъ отношенія къ южному происхожденію лѣтописца и пребыванію его въ Кіевѣ. Печерскій монастырь не былъ только мѣстомъ уединенія отшельниковъ; онъ оказывалъ вліяніе и на бытъ общественный: князья обращались къ инокамъ за благословеніемъ на войну, за совѣтомъ въ мирное время, съ просьбою о содѣйствіи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Осодосій, Пиконъ

и ихъ преемники принимали участіе въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ это видно изъ житія Феодосія, описаннаго Несторомъ, и изъ другихъ памятниковъ нашей древней словесности¹. Народъ чтить обитель, какъ святыню, и стекался въ нее изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. —

Сверхъ повѣствованія о христіанскихъ подвижникахъ, свѣтлая сторона картины, изображаемой лѣтописью, заключается въ *преданіяхъ орьности*, не умолкнувшихъ еще во времена лѣтописца. Воспоминаніе объ Ольгѣ, Владимірѣ, Ярославѣ и ихъ предшественникахъ составляетъ для нашего лѣтописца прекрасное прошлое, передаваемое во всей простотѣ и естественности; поэтический колоритъ придаетъ разсказу преданіями народа, коимъ не могъ не сочувствовать народный писатель.

Ко временамъ Олега относятся преданія о завадѣніи Кіевомъ, о походѣ на Грековъ и о смерти Олега. Завладѣніе Кіевомъ произошло такимъ образомъ, что Олегъ «сприиду подѣ Угорьское, похоронивъ вой своя, и приѣда ко Асколду и Дирови, глаголя, яко гость есмь; идемъ въ Греки отъ Ола и отъ Игоря княжича, да приѣда къ намъ къ родомъ своимъ. Аскольдъ же и Диръ приѣста: выскакавъ же вси прочіи изъ лоды... и убиша Асколда и Дира», а Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ (стр. 10).

Княженіе Ольги, которая, по оставу бояръ Владиміровыхъ, была «мудрѣйши всѣхъ чловѣкъ», богато преданіями, въ особенности ея война съ Древлѣнами, кончившаяся покореніемъ Древлѣнской земли. Последнее событіе этой войны, сожженіе Коростеня, описано съ наибольшою подробностью въ такъ названномъ лѣтописцѣ Переяславскомъ. Желая положить конецъ войнѣ, Ольга говоритъ Древлѣнамъ: у васъ нѣтъ теперь ни меду, ни кожъ; но малого у васъ прошу для избавленія отъ головной болѣзни: дайте мнѣ отъ двора по 3 голубя и по 3 воробья; у васъ вѣдь есть эти птицы, въ другихъ же мѣстахъ нѣтъ.

1. Ср. *Булгоговъ: Очеркъ лѣтописи Русской*, стр. 206 — 207. — О житіи нечеркаго монастыря въ исторіи духовнаго образованія Россіи см. *Шемеряевъ: Исторія Русской словесности, преимущественно древней*. 1886. Т. I, часть 2, лекція 6, стр. 14 и слѣд.

а въ чужую землю не посылаю; и это вамъ въ родъ и родъ, а тяжелой дани, какая была при мужѣ моемъ, не хочу налагать на васъ, потому что вы уже изнемогли¹.

Изъ эпохи Владимира, героя народныхъ былинъ, рассказано въ лѣтописи такъ же нѣсколько преданій, преимущественно о борьбѣ Русскихъ съ чужеземцами. Печенѣжскій богатырь, встрѣтившій своего противника «средняго тѣломъ» насмѣшкою, погибъ отъ руки Русскаго силача. Осаждаемые Печенѣгами, Русскіе призвали пословъ Печенѣжскихъ и привели ихъ «къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша въ латки, и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. Людѣ же палыша корчагу пѣжа и сыты отъ колодезя, влаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая»; князья Печенѣжскіе удивились, встали отъ города, и ушли во свояси, и т. п.²

Въ преданіяхъ старины, удержанныхъ лѣтописью, Русскіе князья являются большею частью побѣдителями, а не побѣжденными, какими правдивая лѣтопись представляетъ ихъ не однократно во времена Половцовъ. Въ печальную годину Половцевъ ихъ набѣговъ весьма естественно было дорожить воспоминаніемъ о счастливомъ времени первыхъ князей, коихъ доблестные подвиги приводились въ примѣръ и писателями вѣковъ послѣдующихъ. Вассіанъ писалъ Іоанну III: «ревнууй прежебывшимъ прародителемъ твоимъ великимъ княземъ: не точію Рускую землю обороняху отъ поганыхъ, но иныя страны приимаху подъ себе, еже глаголю: Игорь, и Святослава, и Владимира»³.

1. Временникъ Московскаго историческаго общества. 1831. книга 9 я. Лѣтописецъ Нереславъ Суздальскій, изд. кн. Оболенскихъ. стр. 12.

2. Въ Исторіи Русскаго народа, Полонинъ, ч. 2, стр. 267 — 271, приводится слѣдующій «радъ поэмъ, въ коихъ изложена древняя исторія»: 1) завоеваніе Кіева Хазарами, 2) смерть Аскольда и Дира, 3) походъ Олега къ Царьграду, 4) смерть Олега, 5) походъ Игоря къ Царьграду, 6) мщеніе за смерть Игоря, 7) крещеніе Ольги, 8) походъ Святослава въ Булгарію, 9) исторія Рогнеды Полоцкой, 10) битва съ Печенѣгами, 11) спасеніе Бѣлгорода, 12) походъ Мстислава на Касоговъ. — Ср. Полонинъ: Послѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи. Т. I, стр. 173 — 180.

3. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI, стр. 227.

Что касается до первого начала преданий, то можно думать, что они слагались въ именахъ Русскихъ, какъ при содѣйствіи пришлыхъ Норманновъ, такъ и независимо отъ нихъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, древнѣйшими политическими сказаніями обязаны мы исключительно Норманнамъ. Но справедливо, кажется, допустить, что древнѣйшій Норманскій пришель въ соприкосновеніе съ народнымъ Русскимъ, т. е. Славянскимъ, какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи, которая сопутствуетъ народу на всѣхъ ступеняхъ развитія. Были, безъ сомнѣнія, повѣрья сходныя у Славянъ Русскихъ и у Варяговъ-Руси: сходство могло быть въ нихъ случаяхъ полное, въ другихъ только нѣкоторое — въ основный мысли, оставленной неодинаковыми подробностями. Но крайней мѣрѣ многія черты легендарныхъ сказаній встрѣчаются въ народныхъ произведеніяхъ Славянскихъ племенъ, не подвергавшихся Норманскому вліянію.

Самое преданіе о смерти Олега, при поразительномъ сходствѣ съ Неландскою сагою, не чуждо, по мысли, и міру Славянскому. Олегъ, вспоминая о конѣ, отъ котораго долженъ быть умереть по предсказанію кудесника, пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежалъ кости коня «толы и лобъ голъ, и носѣлся рѣкѣ: отъ сего ли дѣла смерть мнѣ вѣсти? и выступи ногою на лобъ: и вышкучи мѣла, и уклону и въ ногу, и съ того разболѣлся умереть. стр. 16. Неландское преданіе говоритъ о подобномъ же предсказаніи вѣщуньи Volva — лица, играющаго весьма важную роль въ древнѣйшемъ Скандинавскомъ бытѣ. Вѣщунья предсказала Норвежскому герою Орвару Оду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе коихъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи рокомъ вѣщунья объявляетъ отъ своего коня, цѣлкомъ беленаго и называвшагося отъ шведской грѣки Факсомъ Faxus. Орваръ Одь уверилъ Факса и свернулъ его въ глубокія рѣкѣ, надъ конемъ сдѣлавъ большую насыпь изъ камней и дѣрева. Сожалѣя за свою будущность, Одь отправился въ далекія путешествія. Послѣ ряда безуспѣшныхъ походовъ по многимъ странамъ, желая вернуться въ Россію, гдѣ будто бы жили на Русской прѣмѣстѣ *facta in hocem Sikkisfe, Hettu li Russike regis lita*, онъ возвратился въ Норвегію — ровно черезъ триста лѣтъ.

По возвращеніи въ отечество Орваръ Оддъ замѣтилъ, что многія мѣста, покрытыя прежде зеленою, поблѣкли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи; лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса, говоритъ Оддъ, вращая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица, выскочивъ изъ конской головы, уязвила героя въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу¹. — Также мысль о неизбежности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ Сербскомъ преданіи о «суженомъ днѣ» — суѣен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому челоѣку *суждено* — по нашему: *на роду написано* — какою смертію умереть, и отъ *суженья* невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суѣенъ се не може утећи». Рассказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ (татар) предсказалъ смерть отъ змѣи. Царь, желая спасти свою дочь отъ рока, сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло зайти даже насекомое, и откуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ «суѣен дан», она захотѣла винограду; слуги принесли ей большую кисть, въ коей скрывалась змѣйка, и эта-то змѣйка укусила царскую дочь, постигнутую суженымъ днемъ, и «зада јој суѣену смрт»².

Приписывающіе Скандинавскій характеръ древнѣйшимъ преданіямъ полагаютъ, что князья нашихъ сопровождали скальды, что на пирахъ Владимира пѣли они свои эпические, лирическія и драматическія пѣсни, умолкнувшія со введеніемъ христіанства³. Но извѣстій о скальдахъ, подобныхъ Скандинавскимъ, не сообщаютъ намъ летописи, по свидѣтельству которыхъ не пѣвцы, а дружина, «мужи огни» одобряли подвиги князей. Въ войнѣ 1149 года князь Андрей Юрьевичъ оказалъ необыкновенную храбрость, и «мужи огни *похвалу ему даша велику, за не мужьскы створи паче всѣхъ бывшихъ ту*» (I, стр. 140). Милніемъ дружины дорожили и Владимиръ Св. и Владимиръ Мономахъ.

1. *Thormod Torfaei Historia rerum Norvegicarum in quatuor tomos divisa. Hafniae. 1711. Т. I, стр. 263—266, 273—274.*

2. Караццѣ. Сербскіе рѣчѣшкы. 1832. стр. 724.

3. *Полное, Исторія Русскаго народа. Т. II, стр. 263.*

Образовавшіеся изъ двухъ стихій, народной и занесенной Варягами, преданія переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, поддерживаемыя подвижными памятниками существованія людей, о которыхъ говорила молва. Такими памятниками были у насъ, какъ и всюду, преимущественно могилы; могилы Аскольда и Дира, Игоря, Олега Святославича († 977), Святополка были еще по времена Пестора; а обыкновенно, чѣмъ древнѣе могила, тѣмъ болѣе преданій окружаетъ ее. —

Въ ряду описаній, болѣе или менѣе пространныхъ, составленныхъ по преданію и по другимъ источникамъ, встрѣчаются въ летописи и *замѣтки краткія*, подобныя первымъ началкамъ летописной дѣятельности — замѣткамъ пасхальнымъ. Краткія замѣтки сообщаютъ извѣстія о построеніи церквей, о знаменіяхъ небесныхъ, о походахъ на враговъ, о другихъ предметахъ, какъ напр. о разливѣ рѣкъ, о саранчѣ, и т. п. Иныя замѣтки составляютъ отдѣльныя и единственныя извѣстія при нѣкоторыхъ годахъ, другія примыкаютъ къ описаніямъ подробнымъ, но не имѣютъ съ ними никакой связи. Отдѣльныя замѣтки изъ двухъ-трехъ словъ попадаются въ древнѣйшей части летописи: послѣ извѣстія подъ 1058 годомъ: «поѣхъ Пяславъ Голыди» встрѣчается только одно, въ такой же степени краткое, именно подъ 1082 г.: «Осень умре, Половечскій князь». Но за то подъ иными годами всѣ извѣстія состоятъ изъ ряда краткихъ замѣтокъ, какъ напримѣръ:

Въ лето 6613. Указися верхъ святаго Андрея.

Постави митрополитъ епископа Ананіюхія Володимирю мѣсяца августа въ 27 день.

Томъ же лето явися явлѣна съ хвостомъ, на западѣ, и стоя мѣсяць.

Того же лета пришесть Боякъ зимѣ на Зрубѣ, и поѣхъ Торкъ и Беренкикъ, стр. 119.

Въ лето 6588. Зарушихся Торки Пережмистіа на Русь. Востану же иже сына своего Володимера, Володимеръ же поиде поѣхъ Торки.

Въ лето 6589. Бѣжа Игоремъ дѣти съ Бояромъ Ростиславичемъ, мѣсяца мѣ 18 день и прѣиде Тугоръ, и мѣсяца Ратиса, и сѣхъ Тугоръ, стр. 57.

Въ лѣто 6616. Заложена бысть церкы святого Михаила, товерхая, Святополкомъ княземъ....

Въ се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и въ Деснѣ и въ Припѣтѣ.

Въ семь же лѣтъ вложи Богъ въ сердце Феоклисту игумену Печерьскому, и нача възвѣщати книю Святополку, дабы вписалъ Феодосья въ сѣнаиикъ....

Въ се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца іудія въ 11.

Въ се же лѣто кончаши верхъ святыхъ Богородици на Кловѣ, заложѣнъ Стефаномъ, игуменомъ Печерскимъ (стр. 120 — 121).

Пространное описаніе событій 1091 года заключается слѣдующими замѣтками:

Въ се же лѣто бысть Всеволоду дѣвѣ дѣвѣ зѣринѣ за Вышегородомъ, замѣтавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спадѣ превеликъ змій отъ небесе; ужасомъся вси людье.

Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша.

Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе (стр. 92). —

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія и о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. Чаше, нежели о рожденіи, встрѣчаются замѣтки о смерти, повторяющіяся иногда подъ нѣсколькими годами сряду: «въ лѣто 6508. Преставися Матьвѣрьдъ. Въ се же лѣто преставися и Рогъиѣдъ. Въ лѣто 6509. Преставися Нѣяславъ. Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ», и т. п.

За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ *отзывы*, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ, и не смотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ (+ 1065) лѣтописецъ говоритъ: «бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень, крѣпкомъ же лѣпъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогимъ». О

Глѣбъ († 1078): «бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогимъ, и страннолюбивъ, тицанье имѣя къ церквамъ, теплѣ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ». Митрополитъ Іоаннъ II († 1090), по словамъ лѣтописца, былъ «мужъ хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчиствъ же, книгами святыми утѣшаа печалныи». Преемникъ же его, Іоаннъ скопецъ — «скопчичина», вовсе не похожъ былъ на своего предшественника: «бѣ же се мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ».

О князѣ Изяславѣ († 1078) лѣтописецъ отзывается такъ: «бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, не злобивъ правомъ, криваго не судѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лести, но простъ мужъ умомъ, не вдая зла за зло». Эта похвала вовсе не состоитъ изъ общихъ мѣстъ, применимыхъ ко всякому доброму князю, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Она прямо истекаетъ изъ образа дѣйствій Изяслава, упоминаемыхъ непосредственно за похвалюю ему. Изяславъ, говоритъ лѣтописецъ, не воздалъ зла за зло: ибо сколько зла ни сдѣлали ему Кіевляне: и самого его выгнали, и домъ его разграбили, — но онъ не отомстилъ имъ за это. Такъ же братья его изгнали его, и онъ ходилъ по чужой землѣ, блуждая; но когда одинъ изъ братьевъ пришелъ къ нему побѣжденный, Изяславъ не напомнилъ ему о прежнихъ его злыхъ поступкахъ, но принялъ его ласково и вступилъ съ нимъ въ искренній и дружескій союзъ.

Будучи правдивымъ отголоскомъ мнѣнй современниковъ, похвалы, находящіяся въ лѣтописи, всегда состоятъ въ связи съ личными свойствами тѣхъ, къ которымъ относятся. Поэтому, при всей краткости, они даютъ понятіе объ особенностяхъ характера и дѣйствіи замѣчательныхъ людей древней Россіи. Въ лѣтописи нѣтъ такихъ безцвѣтныхъ очерковъ, которые бы сглаживали всѣ черты различія между изображаемыми лицами. И Ярополкъ и Мстиславъ были князья, достойные уваженія, по отзыву лѣтописи; но достоинства были не одни и тѣже. О Ярополкѣ († 1086) лѣтописецъ говоритъ: «блже блаженъ съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнн, по вся дѣла, и мо-

ляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! прими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже дѣла брата моего, Бориса и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятка, сѣти вражїи». Другими свойствами отличался Мстиславъ - 1036, какъ видно изъ слѣдующаго отзыва: «бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицомъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣня не щадяше, ни пия, ни ѣдя, ни браняше». —

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествїяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и некоторыя черты *быта и внутренняго*: говорить о взаимныхъ отношенїяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о правахъ и обычаяхъ, о понятїяхъ большинства и людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи.

Въ завѣщанїи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-Русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы противныя полъ вы, и будете мирно живуще —, аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отцовъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзона трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе брать брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату моему Изяславу Кїевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Черыяславъ» и т. д. (стр. 69).

О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: «и бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писецѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Славѣнское писмо, и списаша книги многы и списка, ими же поучащесе вѣрїи людье, наслажаются ученїа божественнаго» (стр. 65).

Правы, обычаи и вѣркованія предковъ нашихъ обнаруживаются въ начальномъ извѣстїи о бытѣ Славянъ Русскихъ: Пололянъ, Дрековъ, Сѣверянъ, и другихъ племенъ; въ подробномъ повѣствованїи о волхвахъ, и т. п. Волхвы — замѣчательное лицо въ древнемъ Русскомъ бытѣ, оказывавшее сильное вліяніе на массы. Въ словахъ и поступкахъ волхвовъ, и въ дѣйствїяхъ въ пользу и противъ нихъ, отражается тогдашній бытъ съ нѣкоторыми даже видоизмѣненїями его по различнымъ классамъ общества. Волхвы утверждали подобныя вещи: что дѣйрь потечетъ назадъ, и земли перейдутъ съ мѣста на мѣсто, такъ что Русская земля станетъ тамъ, гдѣ была Греческая, а Греческая тамъ, гдѣ была Русская; что женщины дергаютъ подъ кожаню житю, рыбу и медъ; что боги, конемъ служатъ волхвы, черныя видомъ, съ крыльями и хвостами; что боги подземные восходятъ въ воздушную высь и подслушиваютъ живущихъ на небѣ, и т. п. Люди здравомыслящіе находили, что волхвы морочатъ людей сушею ложью, потому что, говоря словами Яна, собесѣдника Нестора, «сѣворилъ Богъ человека изъ земли, сѣставленъ костями и жылами отъ крове» и кромѣ костей, жилья и крове нѣтъ ничего въ человеческомъ тѣлѣ. Несмотря на противодѣйствіе князей, епископовъ и воеводъ, народъ питалъ къ волхвамъ полное довѣріе, приводилъ къ нимъ женъ, матерей, сестеръ, передавался весь на сторону волхва, такъ что только князь со своею дружиною оставался на сторонѣ епископа (стр. 75 — 78).

Несторъ, по общепринятому мнѣнію, признается представителемъ лѣтописной дѣятельности въ Россїи, древнѣйшимъ и достойнѣйшимъ авторомъ литературной лѣтописи. Такъ какъ лѣтопись наша, разматриваемая какъ видъ словесности, представляетъ много общаго съ лѣтописями другихъ Европейскихъ народовъ, какъ въ способѣ составленія, такъ и въ содержаніи и характерѣ, то при разсмотрѣніи Русской лѣтописи слѣдуетъ принимать въ соображеніе и однородная съ нею произведенія въ литературахъ западно-Европейскихъ. Сравненіе Нестора съ другими представителями лѣтописанія въ Европѣ можетъ нѣсколько содѣйствовать кърному и полному опредѣленію свойствъ

самого Нестора, какъ писателя. Поэтому позволяемъ себѣ указать нѣкоторыя черты произведеній тѣхъ изъ Европейскихъ лѣтописцевъ, которые могутъ ити въ сравненіе съ Несторомъ. При выборѣ послѣднихъ мы имѣемъ въ виду преимущественно три ихъ качества: древность, внутреннее достоинство ихъ трудовъ и отношеніе къ другимъ лѣтописцамъ своего народа — такое же или сходное съ тѣмъ, въ коемъ Несторъ находится къ позднѣйшимъ Русскимъ лѣтописцамъ. Сообразно съ этими условіями избираемъ слѣдующихъ писателей: Козьму Пражскаго (+ 1125), Ламберта Гершфельдскаго (+ 1077) и Григорія Турскаго (+ 595). Всѣ три писателя, подобно Нестору, принадлежали къ наиболѣе образованному классу современнаго имъ общества, т. е. къ духовенству: первый былъ настоятелемъ церкви Пражской — *ecclesiae Pragensis decanus*; второй — монахомъ и священникомъ; третій — епископомъ. Козьма Пражскій болѣе всѣхъ другихъ лѣтописцевъ Чешскихъ имѣетъ право на сравненіе съ Несторомъ: это ясно само собою, не нуждаясь въ доказательствахъ. Не такъ необходимъ выборъ Ламберта изъ всѣхъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ; но мы допустили его на томъ основаніи, что лѣтопись Ламберта единодушно признается учеными одною изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Германскихъ, какъ по основательности сужденій о событіяхъ и прагматизму, такъ и по художественности изложенія. Козьма Пражскій и Ламбертъ Гершфельдскій близки къ Нестору по времени жизни; Григорій Турскій удаленъ отъ нихъ на нѣсколько столѣтій; но одними хронологическими соображеніями нельзя руководствоваться при сравненіи Русскихъ литературныхъ памятниковъ съ иностранными. Часто то, что въ другихъ Европейскихъ литературахъ возникаетъ почти одновременно въ какую либо эпоху, у насъ является гораздо позднѣе: таково, напримеръ, введеніе у насъ схоластики, драматическихъ представленій, стихотворной формы, и т. п. сравнительно со временемъ развитія ихъ на западѣ Европы. Григорій Турскій есть тотъ лѣтописецъ, который впервые изложилъ въ полномѣ и послѣдовательности судьбу своего отечества съ древнѣйшихъ временъ; безъ него Франгузы, какъ утверждаютъ Французскіе же писатели, не знали бы ничего о своей первоначальной исторіи: лѣто-

писцы позднѣйшіе были болѣею частью его продолжатели или послѣдователи. Вотъ причина, почему Григорій Турскій, древнѣйшій представитель лѣтописной дѣятельности въ мірѣ Романскомъ, можетъ быть сравниваемъ съ Несторомъ, представителемъ лѣтописанія въ Россіи, подобно тому, какъ могутъ быть сравниваемы съ Несторомъ Ламбертъ, первостепенный лѣтописецъ Германскій, и Козьма Пражскій, стоящій во главѣ лѣтописцевъ западно-Славянскихъ. Чтобы ограничить себя въ выборѣ сравниваемыхъ предметовъ, постараемся указать только тѣ изъ особенностей повѣствованія трехъ Европейскихъ лѣтописцевъ, которыя находятся въ наибольшемъ соотношеніи съ лѣтописью нашего Нестора¹.

1. Лѣтопись Козьмы Пражскаго состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой излагается исторія Богеміи съ древнѣйшихъ временъ до 1039 года; во второй съ 1039 до 1092 г. и въ третьей — съ 1092 до 1125 г. Въ лѣтописи Ламберта Гершфельдскаго рѣзко отлѣчается первая половина, простирающаяся до 1040 года, отъ второй, оканчивающейся 1077 годомъ. Лѣтопись Григорія Турскаго раздѣляется на 10 книгъ; въ первой книгѣ помѣщенъ краткій очеркъ всеобщей исторіи до смерти Мартина, епископа Турскаго, т. е. до 397 г.; въ остальныхъ девяти книгахъ излагается исторія Франковъ до 391 года. — Лѣтопись Козьмы Пражскаго издана Нелцелемъ и Добровскимъ въ 1783 г. въ 1-мъ томѣ *Scriptores rerum Bohemicarum*. Это изданіе важнѣе всѣхъ прежнихъ изданій. Новѣйшее изданіе принадлежитъ Кенке (Koerke), въ «памятникахъ», Пertz — *Monumenta Germaniae historica*, edid. Pertz, Tomus XI, *Scriptorum* tomus IX, 1851, стр. 1—132. Критическое обзорнѣе лѣтописи К. Пражскаго находится въ сочиненіи *Патацкаго*: *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber*, Prag, 1830, стр. 1—35. — Лѣтопись Ламберта издана также въ *Monumenta Germaniae historica*, ed. Pertz, Tomus VII, *Scriptorum* tomus V, 1844, стр. 131—263, подъ названіемъ: *Lamberti Hersfeldensis annales*. Названіе *Hersfeldensis* усвоено ему отъ имени монастыря въ Гершфельдѣ (*Hirschfeld* — *monasterium Hersfeldense*). До поправки, сдѣланной Вагнеромъ, Ламберта называли обыкновенно: *Lambertus Schafnaburgensis* или *Aschafnaburgensis*, *Lambert von Aschaffenburg*, Ламбертъ Ашафенбургскій, подъ именемъ котораго извѣстенъ онъ и въ нашей исторической литературѣ. Неизрность произошла отъ того, что слова Ламберта подъ 1038: «ego presbiter ordinatus sum Aschafnaburg» въ старинныхъ изданіяхъ читаются такъ: ego presbiter a Schafnaburg, и пр. — Изданіе лѣтописи Григорія Турскаго сдѣлано было въ 1699 г. *Рюинаромъ*. Ученое предисловіе издателя, показывающее надлежащую точку зрѣнія на издаваемый лѣтописъ, перепечатывалось и въ послѣдующихъ изданіяхъ. Лѣтопись Григорія Турскаго помѣщена въ собраніи *Бюке*: *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, par *Martin Bouquet*, Tome second, Paris, 1739, стр. 75—390. — Новѣйшее изданіе — въ *Patrologiae cursus completus*, Tomus 71, Parisii, 1849. — Переводомъ было нѣсколько, но нѣме непомнѣе подлинника. Лучшимъ принадлежитъ Гилло и помѣщенъ нѣ въ *Collections des memoires relatifs a l'histoire de France*, par *Guisot*, Paris, 1823. Лѣтопись Григорія Турскаго въ изданіи Гилло занимаетъ первымъ томъ весь, а второй до 132 стр.

Какъ у Нестора, такъ и у Козьмы Пражскаго и Ламберта, летописныя извѣстія состоятъ частью изъ *краткихъ замѣтокъ*, частью изъ подробныхъ описаній. У Григорія Турскаго различіе между тѣми и другими не такъ рѣзко обнаруживается, потому что въ ней не приняты порядокъ повѣствованія изъ года въ годъ. Въ *краткихъ замѣткахъ* упоминается о вещахъ разнородныхъ: о нашествіи непріятелей, о явленіяхъ небесныхъ, о бракъ государей, объ избраніи и смерти епископовъ, и т. п. Такъ въ летописи Козьмы Пражскаго читаемъ:

Anno dominicae incarnationis 933. Ungari, orientales Francos et Alamaniam atque Galliam devastantes, per Italiam redierunt.

A. d. i. 939. Luduicus rex Gerpirgam viduam Gisalberti duxit uxorem.

A. d. i. 942. Sidus simile cometae per 14 noctes visum est, et immensa mortalitas hominum secuta est.

A. d. i. 1043. Tanta fames fuit in Bohemia, ut tertia pars populi interiret fame.

A. d. i. 1045. Obiit Gunter monachus 7 idus octobris.

У Ламберта встрѣчаются такого рода извѣстія:

1045. Dux Gotefridus a rege in dedicionem acceptus, in Gibekestein missus est custodiendus, sicque regnum brevi tempore quietum et pacatum mansit. Petrus Ungariorum rex Oubau, aemulum atque insidiatorem regni sui, captum decollavit. Bruno Wirelburgensis episcopus obiit; cui Adalbero successit. Cathelo Citicensis episcopus obiit; cui Eppo successit. Adalbrandus Premensis archiepiscopus obiit; cui Adalbertus successit.

1060. Rex nativitatem Domini Wormaciae celebravit; ubi et synodus indicta fuerat, sed excusantibus se per infirmitatem et pestilentiam, quae tunc temporis vehementer grassabatur in Gallia, ad effectum non pervenit. Sizzo Verdensis episcopus obiit; cui Richbertus successit. Gebhardus Ratisponensis episcopus obiit; cui Otto successit. Counradus Spirensis episcopus obiit; cui Einhart successit.

Подъ 1070 годомъ введены одна за другою замѣтки, совершенно не относящіяся къ предыдущему повѣствованію: Adalbero Wormaciae episcopus, propria, ut fertur, crassitudine praefocatus, interiit; cui Adalbertus successit. Aribio diaconus occisus est a propriis servis suis.... Silvestrium arborum eadem quae

priore anno sterilitas permansit. Sed vinearum tanta fertilitas fuit, ut plerisque in locis prae multitudinem vix colligi vindemia posset, и т. п.

Козьма Пращскій, Ламбертъ и Григорій Турскій описываютъ событія частью по преданію и другимъ источникамъ свѣдѣній о древнемъ періодѣ, частью же какъ современники и очевидцы. Ламбертъ для древнѣйшей части лѣтописи воспользовался анналами своего монастыря, не распространяя ихъ краткихъ замѣтокъ. Козьма Пращскій и Григорій Турскій описываютъ старину своего народа довольно подробно, руководствуясь во многомъ народными преданіями. По выбору преданій и извѣстій о старинѣ, эти лѣтописцы пахотятся не въ одинаковомъ отношеніи къ Нестору.

Несторъ сообщалъ преимущественно такія свѣдѣнія, которыя по его понятіямъ не заключали въ себѣ ничего не вѣроятнаго и подтверждались фактами, которыхъ онъ самъ могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ. Таково его описаніе быта племени, слившихся впоследствии въ одинъ народъ—Русскій. Полюне, говоритъ лѣтописецъ, имѣли обычаи своихъ отцовъ, тихіи и кроткіи: стыдѣнье къ снохамъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и родителямъ, къ свекровьямъ и деверьямъ; брачный обычай имѣли: не ходилъ зять по невестѣ, а приводили ее свечера, а на другой день приносили что давали за нею. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне одинъ обычаи имѣли: жили въ дѣсахъ, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и снохами; браковъ у нихъ не было, но сходились они на гринца, на плясанье, и тамъ умыкали женъ себѣ, кто съ какою сговорился; а имѣли они и по двѣ и по три жены. Если кто умираетъ, теорили надъ нимъ тризну, потомъ дѣлали большую кладу, и на нее клали мертвенца и сожигали; потомъ собирали кости, складывали ихъ въ судину малую, и ставили при пути, что дѣлають Вятичи и теперь—«еже творять Вятичи и нынѣ» и т. д. (стр. 6).

Сообщая преданія, Несторъ не выбираетъ изъ нихъ только того, что сообразно съ его личнымъ намѣреніемъ, а оставляетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ходили они въ народѣ. Въ этомъ удостовѣряетъ и самый тонъ разсказа преданій и сличеніе ихъ съ объясненіями, которыя весьма часто предлагаются лѣтопи-

сцемъ, выражая собою его личный взглядъ на событіе, переданное имъ со словъ народа. Единственная, кажется, причина внесенія въ лѣтописи большей части преданій, заключается въ томъ, что они имѣли особенный интересъ не для лѣтописца собственно, а для всѣхъ его современниковъ, повторявшихъ сказанія отцовъ.

Козьма Пражскій также считалъ нужнымъ въ началѣ лѣтописи рассказать о древнѣйшемъ бытѣ своего народа; но въ выборѣ предметовъ для изображенія замѣтна особенная цѣль, чуждая нашему лѣтописцу. Первобытное состояніе Чеховъ описано въ идиллическомъ родѣ. По словамъ Козьмы Пражскаго, между древнѣйшими обитателями Богеміи не было ни вражды, ни ненависти: никто ничего не называлъ своимъ, а все у нихъ было общее: какъ свѣтъ солнца и влага воды доступны всѣмъ и каждому, такъ у всѣхъ были общіе поля, лѣса и даже жены. У одного изъ старшинъ счастливаго племени, Крока, было три дочери, изъ коихъ младшая, Любуша, прославилась своею мудростью. Уступая желанію народа, она отдала руку свою и власть Премыслу, начавшему собою рядъ Чешскихъ государей. Послы Любуши застали Премысла за полевою работою; зная напередъ судьбу свою, онъ охотно принялъ предложеніе; замѣнилъ скромное платье земледѣльца одеждою, свойственною его новому сану; но приказалъ сохранить обувь, въ которой обрабатывалъ землю. Окружающіе его спросили: для чего же беречь вещь, никуда не годную? Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы потомки наши помнили свое происхожденіе, и никогда не дошли бы до гордаго угнетенія людей, вѣреннаго имъ отъ Бога. Последующія извѣстія до самаго принятія Богемцами христіанства также не имѣютъ исторической истины: онъ излѣкъ ихъ, какъ самъ говоритъ, изъ баснословныхъ разсказовъ стариковъ — *senum fabulosa relatione*.

Козьма Пражскій видимо увлекся желаніемъ представить картину, противоположную нравамъ ему современнымъ. Но крайній мѣръ онъ съ большимъ прискорбіемъ и негодованіемъ говорить о *своемъ времени*. Оно, по сознанію автора, несравненно хуже времени *прошлаго*: истина и прямота потеряли свои права: добродѣтельные люди сошли въ могилу или перестали дѣйствовать;

мѣста ихъ заняли челоуѣкоугольники, незнающіе правды сами и не признающіе ее въ другихъ. Нельзя сказать правды объ умершихъ; еще опаснѣе высказать ее о живыхъ, ибо за правое слово легко нажить себѣ враговъ между людьми, у которыхъ всегда одинаковый отвѣтъ князю: *ita, domine; ita est, domine; ita fac, domine*. Поэтому гораздо безопаснѣе разсказывать сны, коихъ никто не станетъ повѣрять, нежели описывать дѣйствія теперешнихъ людей ¹.

Желая представить старину въ радужномъ свѣтѣ, Козьма Пр. вошелъ въ общую колею писателей о минномъ золотомъ вѣкѣ, и тѣмъ лишилъ разсказъ свой необходимыхъ чертъ народности, которая съ такою живостью является у Нестора. Стыдливекъ, снохачъ и свекровья, зятья и деверья, тризны и кланы весьма живо напоминаютъ Русскій бытъ — дѣйствительный, а не вымышленный; между тѣмъ какъ счастливое состояніе древнихъ Чеховъ, изображенное Козьмою Пражскимъ, есть только развитіе общей темы утопистовъ, не имѣющее народнаго колорита. Не будучи убѣжденъ въ истинѣ преданій, сообщаемыхъ въ хроникѣ, Козьма Пражскій предоставляетъ читателямъ рѣшить, достоверно или вымышленно то, что разсказано имъ о древнихъ временахъ ². Следовательно, онъ передаетъ то, чему не вѣритъ самъ: вотъ черта, которою онъ отличается отъ Нестора.

Въ этомъ отношеніи ближе къ Нестору Григорій Турскій, передающій народныя преданія и повѣрья безъ особеннаго выбора и съ всею естественностью и простотою, отличающими ихъ народное происхожденіе. Въ первой книгѣ исторіи Франковъ приводится прекрасное преданіе о счастливой четѣ, извѣстной подъ именемъ: *duo amantes*. Одинъ изъ вельможъ Овернскихъ — разсказываетъ Григорію Турскію — вступилъ въ бракъ съ дѣвушкою, давшею обѣтъ цѣломудрія. Когда, послѣ свадебнаго пира, они заняли, по обычаю, брачное ложе, дѣвушка оборотилась къ стѣнѣ и зарыдала. Мужъ прислалъ открыть причину горькихъ слезъ, и она объа-

1. *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, стр. 261 и 193—196. — *Monumenta*, ed. Partz, стр. 123 и 101—102.

2. *Scriptores*, стр. 31. — *Monumenta*, стр. 41.

вила ему о своемъ общѣ. Онъ пытался увѣщаніями поколебать ея рѣшимость; но убѣжденный ея вдохновенными рѣчами, сказалъ: пусть будетъ по твоему; они подали другъ другу руку, и спокойно уснули. И много лѣтъ потомъ спали на одномъ ложѣ, пребывая въ цѣломудріи. Когда дѣвушка скончалась, мужъ, опуская ее въ гробъ, воззвалъ къ Богу: «возвращаю Тебѣ данное мнѣ сокровище такимъ же чистымъ, какимъ получилъ его отъ Тебя». При этихъ словахъ дѣвушка улыбнулась въ гробъ и сказала: «за чѣмъ же ты говоришь то, о чемъ тебя не спрашиваютъ». Вскорѣ и онъ последовать за своею женою. Ихъ похоронили на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; но съ разсвѣтомъ дня народъ увидѣлъ, что гробницы ихъ сблизились сами собою, какъ бы въ знакъ того, что могила не должна разделять соединенныхъ Небомъ. Григорій Турскій заключаетъ преданіе словами: *hos usque die Duos Amantes vocitare loci incolae voluerunt*¹, соответствующими Несторовымъ: *и до сего дне, и нынѣ, якоже и до сего дне словеть, и т. п.* —

Однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, описанныхъ съ наибольшою подробностью, являются у трехъ разсматриваемыхъ лѣтописцевъ войны *внутреннія и внѣшнія*. Самое содержаніе своей лѣтописи Григорій Турскій опредѣляетъ такъ: «*scripturus bella regum cum gentibus adversis, martyrum cum paganis, ecclesiarum cum haereticis*»². Въ повѣствованіи о войнахъ, кончи такъ богата исторія Галліи, о причинѣ и ходѣ ихъ выражается духъ Европейскаго общества V и VI в. Простота въ отношеніяхъ областей между собою, готовность воевать изъ за самой ничтожной причины, жестокость въ военныхъ дѣйствіяхъ — характеризуютъ общественный бытъ описываемого времени и придаютъ разсказу Григорія Турскаго оригинальность и свѣжесть. Какъ легко было найти поводъ къ войнѣ, видно уже изъ одной ссоры владѣльцевъ Турингіи, Гер-

1. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, par M. Bouquet, T. II, стр. 131—132. — Есть одно южно-Русское преданіе, сходное съ приведеннымъ. Мужа похоронили у церкви, жену — у колокольни; на могилѣ мужа посадили дворъ, на могилѣ жены — тополь: «стали жъ изъ могилы та присуватися, ставъ явиръ до тополи та прихилатися».

2. *Bouquet, Prologus*, стр. 139.

манфрида и Бальдерика. Однажды Германфридъ, прійдя къ обѣду, увидѣлъ, что половина стола не накрыта, и спросилъ у жены, что это значитъ. Она отвѣчала: кто лишаетъ себя половины царства, тотъ долженъ быть доволенъ столомъ вполнѣ накрытымъ. Подстрекаемый подобными выходками, Германфридъ вооружился противъ своего брата, и тайно послалъ къ Теодорикъ сказать: «если ты умеришь его, мы стра у раздѣлимъ пополамъ». Теодорикъ обрадовался предложенію, и они вмѣстѣ отправились на войну, разбили Бальдерика, и послѣ побѣды Теодорикъ возвратился воевоемъ. Но Германфридъ, забывъ клятву, не исполнилъ обѣщаннаго Теодорикъ, и между ними возникла страшная вражда¹.

Вражды и смуты, внутреннія и вѣншія, усиливались съ каждымъ годомъ, и Григорій Турскій изливаетъ свою скорбь о бѣдствіяхъ, въ которыя ввергаютъ его отечество войны и междоусобія; онъ видитъ въ нихъ наступленіе доль и несчастій, предсказанныхъ словами Спасителя: «предастъ на смерть братъ брата, и отецъ сына; и возстанутъ дѣти на родителей, и будутъ убивать ихъ»². Безпрестанныя войны приучали народы къ кровопролитію, а грубость нравовъ была причиною жестокихъ поступковъ и въ мирное время. Въ лѣтописи Григорія Турскаго разсказывается и о томъ, какъ отецъ задушилъ своего сына, и о томъ, какъ живой былъ заключенъ въ гробъ, наполненный костями мертвыхъ, и о подобныхъ тому жестокостяхъ.

Содержаніе всей третьей части лѣтописи Козьмы Пр. составляютъ преимущественно *раздоры* и *битвы* Чешскихъ владѣтелей, какъ между собою, такъ и съ сосѣдними державами, Польшею и Германіей. Внутреннія и вѣншія безпокойства, вражда и ненависть, ужасныя преступленія и ужасныя наказанія одно за другимъ описываются въ хроникѣ. Убіиства, отрѣзываніе носа и въ особенности ослѣпленіе, упоминаются какъ весьма обыкновенные способы наказанія и мести. Только страхъ Божій и благочестіе, сохранившіеся у немногихъ, удерживали отъ безчело-

1. *Bouquet*, II, стр. 188, iv.

2. Тамъ же, II, книга V. Prologus, стр. 232

вѣчныхъ поступковъ. Брячиславъ въ порывѣ гнѣва на одного изъ своихъ приближенныхъ не изувѣчалъ его только потому, что считалъ большимъ грѣхомъ испортить то, что сдѣлано рукою самого Бога; обращаясь къ виновному, Брячиславъ сказалъ: «ego si non Deum offendere metuerem, uti meritus es, profecto oculos tibi eruerem; sed nolo, quia grande nefas est corrumpere, quod Dei digitus operatus est in homine»¹.

Изъ событій, относящихся не ко вѣшнему быту народа, а ко внутреннему, особенно любопытны дѣйствія Брячислава, описанныя въ самомъ началѣ 3-й книги лѣтописи Козьмы Пр. Брячиславъ распространялъ христіанскія понятія въ народѣ и истреблялъ слѣды язычества; онъ выгналъ изъ Богеміи всѣхъ гадателей и вѣщунговъ; вырубилъ и сжегъ священные деревья и рощи, боготворимыя народомъ; уничтожилъ жертвы, приносимыя у источниковъ, а также тризны по умершимъ и другіе обычаи быта языческаго. Противодѣйствовать подобнымъ обычаямъ долженъ былъ не одинъ князь или епископъ и въ Россіи XI вѣка; въ XI-мъ же вѣкѣ происходила борьба Брячислава съ язычествомъ, не вполне отвергнутымъ Чехами.

Въ лѣтописи Ламберта наиболѣе пространныя описанія посвящены также *войнамъ и междоусобицѣмъ*. Часто повторяются въ ней слова: *atrox pugna coorta est, anceps pugna fuit*, и т. п. Безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же лицъ, то воюющихъ между собою, то готовыхъ заключить миръ, могло бы придать хроникѣ однообразіе и лишить ее занимательности; но выборъ главнаго предмета для изображенія и описаніе нѣкоторыхъ любопытныхъ особенностей тогдашняго быта сообщаютъ интересъ разсказу, возбуждая вниманіе и участіе читателя. Ламбертъ всего подробнѣе описываетъ войны Генриха IV съ Саксонцами и распри его съ Гильдебрандомъ. Свиданіе ихъ во дворцѣ Матильды есть одно изъ самыхъ драматическихъ событій въ исторіи среднихъ вѣковъ: Ламбертъ передаетъ его со многими интересными подробностями. Роковой день годовщины

¹ Scriptores rerum Bohemicarum. I, 202. — Monumenta, ed. Pertz. XI. Scriptorum IX, стр. 103.

отлученія отъ церкви были уже близко, а жестокая зима сдѣлала Альпы непроходимыми. Генрихъ рѣшается на все, беретъ опытныхъ вождей, и предпринимаетъ опасный и невѣрный путь черезъ вершины Альповъ, покрытыя снѣгами и льдомъ. Часто оказывается рѣшительная невозможность ити далѣе: тогда онъ ползетъ, упираясь руками и ногами, и не будучи въ состояніи держаться на скользкой массѣ, падаетъ въ обрывъ, откатываясь на большое пространство. Жену Генриха и другихъ женщинъ, одѣтыхъ въ бычачьи кожи, путники тащили за собою, такъ же какъ и лошадей, конямъ связали ноги. Впрочемъ трудности далекаго пути не были новостью для Генриха, который не долго предъ тѣмъ скрывался отъ враговъ въ густомъ и дикомъ лѣсу, содрогаясь при каждомъ шумѣ вѣтра.

Вообще тайныя путешествія по мѣстамъ непроходимымъ были весьма обычны въ то время, когда непрерывныя войны оставляли немногія мѣстопробыванія безопасными для людей богатыхъ и знатныхъ¹. Страхъ отъ угрожающей всюду опасности, ожиданіе новыхъ набѣговъ и чувство самосохраненія заставляли всегда быть наготовѣ къ сѣльнымъ подвигамъ, и развивали предпринимчивый духъ и страсть къ приключеніямъ. Самое устройство тогдашняго общества поддерживало эту страсть и даже давало ей право законности. Живымъ доказательствомъ тому служить разсказъ о Балдуинѣ Фландрскомъ и сыновьяхъ его, Балдуинѣ и Робертѣ. Во Фландріи былъ законъ, освященный давностью, состоявшій въ томъ, что одинъ изъ сыновей владѣтеля признавался наследникомъ отца и получалъ всю область, между тѣмъ какъ другіе обязаны были или покориться владѣтельному брату и провести жизнь въ неизвестности или же собственными подвигами добыть себѣ область въ чужой землѣ. Повинуясь древнему закону, Балдуинъ отдалъ всю Фландрію старшему своему сыну, Балдуину, а меньшаго, Роберта, отправилъ искать себѣ счастья въ чужихъ краяхъ. Послѣ многихъ приключеній, изъ коихъ нѣкоторыя могли бы найти мѣсто въ романѣ, Робертъ возвратился на родину, вступилъ въ

1. Ср. разсказъ о двухъ отрокахъ, и т. п. — въ лѣтописи Дашберга, стр. 231—232, 241—243 и др.

сраженіе съ братомъ, и, оставшись побѣдителемъ, завладѣть всею Фландрією ¹.

Не только свѣтскіе владѣтели, но и духовные должны были домогаться правъ своихъ вооруженною рукою; не разъ говорится въ лѣтописи Ламберта: *inter milites regis et milites episcopi seditio facta est*, и т. п. Впрочемъ во многихъ отношеніяхъ жизнь высшихъ духовныхъ особъ похожа была на жизнь свѣтскихъ вельможъ. Честолюбіе и удовлетвореніе его силою оружія были обыкновенными явленіями въ бытѣ представителей духовенства. Въ 1063 году въ день праздника Рождества Христова произошла кровавая схватка между камераріями епископа Гильденгеймскаго и аббата Фульдскаго. Причиною ея было мѣстничество, не чуждое и правамъ западныхъ Европѣйцевъ: въ собраніяхъ духовенства первое мѣсто подлѣ архіепископа Монгонтскаго занималъ обыкновенно аббатъ Фульдскій; но епископъ Гильденгеймскій пожелалъ присвоить себѣ эту честь. Угнетенная распря возобновилась съ новою силою въ день Пятидесятницы. Враждующіе ворвались въ церковь съ обнаженными мечами, и во время богослуженія началась кровопролитная борьба. вмѣсто молитвъ и пѣсней духовныхъ раздавались крики сражающихся и вопли умирающихъ; епископъ сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и подобно полководцу возбуждалъ своихъ къ битвѣ; на алтарѣ Господнемъ закаланы ужасныя жертвы, и во храмѣ текли рѣки крови, пролитой не по зову истинной веры, какъ бывало некогда, а по чувству жестокости ко врагамъ ². —

Съ разсказами о военныхъ тревогахъ, о подвигахъ храбрости, удивлявшихъ современниковъ, соединяются въ разсматриваемыхъ лѣтописяхъ повѣствованія о событіяхъ еще болѣе удивительныхъ — о чудесахъ, знаменіяхъ, видѣніяхъ.

Изъ четырехъ Европейскихъ лѣтописцевъ всего рѣже встречаются описанія необыкновенныхъ явленій у Нестора, всего чаще у Григорія Турскаго. Въ лѣтописи послѣдняго почти столько же

1. Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz. T. VII, Scriptorum V. стр. 180 — 183.

2. Тамъ же, стр. 163 — 161.

упоминается чудеса, сколько обыкновенных происшествій, и первая иногда описываются съ болышею подробностью, нежели послѣднія. Надлежащая точка зрѣнія на этотъ предметъ въ связи съ внутреннимъ состояніемъ тогдашняго общества указана Рюниаромъ въ ученомъ предисловіи къ изданной имъ лѣтописи Григорія Турскаго.

Съ сказаніями о чудесахъ сливаются извѣстія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы вѣшней, о бѣдствіяхъ народа и т. п. Въ лѣтописяхъ Ламберта и Козьмы Пражскаго не однократно упоминается о знаменіяхъ небесныхъ и бѣдствіяхъ земли: голодѣ, стужѣ, смертныхъ болѣзняхъ, и т. п. Въ самой послѣдовательности этихъ извѣстій замѣтно нѣкоторое сходство между древнею нашею лѣтописью и лѣтописью Григорія Турскаго. Несчастія слѣдовали въ Галліи одно за другимъ: обрушилась скала и задавила многихъ изъ окрестныхъ жителей; нѣсколько разъ вокругъ солнца являлись три или четыре свѣтила, которыми народъ *rustici* — ср. Пестор. «невѣгласи» называетъ солнцемъ, говоря: вотъ три, вотъ четыре солнца на небѣ; однажды солнце такъ потемнѣло, что видѣлась только четвертая часть его, да и та была мрачна и безцвѣтна, и звѣзда, которую называютъ кометою, съ лучомъ (хвостомъ) подобнымъ мечу, являлась въ теченіе цѣлаго года. И много было другихъ знаменій: въ церковь во время служенія влетѣлъ жаворонокъ, и потушилъ крыльями всѣ свѣчи; другая птица сѣла на тоже самое въ базиликѣ св. Андрея. Когда наступила предвѣщаемая язва, во всей странѣ была такая смертность на людей, что невозможно было сосчитать множество погибшихъ, и т. д. ¹. —

При разсказѣ о дѣйствіяхъ достопамятныхъ лицъ всѣ три лѣтописца описываютъ иногда и *свойства* этихъ лицъ, не только нравственныя, но и физическія. Отзвѣы лѣтописцевъ болышею частью кратки, и своею краткостью, а равно и выборомъ чертъ для краткой характеристики совпадаютъ съ отзвѣвами нашего лѣтописца.

Ламбертъ говоритъ объ Аннонѣ, архіепископѣ Колонскомъ: *cerebris jejuniis corpus suum macerabat et in servitutem redigebat.*

¹ Bouquet, II, liber IV, стр. 218—219, xxxi.

Pernoctabat plerumque in orationibus, et per ecclesias, uno tantum puero contentus comite, nudis pedibus discurrebat. Multa illius in pauperes, in peregrinos, in clericos, in monachos benignitas, mira liberalitas erat»¹.

Какъ близки эти похвалы къ словамъ нашей лѣтописи: «блжше постникъ и въздержникъ; егда присеѣмъ... и мрази люти, стояше въ прабошихъ въ черевяхъ протоптанныхъ, яко примерзашета нозѣ его къ камени, и не движаше ногама, дождеже спояху заутреню; бѣ милостивъ убогимъ и странполюбивъ; въздая честь епископомъ и презвутеромъ, изниха же любяще черноризци»²—качества одинаково удивительныя и драгоценныя какъ для Русскаго лѣтописца, такъ и для Германскаго.

О епископѣ Гюнтерѣ Ламбертъ отзывается такъ: «lingua promptus et consilio, litteris eruditus tam divinis quam humanis, tum statura et formae elegantia ac totius corporis integritate ita ceteris eminens mortalibus, ut in illo Hierosolimitano itinere ex urribus et agris spectandi ejus studio profluerent». Объ Адальберкѣ: «vir per omnia dignus spectaculo: erat enim fortitudinis magnae, edacitatis nimiae, crassitudinis tantae, quae aspicientibus horrorem magis incuteret quam admirationem» etc.³.

По этимъ немногосложнымъ отзывамъ можно представить себѣ различіе между упоминаемыми лицами. По сказанное Ламбертомъ о Гильденбрандѣ далеко не знакомитъ насъ съ характеромъ знаменитаго Римскаго первосвященника. При извѣстїи о его избранїи достоинства новаго папы выражены Ламбертомъ такъ: «elegerunt Hildebrandum, sacris litteris eruditissimum et in tota ecclesia, tempore quoque priorum pontificum, omni virtutum genere celeberrimum»⁴. Въ слѣдующемъ за этими словами пространномъ повѣствованїи о Гильденбрандѣ разсѣяны многія черты, довольно живо рисующія личность его; но эти черты не выходятъ на первый планъ, а теряются въ массѣ подробностей вовсе не характеристическихъ.

1. Monumenta, ed. Pertz. VII, Scriptorum V. стр. 238.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 81, 84, 85, 92.

3. Тамъ же, стр. 171.

4. Тамъ же, стр. 191.

Отзывы Козмы Пражскаго сходны съ Ламбертовыми по выбору выхваляемыхъ качествъ. Болеслава II Козма Пражскій называется: «*vir christianissimus, fide catholicus, pater orphanorum, defensor viduarum, gementium consolator, clericorum et peregrinorum pius susceptor, ecclesiarum Dei praecipuus fundator*»; сестры его Младу: «*virgo Deo devota, sacris litteris erudita, christianae religioni dedita, humilitate praedita, alloquio blanda, pauperibus et orphanis lautrix larga, ac omni morum honestate decorata*»¹. Славникъ, отецъ Адамырты, выхваляется въ такихъ выраженіяхъ: «*erat enim vir laetissimus ad omnes facie, in consiliis serenissimus mente, alloquiis blandissimus, locuples divitiis, quam secularibus, tam spiritualibus. In domo illius honestas fulgebat et sincera dilectio, judiciorum rectitudo et procerum multitudo. In operibus ejus erat legum cognitio, pauperum relectio, moerentium consolatio, peregrinorum receptio, viduarum et orphanorum defensio*»². Тетдагъ или Тетдагъ Thegdagus, Theadagus³, третій епископъ Пражскій, былъ по выраженію Козмы Пражскаго — «*corpore virgineus, moribus aureus, actibus purpureus*».

Не одни заслуги вѣстей церкви и народа обрѣцали на себя вниманіе Козмы Пражскаго: важная красота жемчужь наша въ немъ также свѣтоописателя, иногда довольно пламеннаго. Нашъ лѣтописецъ только случайно, вскользь упоминаетъ о женской красотѣ, говоря, что Святославъ отдалъ приведенную имъ Гречанку за сына свѣто Яромира «красоты ради лица ея» (стр. 32). Козма Пр. напротивъ того любитъ расстоять похвалы прекрасному полу. О Юдѣнѣ, дочери Оттона, Козма Пр. говоритъ: «*exuberantissime sub Placido cunctis quae sunt praefata radiis. Neobynkrovninskaja красота была также божественная, и вѣнчанная Яромира: возманилась съ охоты оны увидѣть ее у вѣнчана, любовался ея станомъ, и охотѣ любяи запылать въ сердце Яромира. Да и желая было не вѣнчаться прѣкраснѣе дѣвушкой, когда она — и вѣнчанная, и вѣнчана, прѣкраснѣе юности: erat*

1. Scriptores rerum Bohemarum, I. G. Monumenta et Acta XI. Scriptum IX. стр. 88.

2. Scriptores rerum Bohemarum, I. G. Monumenta et Acta XI. Scriptum IX. стр. 88.

*enim corporis ejus habitudo insignis, nive candidior, mollior signo, nitidior ebore antiquo, pulchrior saphiro*¹.

Но не въ подобныхъ отзывавъ, а въ описаніяхъ простран-
ныхъ обнаруживается умѣнье Козьмы Пр. отмѣчать характеру-
стическія особенности изображаемыхъ лицъ. Искусное очертаніе
характеровъ, открывающихся въ различныхъ обстоятельствахъ,
удачно собранныхъ въ дѣтописи Козьмы Пр., составляетъ одно
изъ ея неотъемлемыхъ литературныхъ достоинствъ. Читатель
видитъ передъ собою не одинъ перечень именъ и событій, а лю-
дей, движимыхъ тою или другою страстью. Весьма живо очер-
ченъ характеръ Врагислава, человека уклончиваго и притворна-
го, изобрѣтающаго самыя утонченныя средства для достиженія
своихъ цѣлей. Съ особеннымъ же искусствомъ изображены ха-
рактеры князя Спитигнева и епископа Гебгарда.

Спитигневъ былъ чрезвычайно пылокъ и рѣшителенъ. Со-
страдательный къ несчастію ближнихъ, склоняющійся на прось-
бу бѣдной вдовы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ помнитъ обиду, даже
давнюю, и не пропускаетъ случая отомстить за нихъ. Въ первый
же день по возшествіи на престолъ Спитигневъ издалъ повелѣ-
ніе выгнать всѣхъ Шмцевъ до единаго изъ предѣловъ Богеміи;
не пощадилъ даже матери своей, родомъ Шмки. Онъ выгнать
такъ же одну аббатиссу, укоровшую его некогда за обиду, имъ
самимъ нанесенную. Не смотря на свою злопамятность, онъ
былъ, какъ говоритъ Козьма Пражскій, хорошимъ христіани-
номъ, много времени посвящая молитвѣ, особенно въ теченіе
великаго поста.

Еще рѣче противоположность качествъ: дерзости и смире-
нія, запылчивости и кротости, совмѣщавшихся въ епископѣ Геб-
гардѣ. Насильно постриженный въ монахи, онъ бросилъ келію
и вступилъ въ военную службу, болѣе сродную съ его наклон-
ностями. Смерть епископа Пражскаго заставила Гебгарда снова
облечься въ монашескую одежду. За тѣмъ послѣдовало избраніе
его въ епископы. Первымъ подвигомъ новаго епископа въ са-
мый день посвященія было то, что онъ подошелъ къ одному
изъ воиновъ, сидѣвшему на берегу Рейна, и столкнулъ его въ

1. Scriptores, I, 81. 72. Monumenta, стр. 62, 58.

рѣку, говоря: снова крещаю тебя, Вильгельмъ. Несчастный Вильгельмъ долго оставался подъ водою и едва не погибъ въ волнахъ Рейна. Уже эта одна выходка знакомитъ нѣсколько съ личностью Гебгарда. Его жестокость и дерзость видны изъ поступковъ съ Моравскимъ епископомъ и съ папскимъ посланцемъ, такъ что только представительство Матильды удержало за нимъ епископскую кафедру. Подвергаясь въ Римѣ опасности потерять ея, Гебгардъ по возвращеніи на родину спокойно и весело рассказывать о своемъ житіи бытіи въ Римѣ, и о томъ, какъ Матильда выручила его изъ бѣды; между прочимъ сказать, поглаживая себя по бородѣ: а какова у меня борода — право, годилась бы и Цезарю. Ему отвѣчали на это: о если бы вмѣстѣ съ бородой ты привезъ и другой характеръ. Исполнились ли желанія Пражанъ или нѣтъ, но, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, въ числѣ поступковъ Гебгарда было много такихъ, которые вполне достойны его сана. Разгульный и свирѣпый воинъ, не умѣющій сдерживать себя въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, смиренно исполняетъ обязанности служителя церкви, омываетъ ноги двѣнадцати странникамъ, даетъ пищу и одежду сорока нищимъ, и т. п. ¹

Лѣтопись Григорія Турскаго заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ описаній, исполненныхъ поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты. Бытъ и нравы людей представлены весьма живо, и если авторъ не заботился о характеристикѣ изображаемыхъ лицъ, то самая подробность изображенія даетъ возможность составить понятіе объ ихъ характерѣ. Подобно всемъ другимъ лѣтописцамъ, Григорій Турскій упоминаетъ о достоинствахъ замѣчательныхъ лицъ, и въ концѣ 10-й книги его лѣтописи находится даже списокъ Турскихъ епископовъ съ показаніемъ ихъ заслугъ. Но гораздо опредѣлительнѣе, нежели изъ краткихъ отзывовъ, читатель знакомится съ различными личностями изъ самаго разсказа лѣтописи. Весьма удачно очерченъ характеръ Теодорика въ 3-й книгѣ, и въ особенности живо — характеръ Фредегунды въ 8-й книгѣ исторіи Франковъ. —

1. Scriptores. I, 129 и слѣд.; 146, 161, 180 и др. Monumenta. стр. 76, 83, 89, 96 и др.

Вообще касательно предметовъ, изображаемыхъ четырьмя Европейскими летописцами, въ томъ числѣ и нашимъ Пестро-ромъ, можно замѣтить, что главное мѣсто въ летописяхъ занимаетъ *описание быта внѣшняго, а не внутренняго*. Войны, междоусобія, дѣйствія, предпринимаемыя для защиты себя отъ враговъ или для пріобрѣтенія добычи, и т. п. казались особенно важными для летописцевъ, сообщавшихъ о нихъ подробныя извѣстія. Миръ внутренній, мысль, руководившая тѣмъ или другимъ событіемъ, значеніе описываемыхъ явленій въ умственной и нравственной жизни народа—не изображались и не указывались въ летописяхъ. Если въ некоторыхъ изъ нихъ и занимаютъ видное мѣсто предметы, относящіеся къ міру внутреннему, къ вѣрованіямъ и понятіямъ народнымъ (какъ напримѣръ религиозныя распри православныхъ съ еретиками, подробно изложенныя у Григорія Турскаго), то даже и въ подобныхъ предметахъ ограничиваются сводомъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ догматическое преніе, не опредѣляя идеи, выраженной въ нихъ и значенія ея въ умственной жизни народа. Авторы не забываютъ подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ главному предмету разсказа; но не выводятъ заключенія о сущности описываемаго событія, не отдѣляютъ отъ него всего посторонняго и случайнаго.

Причина такого преобладанія внѣшняго надъ внутреннимъ заключается въ томъ, что летопись была живымъ выраженіемъ близкаго къ ней по времени и по духу, отчасти же и современнаго ей, общества; летописцы, изображая дѣйствительность, брали изъ нея черты, имѣвшія наибольшее значеніе для общества, среди котораго составлялась летопись. Этотъ выборъ происходилъ не преднамѣренно, а какъ бы самъ собою: писатель въ средніе вѣка не былъ раздруженъ съ современнымъ ему бытомъ большинства; многія происшествія производили совершенно одинаковое впечатлѣніе какъ на летописца, такъ и на всѣхъ его современниковъ. Онъ описывалъ то, что возбуждало общее сочувствіе, а въ теченіе многихъ вѣковъ событія внѣшнія, очевидныя для всѣхъ, привлекали общее вниманіе гораздо болѣе, нежели міръ внутренній, невидимый для массъ, но доступный проникательному уму. Съ развитіемъ просвѣщенія, съ тѣхъ поръ ко-

изложенія этихъ предметовъ, принимая слово *изложеніе* въ обширномъ смыслѣ. Не только языкъ и слогъ, но и послѣдовательность, въ которой событія излагаются въ лѣтописи, направление, господствующее въ ней, степень участія, принимаемаго авторомъ въ повѣствованіи, и т. п. должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи того, какимъ образомъ лѣтописецъ пользовался своими матеріалами, въ какой мѣрѣ его воззрѣніе на предметы и искусство въ ихъ описаніи выразились въ его произведеніи.

Послѣдовательность, строго наблюдаемая въ лѣтописи, есть хронологическая: года описываются одинъ за другимъ; въ событіяхъ одного года принять также порядокъ времени, именно порядокъ мѣсяцевъ:

Въ лѣто 6606. Приде Володимерь, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка.

Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда....

Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца іюня въ 10. Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межю собою, въ Убѣтичхъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вси спашася....

Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полоцкыи князь....

Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ изъ Кыева мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ престави Ярославъ Ярослава и ятъ и.... Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20 приде Мстиславъ съ Новгородци.... Въ то же лѣто бысть знаменье на небеси мѣсяца генваря въ 29 день» (стр. 116—117).

Проздѣшества, находящіеся во взаимной связи, признаваемой самимъ лѣтописцемъ, описываются въ разныхъ мѣстахъ только потому, что случились не въ одинъ и тотъ же годъ. Сообщивъ извѣстія о знаменіяхъ, явившихся въ 1102 году, лѣтописецъ представляетъ, что знаменія бываютъ или къ худу или же къ добру, какъ были они въ этомъ случаѣ, предвѣщая войну, которую дѣйствительно предприняли Русскіе князья противъ Половцевъ. Но о самой войнѣ лѣтописецъ находитъ неумѣстнымъ упомянуть здѣсь же; онъ обѣщаетъ говорить о ней подъ слѣдующимъ годомъ, то есть подъ тѣмъ, въ который она происходила, а вмѣсто нея упоминаетъ о событіяхъ, не имѣющихъ

никакого отношенія къ будущему. Причина предпочтенія ихъ походу противъ Половцевъ заключается единственно въ томъ, что они случились въ тотъ же самый годъ, какъ и знаменія. Вотъ подлинныя слова лѣтописца: «знаменія бывають ова на зло, ова ли на добро: на придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи—умыслиши дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть, яко же скажемъ послѣже въ пришедшее лѣто. Въ се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичъ... Въ се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава» (стр. 117—118).

Такъ какъ многія событія весьма тѣсно связаны между собою и при упоминаніи одного изъ нихъ нельзя было не упомянуть хотя вкратцѣ и о другомъ, то и въ лѣтописи иногда говорится, но только вскользь, о происшествіяхъ, случившихся не въ описываемомъ году, какъ напримѣръ подъ 996 годомъ о Владимірѣ: «праздновавъ князь дній 8, възрашашеться Києву, и ту пакы стваряше праздникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа: видя же люди хрестіянны суща, радовашееся душою и тѣломъ, — и тако по сѣ лѣти творяше» (стр. 54). Предсказаніе смерти Олегу приводится не въ тотъ самый годъ, когда Олегъ узналъ судьбу свою отъ кудесника, а въ нѣсколькими годами позже: подъ 912 годомъ читаемъ: «и приидѣ осень, и нояну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не веѣла изнѣ. Бѣ бо прежде вопрошалъ волхвовъ кудесникъ: отъ чего ми естъ умерети?», и когда узнать, что долженъ умереть отъ коня, то повелѣтъ «ево водити его къ нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ на дѣя его, доидеже и на Греки иде. И приидеши ему къ Києву, и пребывъ 4 лѣта, на 5 лѣто нояну конь свой, отъ него же бѣху рекли волхвѣти умерети Олега» (стр. 16). Причина всевременнаго внесенія извѣстія въ лѣтопись та, что предсказаніе получило значеніе для лѣтописца уже тогда, когда оно исполнилось: лѣтописцу не казалось важнымъ впечатлѣніе, произведенное на Олега словами кудесника, и объ этомъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ; главное же для него было то, что Олегъ умеръ по предсказанію волхвовъ, и что, слѣдовательно, ихъ предсказанія могутъ сбываться. Последнее обстоятельство имѣло для лѣтописца особенную важность, какъ видно изъ ряда приведенныхъ

свидѣтельствъ, доказывающихъ, по мнѣнію лѣтописца, ту дивную вещь, что иногда сбываются чары волхвовъ. Такимъ образомъ разсказъ о чудесной смерти Олега не измѣняетъ общепринятому порядку лѣтъ: подъ 912 годовъ онъ помѣщенъ потому, что именно въ этомъ году исполнилось предсказаніе волхва; все же, происходившее за нѣсколько лѣтъ прежде, упомянуто только для объясненія главнаго предмета — не болѣе. Замѣчаніе о Свѣтополкѣ: «коли идяше на войну или инаго, коли поклонивъся у гроба Θεодосіева и молитву вземъ у игумена, ту сушаго, тоже идяше на путь свой» — прибавлено какъ полененіе того, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь въ 1107 году. Отсутствіе въ лѣтописи многихъ и весьма любопытныхъ свѣдѣній зависитъ отчасти отъ того, что они не приходились *кстати* въ разсказѣ, слѣдующемъ порядку *времени*.

Отъ строгаго соблюденія порядка годовъ въ лѣтописи вошли нѣкоторые эпизоды въ родѣ извѣстій о подвигахъ Мстислава въ описаніи княженія Ярослава или разсказа о Бонякѣ, прерывающаго повѣствованіе объ Олгѣ. «Олегъ—говоритъ лѣтописецъ—вѣже въ Стародубѣ и затворися ту.... пывѣзе изъ града, хотя мира, и власта ему миръ, рекъше сиче: иди къ брату своему Давыдову, и приидѣта Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кіевѣ: ту достойно снятися и порядокъ подожити. *Олегъ же обѣщася* се створити, и на семь цѣловаша крестъ. Въ се же время приде Бонякъ съ Половци къ Кіеву» и т. д. (стр. 98). Затѣмъ говорится подробно о нашествіи Половцевъ, о происхожденіи ихъ, приводится свидѣтельство Менодія Патарскаго, и послѣ всего этого слѣдуетъ продолженіе прерваннаго разсказа: «*Олегови обѣщавшюся* ити къ брату своему Давыдову» и пр. (стр. 107).

Впрочемъ авторъ соединяетъ эпизодъ съ продолжающимся повѣствованіемъ, говоря: «но мы на предняя возвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали». Такъ же точно, приведя поученіе Θεодосія, лѣтописецъ обращается къ описанію Половешкихъ набѣговъ, и начинаетъ его словами: «мы же на предлежащее *взвратимся*» (стр. 73). Употребленіе подобныхъ выраженій при переходѣ отъ одного предмета къ другому показываетъ, что лѣтописецъ понималъ требованія послѣдовательности и старался

удовлетворить имъ, насколько это возможно было при стѣснительной формѣ погоднаго описанія событій. Иногда связь между предъидущимъ и послѣдующимъ выражается словами: «скажемъ же», «и се да скажемъ», «се же хощю сказати» и пр.: «Θεοδοσίῳ игуменъ печерскій престаився: скажемъ же о успеньи его мало» и т. п. (стр. 79). —

Въ большей части древнихъ Европейскихъ лѣтописей при изложеніи событій наблюдается порядокъ хронологическій. У Ламберта разсказъ идетъ изъ году въ годъ, а въ каждомъ годѣ событія описываются по порядку мѣсяцевъ. Такая условная симметрія въ высшей степени не удобна, и потому Ламбертъ не рѣдко отступаетъ отъ нея, позволяя себѣ значительные эпизоды. При этомъ онъ, подобно нашему лѣтописцу, не упускаетъ изъ виду главной нити разсказа, съ которою старается такъ или иначе связать эпизодическія повѣствованія. Отступленія чаще всего заключаются словами: *sed ad coeptum, unde digressi sumus, redeamus; ad coeptum potius revertamur.*¹ — вполнѣ соответствующимъ выраженію: «на предняя возвратимся», постоянно употребляющемуся въ подобныхъ случаяхъ нашими лѣтописцами.

По мнѣнію Козьмы Пражскаго каждое событіе должно имѣть определенное мѣсто; онъ неоднократно говоритъ: *quantum conflictum habuerit in loco suo declarabitur: — de quibus in suis locis satis copiose tractabitur*, и т. д. Мѣсто событіямъ, какъ видно изъ хроники, опредѣлялось *временемъ*, въ которое они происходили. Такъ политическую исторію Брячислава Козьма Пражскій прерываетъ описаніемъ чуда, ибо чудо совершено Венеславомъ и Адалбертомъ надъ узниками *въ ту самую ночь*, когда происходило событіе, на коемъ прерванъ разсказъ, и т. д. Слѣдовательно слова Козьмы Пражскаго: «на своемъ мѣстѣ» выражаютъ тоже самое, что и «*посль же скажемъ*» нашего лѣтописца, т. е. когда дойдемъ до *времени*, въ которое это случилось. Но мѣсто однообразнаго: «се же скажемъ» Козьма Пражскій употребляетъ различныя фразы, въ сущности выражающія одну и ту же мысль: *non tacere cupio; non praeterendum censeo*, и т. п.²

1. Monumenta, et Periz. VII. Scriptorum V. стр. 223, 181 и др.

2. Scriptores rerum Bohemicarum I. стр. 139, 140, 161, 162 и др. Monumenta, стр. 80, 81, 89, и др.

Послѣдовательность, которую Григорій Турскій признаетъ необходимою въ лѣтописи, указана имъ самимъ: *Prosequentes ordinem temporum* — говоритъ онъ — *mixte confuseque tam virtutes sanctorum, quam strages gentium memoramus*. Но авторъ часто измѣняетъ обѣщанному порядку времени: прерываетъ разсказъ посторонними извѣстіями, дѣлая это или по чувству уваженія къ лицамъ, о которыхъ желаетъ говорить прежде, нежели о другихъ предметахъ, или же просто по забывчивости, въ чемъ откровенно и сознается. Разговоръ свой съ Сальвiемъ онъ приводитъ не тогда, когда бы слѣдовало, оправдывая себя тѣмъ, что забыть какое либо происшествіе и потомъ разсказать о немъ не вовремя — вовсе не есть преступленіе: *et licet* — говоритъ онъ — *de beati Salvii episcopi conlocutione superius memorare debueram, sed quia mente excessit, esse sacrilegium non arbitror, si in posterum scribatur*¹. Въ лѣтописи Григорія Турскаго гораздо менѣе послѣдовательности въ изложеніи, нежели въ лѣтописяхъ Ламберта, Козьмы Пражскаго и нашего Нестора. Но наивности довольно забавной, съ которою объясняется допущеніе эпизодовъ, въ Григоріи Турскомъ можно узнать предшественника Жуанвила.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность многихъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе — изъ безцвѣтныхъ описаній; она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человекомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои *понятія* и *чувства*, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности.

Понятія его выражаются въ указаніи *причинъ* происшествій и преимущественно въ *объясненіи* ихъ, какъ въ одной изъ са-

1. Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France. II, 261.

мыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ болѣе-шей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему миѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человека начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ *свое мнѣніе*, основанное на свидѣтельствахъ вполне достоверныхъ.

По словамъ лѣтописца, князя ХѣXI в. воюють между собою и предпринимають походы, увлекаясь желаніемъ расширить свою область или получить богатую дань или же слѣдуя ложнымъ совѣтамъ, и т. п. Дружина сказала Игорю: отроки Свѣнелдовы изодѣлись оружіемъ и портами, а мы наги: пойдѣ, князь, съ нами въ дань, и ты добудешь и мы: и послушай Игорь, «иде въ Дѣрева въ дань, и примыслиахъ къ первой дани, наспляше нмъ, и мужи его». Спусти почти полтора столѣтія возникла распря между Ярославичами: двое изъ братьевъ вооружились на старшаго въ родѣ Изяслава, заставили его удалиться изъ Кіева, а сами сѣли на столѣ на Берестовомъ, преступивъ заповѣдь отчюю: «Святославъ же бѣ начало выгнаныю братню, *желая бытиже единю*». Въ 1085 году Ярополкъ хотѣлъ ити на Всеволода, «послушавъ злыхъ совѣтниківъ», и т. д.¹ Эти причины такъ естественны для тогдашняго общества, что представить другія, болѣе сложныя, значило бы измѣнить духу времени, удалиться отъ простоты древняго быта.

При сужденіи о причинѣ событія, указываемой въ лѣтописи необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется *разсудкимъ и разумнымъ*, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вследствие различныхъ условій ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Приведемъ примѣры изъ этого отношенія замѣчаніе профессора Бѣлинска. Онъ говоритъ: «съ перваго взгляда рассказъ Нестора о войнѣ Ярополка съ Олегомъ въ 977 г. представляеть эту войну не болѣе, какъ слѣдствіемъ жести Свенелка за смерть сына въ 975 г.». «Война Свенелка съ Олемъ въ 975 г. имѣла въ себѣ жертвъ въ чудомъ дѣлу: «жестъ дѣлашу Свенелкъ»

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. С. 23, 28, 29.

назидчу, гна по звѣри въ лѣсъ: и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свенальдичъ: и захавъ, уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ» (I, 31). Но нашимъ теперешнимъ понятіямъ, это самая ничтожная причина, показывающая не болѣе, какъ прихоть Олегову; но не такъ это понимали наши предки въ X столѣтіи; тогда охота за звѣрми имѣла священный права, нарушение которыхъ посягало на первыя и важнѣйшія условія независимой жизни; припомнимъ, что еще при Несторѣ знали и свято хранили ловища и перевѣсница Ольги. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ даже въ XIII вѣкѣ (напр. грам. 1265 г. съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ) помѣнялись особыя статьи о ловлѣ звѣрей Новгородскими князьями, и для этого отводились особыя мѣста. Послѣ этого Олегъ имѣлъ полное право убить Свенальдича, который самовольно, нарушая права охоты и лова звѣрей въ ловищахъ княжескихъ, святотатственно пренебрегалъ княжескими правами, такъ сказать смѣялся надъ властію удѣльнаго князя и, конечно, дѣлать это не безъ согласія Кіевского государя, который некалъ только предлога начать войну съ братомъ» и т. д.¹

Вышею причиною событіи, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствию небесной силы — Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человека. Рѣшимость Русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: «*вложи Богъ* мысль добру въ Русьскыѣ князи». Знаменитый представитель нашей церкви, Иларионъ, первый митрополитъ изъ природныхъ Русскихъ, получилъ свой высокій санъ потому, что «*Богъ* князю *вложи во сердце*, и постави и митрополитомъ въ святой Софѣи»². Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ: «*Богъ* великій *вложи* ужастъ велику въ Половѣи и страхъ нападе на нѣ и трепетъ отъ лица Русьскыхъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ снѣха въ ногахъ; наши же

1. Чтенія Московск. общества исторіи и древностей. 1817. № 5. Исслѣдованіе Бѣллева «о Несторовой лѣтописи», стр. 32 — 33.

2. Полное собраніе Русьскихъ лѣтописей. I, стр. 117, 67.

рѣку, говоря: снова креплю тебя, Вильгельмъ. Несчастный Вильгельмъ долго оставался подъ водою и едва не погибъ въ волнахъ Рейна. Уже эта одна выходка знакомитъ нѣсколько съ личностью Гебгарда. Его жестокость и дерзость видны изъ поступковъ съ Моравскимъ епископомъ и съ папскимъ посланцемъ, такъ что только представительство Матильды удержало за нимъ епископскую кафедру. Подвергаясь въ Римѣ опасности потери епитъ, Гебгардъ по возвращеніи на родину спокойно и весело рассказываетъ о своемъ житіи бытіи въ Римѣ, и о томъ, какъ Матильда выручила его изъ бѣды; между прочимъ сказать, поглаживая себя по бородѣ: а какова у меня борода — право, годилась бы и Цезарю. Ему отвѣчали на это: о если бы вмѣстѣ съ бородой ты привезъ и другой характеръ. Исполнились ли желанія Пражанъ или нѣтъ, но, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, въ числѣ поступковъ Гебгарда было много такихъ, которые вполне достойны его сана. Разгульный и свирѣпый воинъ, не умѣющій сдерживать себя въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, смиренно исполняетъ обязанности служителя церкви, омываетъ ноги двѣнадцати странникамъ, даетъ пищу и одежду сорока нищимъ, и т. п. ¹

Лѣтопись Григорія Турскаго заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ описаній, исполненныхъ поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты. Бытъ и нравы людей представлены весьма живо, и если авторъ не заботился о характеристикѣ изображаемыхъ лицъ, то самая подробность изображенія даетъ возможность составить понятіе объ ихъ характерѣ. Подобно всемъ другимъ лѣтописцамъ, Григорій Турскій упоминаетъ о достоинствахъ замѣчательныхъ лицъ, и въ концѣ 10-й книги его лѣтописи находится даже списокъ Турскихъ епископовъ съ показаніемъ ихъ заслугъ. Но гораздо опредѣлительнѣе, нежели изъ краткихъ отзывовъ, читатель знакомится съ различными личностями изъ самаго разсказа лѣтописи. Весьма удачно очерченъ характеръ Теодорика въ 3-й книгѣ, и въ особенности живо — характеръ Фредегунды въ 8-й книгѣ исторіи Франковъ. —

1. Scriptores. I, 129 и слѣд.: 146, 161, 180 и др. Monumenta. стр. 76, 83, 89, 96 и др.

Вообще касательно предметовъ, изображаемыхъ четырьмя Европейскими летописцами, въ томъ числѣ и нашимъ Несторомъ, можно замѣтить, что главное мѣсто въ летописяхъ занимаетъ *описаніе быта внѣшняго, а не внутренняго*. Войны, междоусобія, дѣйствія, предпринимаемыя для защиты себя отъ враговъ или для пріобрѣтенія добычи, и т. п. казались особенно важными для летописцевъ, сообщавшихъ о нихъ подробныя извѣстія. Миръ внутренній, мысль, руководившая тѣмъ или другимъ событіемъ, значеніе описываемыхъ явленій въ умственной и нравственной жизни народа—не изображалось и не указывалось въ летописяхъ. Если въ некоторыхъ изъ нихъ и занимаютъ видное мѣсто предметы, относящіеся къ міру внутреннему, къ вѣрованіямъ и понятіямъ народнымъ (какъ напримѣръ религиозныя распри православныхъ съ еретиками, подробно изложенныя у Григорія Турскаго), то даже и въ подобныхъ предметахъ ограничиваются сволемъ обстоятельствомъ, сопровождавшихъ догматическое преніе, не опредѣляя идеи, выраженной въ нихъ и значенія ея въ умственной жизни народа. Авторы не забываютъ подробностей, не избѣгаютъ прямого отношенія къ главному предмету разсказа; но не выводятъ заключенія о сущности описываемаго событія, не отдѣляютъ отъ него всего посторонняго и случайнаго.

Причина такого преобладанія внѣшняго надъ внутреннимъ заключается въ томъ, что летопись была живымъ выраженіемъ близкаго къ ней по времени и по духу, отчасти же и современнаго ей, общества; летописцы, изображая дѣйствительность, брали изъ нея черты, имѣвшія наибольшее значеніе для общества, среди котораго составлялась летопись. Этотъ выборъ происходилъ не преднамѣренно, а какъ бы самъ собою: писатель въ средніе вѣка не былъ раздруженъ съ современнымъ ему бытомъ большинства; многія происшествія производили совершенно одинаковое впечатлѣніе какъ на летописца, такъ и на всѣхъ его современниковъ. Онъ описывалъ то, что возбуждало общее сочувствіе, а въ теченіе многихъ вѣковъ событія внѣшнія, очевидныя для всѣхъ, привлекали общее вниманіе гораздо болѣе, нежели миръ внутренній, невидимый для массъ, но доступный проникательному уму. Съ развитіемъ просвѣщенія, съ тѣхъ поръ ко-

гда исторія образовалась въ стройную, систематическую науку, раскрытіе и объясненіе міра, внутренняго, міра идей и чувствъ, признано ея существенною задачею. Требовать же выполненія ея отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ значитъ ити наперекоръ самой исторіи и по понятіямъ, усвоеннымъ современною намъ наукою, судить о явленіяхъ вѣковъ отдаленныхъ, для коихъ необходима иная точка зрѣнія, потребности иныя основанія при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній.

Что перевѣсъ внѣшняго надъ внутреннимъ въ повѣствованіи нельзя ставить въ укоръ средневѣковымъ лѣтописцамъ, лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что подобный же перевѣсъ замѣчается и въ образцовыхъ твореніяхъ классической древности, почитаемыхъ до такой степени совершенными, что съ ними не рѣшаются и сравнивать труды писателей позднѣйшихъ. Шлецеръ только потому затруднялся Русскія лѣтописи назвать лѣтописями, что такое названіе казалось ему слишкомъ громкимъ, напоминая собою знаменитое произведеніе Тацита¹. Ученые находятъ, что и древніе историки изображали жизнь только въ ея внѣшней дѣйствительности, забывая о ея внутренней, духовной сторонѣ; описывали одни внѣшнія, видимыя событія, предлагали біографіи и исчисляли дѣйствія царей, художниковъ, законодателей и другихъ замѣчательныхъ лицъ, не сознавая, что отдѣльныя произведенія наукъ и искусствъ суть проявленія одной и той же творческой идеи, которая, развиваясь во времени, должна имѣть и свою внутреннюю исторію².

Отъ содержанія древней Русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразныя предметы, обратимся къ способу

1. Шлецера, *Исторія*. I, стр. 4—5.

2. Ср. *Charakteristik der antiken Historiographie* von Hermann Ulrici. Berlin. 1833. стр. 344: «Demnachst haben wir zu zeigen gesucht, dass die antike Historiographie fortwährend an der Wirklichkeit hing, die einzelne, sinnliche Erscheinung verfolgte und zur Erkenntniss zu bringen suchte, überhaupt aber das Leben in seiner äussern Wirklichkeit (Realität) aufzufassen und darzustellen strebte; dass ihr daher eine philosophische Behandlungsweise, die Auffassung des Lebens von seiner geistigen, ideellen Seite fremd gewesen, und in ihrer künstlerischen Behandlungsart eben nur praktische Wissenschaft mit darstellender Kunst, beide an die Wirklichkeit gebunden, sich vereinigt haben etc. См. тамъ же стр. 174—175 и др.

изложенія этихъ предметовъ, принимая слово *изложеніе* въ обширномъ смыслѣ. Не только языкъ и слогу, но и послѣдовательность, въ которой событія излагаются въ лѣтописи, направленіе, господствующее въ ней, степень участія, принимаемаго авторомъ въ повѣствованіи, и т. п. должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи того, какимъ образомъ лѣтописецъ пользовался своими матеріалами, въ какой мѣрѣ его воззрѣніе на предметы и искусство въ ихъ описаніи выразились въ его произведеніи.

Послѣдовательность, строго наблюдаемая въ лѣтописи, есть хронологическая: года описываются одинъ за другимъ; въ событіяхъ одного года принять также порядокъ времени, именно порядокъ мѣсяцевъ:

Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка.

Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда....

Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца іюня въ 10. Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межю собою, въ Увѣтичыхъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вси спяшася....

Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полоцкскыи князь....

Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ изъ Кыева мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ прелетивъ Ярополкъ Ярослава и ятъ и.... Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20 приде Мстиславъ съ Новгородци.... Въ то же лѣто бысть знаменье на небеси мѣсяца генваря въ 29 день» (стр. 116—117).

Произшествія, находящіяся во взаимной связи, признаваемой самимъ лѣтописцемъ, описываются въ разныхъ мѣстахъ только потому, что случились не въ одинъ и тотъ же годъ. Сообщивъ извѣстія о знаменіяхъ, явившихся въ 1102 году, лѣтописецъ представляетъ, что знаменія бываютъ или къ худу или же къ добру, какъ были они въ этомъ случаѣ, предвѣщая войну, которую дѣйствительно предприняли Русскіе князья противъ Половцевъ. Но о самой войнѣ лѣтописецъ находитъ неумѣстнымъ упомянуть здѣсь же; онъ обѣщаетъ говорить о ней подъ слѣдующимъ годомъ, то есть подъ тѣмъ, въ который она происходила, а вмѣсто нея упоминаетъ о событіяхъ, не имѣющихъ

никакого отношенія къ будущему. Причина предпочтенія ихъ походу противъ Половцевъ заключается единственно въ томъ, что они случились въ тотъ же самый годъ, какъ и знаменія. Вотъ подлинныя слова лѣтописца: «знаменья бывають ова на зло, ова ли на добро: на придушее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи—умыслиши дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть, *яко же скажемъ послѣже въ пришедшее лѣто. Въ се же лѣто* преставися Ярославъ Ярополчичъ.... *Въ се же лѣто* ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава» (стр. 117—118).

Такъ какъ многія событія весьма тѣсно связаны между собою и при упоминаніи одного изъ нихъ нельзя было не упомянуть хотя вкратцѣ и о другомъ, то и въ лѣтописи иногда говорится, но только вскользь, о происшествіяхъ, случившихся не въ описываемомъ году, какъ напримѣръ подъ 996 годомъ о Владимірѣ: «праздновавъ князь дній 8, възвращаеться Кіеву, и ту пакы стваряше праздникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа: видя же люди хрестіаны суща, радовашеся душою и тѣломъ, — и тако *по вся лѣта* творяше» (стр. 54). Предсказаніе смерти Олегу приводится не въ тотъ самый годъ, когда Олегъ узналъ судьбу свою отъ кудесника, а нѣсколькими годами позже; подъ 912 годомъ читаемъ: «и присиѣ осень, и *помяну Олегъ конь свой*, иже бѣ поставилъ кормити, не веѣда нани. Бѣ бо прежде вопрошалъ волѣхвовъ кудесникъ: отъ чего ми естъ умерети?», и когда узналъ, что долженъ умереть отъ коня, то повелѣлъ «не водити его къ нему, и пребывъ нѣкозко лѣтъ на дѣя его, дондеже и на Греки иде. И *пришедшю ему къ Кіеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой*, отъ него же бяху рекли волѣстви умерети Олгови» (стр. 16). Причина несвоевременнаго внесенія извѣстія въ лѣтопись та, что предсказаніе получило значеніе для лѣтописца уже тогда, когда оно исполнилось: лѣтописцу не казалось важнымъ впечатлѣніе, произведенное на Олега словами кудесника, и объ этомъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ; главное же для него было то, что Олегъ умеръ по предсказанію волѣхвовъ, и что, слѣдовательно, ихъ предсказанія могутъ сбываться. Последнее обстоятельство имѣло для лѣтописца особенную важность, какъ видно изъ ряда приводимыхъ

свидѣтельствъ, доказывающихъ, по мнѣнію лѣтописца, ту дивную вещь, что иногда сбываются чары волхвовъ. Такимъ образомъ разсказъ о чудесной смерти Олега не измѣняетъ общепринятому порядку лѣтъ: подъ 912 годомъ онъ помѣщенъ потому, что именно въ этомъ году исполнилось предсказаніе волхва; все же, происходившее за нѣсколько лѣтъ прежде, упомянуто только для объясненія главнаго предмета — не болѣе. Замѣчаніе о Свитоплѣкѣ: «коли идяше на войну или инѣмо, коли поклонивъ ся у гроба Θεодосіева и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой» — прибавлено какъ полененіе того, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь въ 1107 году. Отсутствіе въ лѣтописи многихъ и весьма любопытныхъ свѣдѣній зависитъ отчасти отъ того, что они не приходились *кстати* въ разсказѣ, слѣдующемъ порядку *времени*.

Отъ строгаго соблюденія порядка годовъ въ лѣтописи вошли нѣкоторые эпизоды въ родѣ извѣстій о подвигахъ Мстислава въ описаніи княженія Ярослава или разсказа о Боянкѣ, прерывающаго повѣствованіе объ Олегѣ. «Олегъ—говоритъ лѣтописецъ—вбѣже въ Стародубъ и затворися ту.... и выльзе изъ града, хотя мира, и власта ему миръ, рекъше сице: иди къ брату своему Давыдову, и приидѣта Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыеви: ту достойно снятися и порядокъ подожити. *Олегъ же обѣщася* се створити, и на семъ цѣловаша крестъ. Въ се же время приде Боянкъ съ Половци къ Кіеву» и т. д. (стр. 98). Затѣмъ говорится подробно о нашествіи Половцевъ, о происхожденіи ихъ, приводится свидѣтельство Менудія Натарскаго, и послѣ всего этого слѣдуетъ продолженіе прерваннаго разсказа: «*Давыдовъ обѣщавшюся* ити къ брату своему Давыдову» и пр. (стр. 107).

Впрочемъ авторъ соединяетъ эпизодъ съ продолжающимся повѣствованіемъ, говоря: «но мы на предняя вѣратимся, якоже бяхомъ преже глаголали». Такъ же точно, приведя поученіе Θεодосія, лѣтописецъ обращается къ описанію Половешкихъ набѣговъ, и начинаетъ его словами: «мы же на подлежащее *вѣратимся*» (стр. 73). употреблеііе подобныхъ выраженій при переходѣ отъ одного предмета къ другому показываетъ, что лѣтописецъ понималъ требованія послѣдовательности и старался

удовлетворить имъ, насколько это возможно было при стѣснительной формѣ погоднаго описанія событій. Иногда связь между предъидущимъ и послѣдующимъ выражается словами: «скажемъ же», «и се да скажемъ», «се же хощю сказати» и пр.: «Θεοδοσίῳ игуменъ печерскій прѣставися: скажемъ же о успѣхѣхъ его мало» и т. п. (стр. 79). —

Въ большей части древнихъ Европейскихъ лѣтописей при изложеніи событій наблюдается порядокъ хронологическій. У Ламберта разсказъ идетъ изъ году въ годъ, а въ каждомъ годѣ событія описываются по порядку мѣсяцевъ. Такая условная симметрія въ высшей степени не удобна, и потому Ламбертъ не рѣдко отступаетъ отъ нея, дозволяя себѣ значительные эпизоды. При этомъ онъ, подобно нашему лѣтописцу, не упускаетъ изъ виду главной нити разсказа, съ которою старается такъ или иначе связать эпизодическія повѣствованія. Отступленія чаще всего заключаются словами: *sed ad coeptum, unde digressi sumus, redeamus; ad coeptum potius revertamur*,¹ — вполне соответствующимъ выраженію: «на предняя возвратимся», постоянно употребляющемуся въ подобныхъ случаяхъ нашими лѣтописцами.

По мнѣнію Козьмы Пражскаго каждое событіе должно имѣть опредѣленное мѣсто; онъ неоднократно говоритъ: *quantum condictum habuerit in loco suo declarabitur; — de quibus in suis locis satis copiose tractabitur*, и т. д. Мѣсто событіямъ, какъ видно изъ хроникъ, опредѣлялось «временемъ», въ которое они происходили. Такъ политическую исторію Брячислава Козьма Пражскій прерываетъ описаніемъ чуда, ибо чудо совершено Венцеславомъ и Адалбертомъ надъ узниками *въ ту самую ночь*, когда происходило событіе, на коемъ прерванъ разсказъ, и т. д. Слѣдовательно слова Козьмы Пражскаго: «на своемъ мѣстѣ» выражаютъ тоже самое, что и «послѣ же скажемъ» нашего лѣтописца, т. е. когда дойдемъ до «времени», въ которое это случилось. Но мѣсто однообразнаго: «се же скажемъ» Козьма Пражскій употребляетъ различныя фразы, въ сущности выражающія одну и ту же мысль: *ne tacere cupio; nec praetereundum censeo*, и т. п.²

1. Monumenta, et Pertz. VII. Scriptorum V. стр. 223, 181 и др.

2. Scriptores rerum Bohemicarum I. стр. 139, 140, 161, 162 и др. Monumenta, стр. 80, 81, 89, и др.

Послѣдовательность, которую Григорій Турскій признаетъ необходимою въ лѣтописи, указана имъ самимъ: *Prosequentes ordinem temporum*—говоритъ онъ—*mixte confuseque tam virtutes sanctorum, quam strages gentium memoramus*. Но авторъ часто измѣняетъ обѣщанному порядку времени: прерываетъ рассказъ посторонними извѣстіями, дѣлая это или по чувству уваженія къ лицамъ, о которыхъ желаетъ говорить прежде, нежели о другихъ предметахъ, или же просто по забывчивости, въ чемъ откровенно и сознается. Разговоръ свой съ Сальвiемъ онъ приводитъ не тогда, когда бы слѣдовало, оправдывая себя тѣмъ, что забыть какое либо происшествіе и потомъ рассказать о немъ не вовремя — вовсе не есть преступленіе: «et licet — говоритъ онъ — de beati Salvii episcopi conlocutione superius memorare debueram, sed quia mente excessit, esse sacrilegium non arbitror, si in posterum scribatur»¹. Въ лѣтописи Григорія Турскаго гораздо менѣе послѣдовательности въ изложеніи, нежели въ лѣтописяхъ Ламберта, Козьмы Пражскаго и нашего Нестора. По наивности довольно забавной, съ которою объясняется допущеніе эпизодовъ, въ Григоріи Турскомъ можно узнать предшественника Жуанвилья.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенные внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность многихъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе — изъ безцвѣтныхъ описаній; она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои *понятія* и *чувства*, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности.

Понятія его выражаются въ указаніи *причинъ* происшествій и преимущественно въ *объясненіи* ихъ, какъ въ одной изъ са-

1. Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France. II, 264.

назидичу, гна по звѣри въ лѣсѣ: и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свенальдичъ: и захавъ, уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ» (I, 31). По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, это самая ничтожная причина, показывающая не болѣе, какъ прихоть Олегову; но не такъ это понимали наши предки въ X столѣтіи; тогда охота за звѣрями имѣла священныя права, нарушение которыхъ посягало на первыя и важнѣйшія условія независимой жизни; припомнимъ, что еще при Несторѣ знали и свято хранили ловища и перевѣсница Ольги. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ даже въ XIII вѣкѣ (напр. грам. 1265 г. съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ) помѣчались особыя статьи о ловлѣ звѣрей Новгородскими князьями, и для этого отводились особыя мѣста. Послѣ этого Олегъ имѣлъ полное право убить Свенальдича, который самовольно, нарушая права охоты и лова звѣрей въ ловищахъ княжескихъ, святотатственно пренебрегалъ княжескими правами, такъ сказать смѣялся надъ властію удѣльнаго князя и, конечно, дѣлать это не безъ согласія Кіевского государя, который искалъ только предлога начать войну съ братами» и т. д.¹

Вышею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствию небесной силы — Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце чловѣка. Рѣшимость Русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: «*вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи*». Знаменитый представитель нашей церкви, Иларіонъ, первый митрополитъ изъ природныхъ Русскихъ, получилъ свой высокій санъ потому, что «*Богъ князю вложи въ сердце*, и постави и митрополитомъ въ святой Софѣи»². Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ: «*Богъ великій вложи ужастъ велику въ Половѣи и страхъ нападе на ны и трепетъ отъ лица Русьскыхъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же*

1. Чтенія Московск. общества исторіи и древностей. 1817. № 5. Исслѣдованіе Буллєва «о Несторовой лѣтописи», стр. 32 — 33.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 117, 67.

съ весельемъ на конѣхъ и плъни поидоша къ нимъ¹. Несчастія, постигающія людей, допускаются Богомъ, какъ справедливое наказаніе за грѣхи и беззаконія: «се бо на ны Богъ попусти поганымъ — говоритъ лѣтописецъ — не яко милау ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востыгнули отъ злыхъ дѣлъ: симъ казнить ны наказаньемъ поганыхъ, се бо есть батоги его, да нѣколи смирившися вспомянемся отъ злаго пути своего»².

Неминуемой казни подвергается дѣть, кто «преступаегъ крестъ», т. е. нарушаетъ клятву, скрѣпленную цѣлованіемъ креста. Съ другой стороны тотъ, кто вѣренъ данному слову, привлекаетъ на себя благословеніе Божіе. Изяславъ и братья его поступили вѣроломно: цѣловали «крестъ честный къ Всеславу» и говорили: приди къ намъ, не сотворимъ тебѣ зла; онъ перѣѣхалъ въ ладѣ черезъ Дунай, и былъ схваченъ, приведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ порубъ съ двумя сыновьями. Вскорѣ за вѣроломнымъ поступкомъ послѣдовало вторженіе Половцевъ: Изяславъ бѣжалъ въ Ляхи, а Всеславъ сѣлъ въ Кіевѣ. Все это произошло не случайно: такимъ стеченіемъ событій «Богъ показа силу крестную на показанье земли Русскій, да не преступаютъ честную креста, цѣловавше его; аще ли преступитъ кто, то и азѣ прииметь казнь, и на придунемъ вѣцѣ казнь вѣчную: пожеже велика есть сила крестная»³. Сверхъ общаго значенія для всего христіанскаго міра, крестъ имѣлъ для современниковъ лѣтописца еще значеніе особенное, какъ символъ единства Русской земли, залогъ внутренняго мира и дружнаго противодѣйствія врагамъ отечества. Князья, враждовавшіе между собою и на полѣ брани и полѣ домашнимъ кровомъ, забывали вражду свою у креста, и только «сила крестная» могла возстановлять единодушіе, нарушаемое кровопролитными усобицами.

Независть и вражда между братьями и родственниками приписываются кознямъ дьявола: «выдвиге дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ: бывши распри межю ими» и пр. Но дьяволъ можетъ дѣйствовать только на маловѣрныхъ и малодушныхъ; на твердыхъ же въ вѣрѣ и чистыхъ мыслію и со-

1. Тамъ же, стр. 118.

2. Тамъ же, стр. 93.

3. Тамъ же, стр. 72—73.

вѣстью онъ не въ силахъ оказывать вліяніе, и въ борьбѣ съ нимъ остается побѣжденнымъ. Наущенія дьявола въ такой же степени опасны, какъ и совѣты злыхъ людей, и потому всякій вѣрующій и правомыслищій можетъ остаться невредимымъ отъ вражескихъ козней. Злые люди дѣйствуютъ за одно съ виновникомъ зла, стараются поселить въ душахъ преступныя чувства и намѣренія: «приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сѣде Володимери, и пересѣдѣвъ мало дни, иде Звенигороду; и не дошедшио ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Перадця, отъ дьявола наущеня и отъ злыхъ челоувѣкъ». Хотя бѣсы и подвигаютъ людей на зло, но помышленій челоувѣческихъ они не знаютъ: «бѣси бо не вѣдаютъ мысли челоувѣческое, но влагаютъ помыслъ въ челоувѣка, тайны не свѣдуше. Богъ единъ свѣсть помышленя челоувѣческая, бѣси же не свѣдають ничтоже»¹.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы гѣтонисецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою челоувѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ челоувѣческихъ. Такая вѣра въ родство челоувѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является челоувѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями гѣтонисей. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему гѣтонисцу. Простыми и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысливаетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: *знаменіе* — явленіе знаменательное, предвѣщающее что-либо доброе или злое: «*знаменія бо бывають она на зло, она ли на добро*» — говоритъ гѣтонисецъ².

Въ другомъ мѣстѣ гѣтонисей находится слѣдующее извѣстіе съ объясненіемъ: «Въ се же гѣто Новгородѣ иде Волховъ вспять,

1. Полное собраніе Русскихъ гѣтонисей. I. стр. 78, 88, 76.

2. Тамъ же. I. стр. 117.

же время рыболовы выволокли неводомъ изъ Сѣтомля дитя, на которое мы смотрѣли до вечера; оно было таково: «на лица ему срамнѣе удое, иного не изъ казати срама ради». Предъ симъ же временемъ и солнце измѣнилось: не блесгло болѣе, а сдѣлалось какъ мѣсяцъ; «сего же невѣдаси глаголють сѣдасму сущю. Се же бываютъ снца знаменья не на добро, *мы по сему разумѣемъ*». Древле, при Антиохѣ, въ Иерусалимѣ являлись на воздухѣ вооруженные всадники, и это проявляло нашествіе Антиоха на Иерусалимъ. Потомъ при Персѣ въ томъ же Иерусалимѣ возсіяла надъ городомъ звѣзда въ видѣ копья, проявлявшая нашествіе Римлянъ. При Юстиніанѣ явилась на западѣ звѣзда, которую называютъ блистаницею, потомъ было теченіе звѣздамъ, такъ что всѣ думали, что падаютъ звѣзды; и солнце не испускало лучей: все это проявляло крамолы, бедуги и моръ. При Маврикіи же случилось вотъ что: одна женщина родила дитя безъ рукъ и безъ ногъ, съ рыбнымъ хвостомъ; тогда же родился шестиногий пѣсь, и т. п. При Константинѣ иконоборцѣ было теченіе звѣздное на небѣ. Въ Сиріи было странное землетрясеніе, земля разсѣлась на три поприща, и вышла изъ земли кобылица, говорившая человѣческимъ языкомъ и предрекавшая нашествіе враговъ, которое и случилось дѣйствительно: Сарацины сдѣлали нашествіе на Палестину, и т. д.¹ —

Объясненія, подобныя приведенному, встрѣчаются довольно часто въ древней лѣтописи, выражая собою взглядъ лѣтописца. Первое изъ нихъ находится при описаніи быта Русскихъ племенъ, заключающемся извѣстіемъ о Вятичахъ, сожигающихъ мертвыя тѣла. Затѣмъ слѣдуютъ слова: такой же обычай и у Кривичей и у другихъ язычниковъ, не знающихъ закона Божія, но сдѣлавшихъ сами себѣ законъ. Говоритъ Георгій въ лѣтописаньи: у всякаго народа есть или письменный законъ или обычай предковъ, почитаемые закономъ, и т. д. — о правахъ Сирійцевъ, Вавилонянъ и другихъ народовъ². Это мѣсто замѣстовано также у Амартола; оно приведено нами выше и въ подлинникѣ и въ переводѣ (стр. 88—91). Лѣтописецъ помѣстилъ

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 71.

2. Тамъ же, стр. 6—7.

угрожающихъ городу, Аполлоній написалъ со вздохомъ: горе тебѣ, несчастный городъ, тебя разрушатъ землетрясенія и пожары. И Анастасій Божій града говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доселѣ прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ Аполлонія для уничтоженія вредоносныхъ птицъ и четвероногихъ, для удержанія опустошительнаго разлива рѣкъ, и т. п. Еще болѣе: бывали и такіе случаи, что пророчествовали объ истинномъ Богѣ люди, подобные Валааму, который не отличался ни хорошею жизнію, ни правою вѣрою, Саулу, Каиафѣ и другимъ, и т. д. ¹.

Какъ преданія народа, такъ и рассказы отдельныхъ лицъ лѣтописецъ сопровождаетъ обыкновенно объясненіями. Больше всего отъ Новгородцевъ приходилось ему слышать о вещахъ диковинныхъ, требовавшихъ подтвержденія въ ихъ достоверности. Такъ одному Новгородцу случилось прійти въ Чудь и обратиться къ кудеснику за волхвованьемъ. Кудесникъ по обычаю сталъ призывать бѣсовъ, но они не явились, и кудесникъ сказалъ: бѣсы не смѣютъ прійти — на тебѣ есть что-то, чего они боятся. Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ былъ крестъ, и снялъ его; тогда бѣсы ринулись въ храмину и открыли Новгородцу то, о чемъ онъ желалъ узнать. На вопросъ его, отчего бѣсы бѣгаютъ креста, волхвъ отвѣчалъ: «то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози боятся». А что за бози у васъ и гдѣ они живутъ? спросилъ Новгородецъ. «Въ безднахъ, — сказалъ кудесникъ — суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть: аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну». Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что волхвы дѣйствуютъ по наученію бѣсовъ; больше всего волхвуютъ женщины, ибо искони дьяволъ прельстилъ жену; но и между мужчинами бываютъ чародѣи, и въ примѣръ приводитъ Іаннія и Іамврїа волхвовъ, современныхъ Моисею; также Симона волхва, бывшаго во времена апостоловъ: онъ заставлялъ псовъ говорить по-человѣчески, измѣнялся и самъ,

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 16—18.

являясь то старикомъ, то юношею, и «иного премѣняше во иного образъ», и т. д. ¹.

Разсказъ Гюряты Роговича Новгородца о дивныхъ людяхъ, заключенныхъ въ скалѣ, Несторъ поясняетъ свидѣтельствомъ Меѳодія Патарскаго о народѣ, заключенномъ Александромъ Македонскимъ. Выше мы привели свидѣтельство Меѳодія и въ подлинникѣ и въ переводахъ Латинскомъ и Славянскомъ (стр. 109 — 112).

Объясняя преданія и разсказы, лѣтописецъ не оставляетъ безъ объясненія и самыхъ словъ, именно — названій народовъ и городов². Народы, по свидѣтельству лѣтописца, получили свои названія большею частью отъ мѣстъ, на которыхъ поселились, и преимущественно отъ рѣкъ: «отъ тѣхъ Словѣнъ разоидошася по землѣ и прозвашася имени своими, идѣ сѣдше на которыхъ мѣстѣ»: иные сѣли на рѣкѣ Моравѣ и прозвались Моравами; другіе сѣли на Двинѣ, и прозвались Полочанами, отъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину; Бужане получили такое имя, «зане сѣдоша по Бугу»; Древляне — «зане сѣдоша въ дрѣвѣхъ»; Полѣне — «занеже въ полѣ сѣдаху». Иные народы получили имена отъ вождей: въ Ляхахъ — «въ Лябѣхъ» — было два брата, Радимъ и Вятко: Радимъ поселился на берегахъ Сожи, и отъ него прозвались Радимичи; Вятко съ родомъ своимъ поселился по Окѣ, и отъ него прозвались Вятичи; Рогволодъ пришелъ изъ за моря и поселился въ Полотскѣ, а Туръ въ Туровѣ, и отъ Тура получили названіе свое Туровцы. Переяславъ одолженъ и именемъ своимъ и самымъ существованіемъ подвигу храбраго отрока, побѣдившаго Печенѣжскаго. Видя паденіе своего богатыря, «Печенѣли побѣдоша, и Русь погнаша по нимъ съкуше, и прогнаша я. Володимѣръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и *Переяславъ* зане *перя сляху* отрокъ отъ». Никоновская лѣтопись, сообщающая весьма часто имена лицъ, упоминаемыхъ безъ имени въ древнѣйшихъ спискахъ, называетъ отрока *Яномъ Ушлювскою*, говоря о немъ какъ о бога-

1. Тамъ же, стр. 77.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 3, 5, 12, 32, 53, 4.

тырь, подобномъ Александру Поповичу или Радфу удалому¹. Кіевъ получилъ свое названіе отъ Кіи, одного изъ трехъ владѣтельныхъ братьевъ въ племени Полянъ. Люди «песвѣдушіе» полагали, что Кіи былъ перевозчикомъ; такое мнѣніе произошло оттого, что черезъ Дунайъ былъ перевозъ и весьма часто говорили: «на перевозъ на Кіевъ». Этотъ переходъ часто повторяемой фразы въ собственное имя напоминаетъ образованіе слова *Стамбуль* изъ *εις τήν πόλιν* — «въ городъ». Лѣтописецъ не соглашается съ общимъ мнѣніемъ, опровергая его тѣмъ, что если бы Кіи дѣйствительно былъ перевозчикомъ, то не ходилъ бы въ Константинополь и не принялъ бы отъ царя великой чести.

Что составляетъ особенное достоинство Нестора въ извѣстіяхъ о странахъ и народахъ, это — ясность, полнота и точность сообщаемыхъ имъ географическихъ свѣдѣній о сѣверѣ Европы и о мірѣ Славянскомъ. Великая заслуга нашего лѣтописца давно уже признана и доказана Шлецеромъ. «Внутренность земель, — говоритъ Шлецеръ — лежащихъ по сѣю сторону Балтійскаго моря отъ Вислы была неизвѣстна; Несторъ первый открываетъ сей міръ, бывший до тѣхъ поръ сокрытымъ; извѣстій его не много, но за то они вѣрны; опредѣленны и съ точностію означены. До Нестора не было географіи Европейскаго сѣвера, которая достойна бы была сего названія»².

Какъ Несторомъ, такъ и другими Европейскими лѣтописцами, опредѣляется взаимная связь событій и высказываются мнѣнія о нихъ. Въ этомъ отношеніи не мало замѣчательныхъ данныхъ представляютъ лѣтописи Козьмы Пражскаго и Ламберта, называемаго древнѣйшимъ авторомъ *прагматической* исторіи въ Германіи. Но и у Ламберта связь событій и сужденіе о нихъ не раскрываются послѣдовательно, ограничиваясь обыкновенно нѣсколькими намеками, дающими поводъ къ недоразумѣнію. Такого рода отзывъ его о законѣ безбрачія, произведшемъ сильное движеніе во всемъ католическомъ мірѣ. Противъ декрета папскаго — говоритъ Ламбертъ — воору-

1. Руская лѣтопись по Никонову списку. I, стр. 107 и 111.

2. Шлецера, Несторъ. I, стр. 41 и 38.

жались лица духовица, обвиняя папу въ томъ, что онъ забылъ слова Спасителя: «не всѣ могутъ снести сіе, но тѣ, которымъ дано» (Матѣ. XIX, 11) и Апостола: «лучше вступать въ бракъ, нежели разжигаться» (I Кор. VII, 9). Но папа настаивалъ на своемъ. Архіепископъ же Могонтскій дѣйствовалъ умереннѣе, зная, какъ трудно уничтожить укоренившійся вѣками обычай и по началамъ рождающейся церкви пересоздать одряхлѣвшій міръ. Судя по этимъ словамъ можно бы подумать, что и Ламбертъ принадлежалъ къ числу недовольныхъ; но далѣе жъ называется браки духовныхъ незаконными и противными церковнымъ постановленіямъ, чѣмъ и обнаруживается его собственнѣйшій образъ мыслей о мѣрѣ Гильдебранда¹.

Неожиданное счастье приписываетъ Ламбертъ особенной милости Божіей, а волненія общественныя — дѣйствію нечистой силы. Наущеніемъ же сатаны объясняется поступокъ префекта Квинтія, который, будучи отлученъ папою, ворвался съ оруженосцами въ церковь, и вытаскилъ изъ нея папу за волосы. Ламбертъ отвергаетъ обвиненіе, вводимое на Гильдебранда въ томъ, что будто бы Матильда день и ночь держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Неправедность клеветы доказывается, по мнѣнію Ламберта, во-первыхъ, образомъ жизни Матильды, которая постоянно окружена многочисленнымъ обществомъ, такъ что порочная связь не могла бы избѣжать огласки, во-вторыхъ, добродѣтелями папы, его усердіемъ къ церкви, знаменіями и чудесами, совершаемыми по его молитвамъ.

Козьма Пражскій причиною однихъ событій почитаетъ сѣпленіе обстоятельствъ, причиною же другихъ — дѣйствіе силы таинственной и притомъ враждебной человеку. Древній міръ, — говоритъ онъ — врагъ роду человѣческому, никогда непримкнувшій и постоянно нарушающій спокойствіе другихъ, не стерпѣлъ мирной жизни братьевъ, короля Вратислава и епископа Гебгарда, и посѣялъ между ними вражду². Такой же взглядъ

1. Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz VII, Scriptorum V, стр. 217 — 218 и 237.

2. Scriptores rerum Bohemicarum, I, 178. — Monumenta, ed. Pertz. XI. Scriptorum IX, 93

выражается словами нашей лѣтописи: «воздвиже дьяволъ котору въ брати».

✓ Явленія небесныя отмѣчались всѣми Европейскими лѣтописцами, какъ событія необыкновенныя, имѣющія сокровенный смыслъ. Разсказъ о дѣйствіяхъ Генриха въ 1074 г. Ламбертъ прерываетъ извѣстіемъ о двухъ огненныхъ столбахъ, видѣнныхъ на небѣ. Въ числѣ происшествій 1066 г. упоминается о кометѣ и вслѣдъ за тѣмъ о жестокой битвѣ на сѣверѣ Европы. Хотя Ламбертъ прямо не называетъ послѣдняго событія слѣдствіемъ перваго, но ихъ сопоставленіе указываетъ на то, что онъ допускалъ между ними некоторую связь. Онъ говоритъ: *in festis paschalibus per quatuordecim fere noctes continuas cometa apparebat. Quo in tempore atrox et lacrimabile nimis praelium factum est in partibus aquilonis, in quo rex Anglisaxonum tres reges cum infinito eorum exercitu usque ad internitionem delevit*¹.

Григорій Турскій рѣшительно высказываетъ мысль, что затмѣнія солнца суть кары за пороки и пролитіе невинной крови: *«tunc et sol teter apparuit, ita ut vix ab eo pars vel tertia eluceret: credo pro tantis sceleribus et effusione sanguinis innocentis»*². Смерть короля Теодобальда предвѣщали, по мнѣнію Григорія Турскаго, чудныя явленія, а именно: на деревѣ бузникъ (*sambucus*) выросли виноградныя кисти и въ кругѣ луны явилась звѣзда, двигаясь къ ней на встрѣчу³.

✓ Иныя изъ причинъ, приводимыхъ лѣтописцами, довольно важны; другія показываютъ наблюдательность и умѣнье понимать вещи. Но при всемъ достоинствѣ западныхъ лѣтописцевъ у нихъ нѣтъ такой послѣдовательности въ объясненіи событій сомнительныхъ, какою отличается наша древняя лѣтопись. Поясненія, находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ, не всегда умѣстны: съ другой стороны, часто остаются вовсе безъ объясненій такіа извѣстія, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ читателѣ. Наша лѣтопись объясняетъ вещи, дѣйствительно и наиболѣе пу-

1. *Monumenta historica*, ed. *Pertz*. VII. *scriptorum* V. стр. 207, 173.

2. *Bouquet*, *Recueil des historiens*. II, стр. 160.

3. Тамъ же. стр. 207.

ждающіяся въ истолкованіи. Онъ не былъ доверчивъ къ слухамъ и впечатлѣніямъ: знать ли онъ о какомъ-то происшествіи по молвѣ народной, слышалъ ли о немъ отъ людей достойныхъ вѣроятія, былъ ли даже самъ очевидцемъ его, онъ старался дать себѣ отчетъ въ этомъ происшествіи, если оно почему бы то ни было казалось не вполне сообразнымъ съ обыкновеннымъ ходомъ вещей. Слова лѣтописца при опредѣленіи причины событія: «мы посему разумѣмъ» показываютъ, что онъ обсуживалъ то, что вносилъ въ свою лѣтопись, составлялъ ее съ разборчивостью, помѣщая въ ней только такія свѣдѣнія, которыя доступны были его разумію, удовлетворяли требованіямъ мыслящаго человека. —

Л. Л. Е. Г. В. С. М.
670

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣнія о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу Русской земли, а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ *чужестранцами*, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе.

Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ рассказъ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ: «Олегъ же и Борисъ придоша Чернигову, мнѣше одолѣшае, а земля Русскѣи много зло створише, проливше кровь хрестьянскую, *ея же крове азъ ищеть Богъ отъ руку сю*, и отвѣтъ дати има за погубленіе душа хрестьянскы»¹. Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему и встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига.

Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага Русской земли, для улучшенія ея состоянія правительнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ Русскихъ вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія: «си бысть предѣтекуиця хрестьянскѣи земли аки денница предѣ солнцемъ и аки зоря предѣ свѣтомъ: си бо сѣяше аки луна въ нощи: тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтишеся, аки бисерь въ каѣхъ: каѣни бо бѣша, грѣхъ неомовени хре-

1. Новое собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 86.

шенемъ святымъ. Си бо омыся купѣлюю святою и совлечеса грѣховныя одежа ветхаго чловѣка... Си первое вииде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалить Рустіе сынове, ибо по смерти моляше Бога за Русь» и т. д.¹ Ольга была предшественницею Владимира на поприщѣ христіанскомъ. При Владимирѣ вся земля Русская просвѣщена христіанскою вѣрою; оставалось укрѣпить вѣру въ новообращенномъ народѣ, что возможно было только посредствомъ образованія, и преемникъ Владимира св., Ярославъ, заботится о просвѣщеніи своего народа ученіемъ книжнымъ.

Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнны лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владимира и Ярослава, принадлежащемъ къ числу самыхъ счастливыхъ образовъ въ нашей древней лѣтописи. «Якоже бо се нѣкто землю разореть, — говоритъ лѣтописецъ — другой же насѣетъ, инии же пожинають и ядятъ пищу бескуду, тако и съ: отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше: крещеніемъ просвѣтивъ; съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяныю; мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы; си суть узла възддержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хвали е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ; азъ призвахъ страхъ Господень; мой свѣтъ, моя мудрость, мое утверженіе, моя крѣпость; мною цареви царствуютъ и сильнии пишутъ правду» и т. д.²

Общественное благо потрясемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій

1. Тамъ же, стр. 29.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописек. I, стр. 65 — 66.

сопровождается падением торестнаго чувства. Половины пришли на землю Русскую, и на Руси открылась печальная картина: «они ведутся полющеніи: друзіи посякаемы бывають: друзіи на шесті даемы бывають, горкую смерть пріемлюще: друзіи трепещуть, зраніе убиваемыхъ, друзіи голодъ уморяемы и водною жажею: оны вяжемы и пятами пхаемы, и на зимѣ держими и ураняемы». Участіе свое къ народному бѣдствію и свое возрѣніе на него, лѣтописецъ выражаетъ такимъ образомъ: «праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имемъ, кажемъ есмь: подобаше намъ преданнымъ быти въ руку языку странну и безаконнѣйшу всея земли. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и правъ суди Твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ, пріяхомъ. Рцѣмъ и со Іовомъ: яко Господеви яко бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословенно въ вѣки. Да нахоженъсѣмъ поганыхъ и мучимъ ими Владыку помянемъ, етоже мы прогнѣвахомъ: прославленіи бывше не преславахомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятишесѣ, не разумѣхомъ; куплены бывше, не поработдохомъ; породившесѣ, не яко отца постыдѣхомъся. Согрѣшихомъ и казнимъ есмь: якоже створихомъ, тако и стражемъ: города вси опустѣша и сѣи; преидемъ поля, и дѣже пасома бѣша стада конь, овцы и воюво, все тонше поиѣмъ; пивы, поростыше, зѣврьмъ жилища бѣша. Но обаче надѣмся на милость Божью, кажесть бо ны добръ благодѣи Владыка: не побезаконью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ выдѣсть намъ»¹ и пр.

Внутреннія смуты такъ же печальны мыслящаго лѣтописца: онъ волиѣ сочувствовать горю тѣхъ князей, которыми «осечъ бысть отъ сыновъ своихъ, яко начаша стужати, доша слези, ошъ сѣи, ошъ же дружи». Сочасіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастья Русской земли и по вѣру братолюбія Повесть доказываетъ необходимость ласкъ. Дозмы его отличаются истиннымъ чувствомъ и силой: «и рече шъ, аще что створишъ сѣи на сѣбѣ сѣи естро смръшнѣе, огластѣи сѣи, занеже наемъи ашъ, сѣи же брати сѣи, и жила бѣишъ ошности, ни имѣиши хотя бѣишъ, но же брати ошну. О сѣи-

¹ Тамъ же стр. 22

выхъ бо Господь рече:да кто положить душу свою за други своя. Соломонъ же рече: братья въ бѣдахъ пособива бываютъ. Любы бо есть выше всего, яко же Іоанъ глаголетъ: Богъ любви есть; пребывающій въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ.... Аще кто речетъ: люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложь есть: не любящій бо брата своего, егже видѣть, Бога, егже не видѣть, како можетъ любить? сїю заповѣдь имамы отъ Него, да любящій Бога любить брата своего. Въ любви бо все свершается: любви ради и грѣши разсыпаются; любви бо ради сице Господь на землю и распятъ за ны грѣшныя; вземъ грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, да въ намъ крестъ свой на прогнаше ненависти бѣсовское: любви ради мучиници прольша крови своя; любви же ради сїи князь прольша кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню»¹.

Въ выраженіи мыслей и чувствъ лѣтописца обращаютъ на себя вниманіе три особенности: во-первыхъ то, что они состоятъ преимущественно изъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія; во-вторыхъ то, что они суть именно размышленія и изліянія чувствъ, а не поученія въ собственномъ смыслѣ (какъ называютъ ихъ нѣкоторые исследователи), и въ-третьихъ то, что они имѣютъ самое прямое отношеніе къ предметамъ, изображаемымъ въ лѣтописи.

Касательно первой особенности замѣтимъ, что она совершенно въ духѣ средневѣковой литературы: въ произведеніяхъ лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ безпрестанно встрѣчаются выраженія Св. Писанія. Въ лѣтописи Григорія Турскаго весьма много картинъ свѣтской жизни: но авторъ часто прибѣгаетъ къ текстамъ даже при описаніи мірскихъ событій. Говоря о бытѣ Фраиновъ, поклонявшихся дѣсамъ, водамъ, животнымъ, и приносившихъ имъ жертвы, Григорій Турскій приводитъ мѣста противъ идолопоклонства изъ Исхода, Второзаконія, Псалтири, пророковъ: Іереміи, Аввакума, Исаи, и ми. др.².

Вторая особенность нѣсколько противорѣчитъ тому мнѣнію, что будто бы характеръ нашей лѣтописи есть по преимуществу

1. Тамъ же, стр. 93 и 87.

2. *Bouquet, Recueil des historiens*. II, стр. 167 — 168.

поучительный — вследствие сильного влияния Византийских образцовъ. Поученія собственно, находящіяся въ лѣтописи, принадлежатъ не самому лѣтописцу, а другому писателю — Феодосію; близкія къ нимъ по духу похвалы Владимиру св. и Борису и Глебѣ — также не произведенія лѣтописца. Въ остальныхъ за тѣмъ мѣстахъ лѣтописи, заключающихъ въ себѣ какую-либо мысль или чувство, не замѣтно исключительной цѣли автора поучать читателей. Внимательные читатели безъ сомнѣнія извлекали назиданіе изъ словъ лѣтописца; но не только изъ тѣхъ, въ коихъ выражается его христіанскія понятія и чувства, и притомъ словами Св. Писанія, а въ такой же степени и изъ многихъ другихъ, не выдающихся рѣзко изъ послѣдовательнаго разсказа.

Едва ли можно предположить, что лѣтописецъ и самый трудъ свой предпринималъ единственно съ цѣлью представить рядъ поучительныхъ картинъ. Если бы составитель лѣтописи смотрѣлъ на нее какъ на сборникъ поучительныхъ разсказовъ, то, вѣроятно, не внесъ бы въ нее ни разговора Русскаго князя съ магометанами; ни преданій о хитростяхъ княгини и жестокихъ поступкахъ ея съ Древлѣянами, ни тому подобныхъ вещей, не имѣющихъ вовсе назидательнаго характера. Другое дѣло трудъ, предпринятый исключительно съ назидательною и благочестивою цѣлью, каковы поученія духовенства: въ нихъ обыкновенно опускается все то, что противорѣчитъ общему назидательному духу. Если на это возражать, что лѣтопись по самой сущности своей, т. е. для того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ слова *лѣтописью* — описаніемъ случившагося въ теченіи многихъ лѣтъ, требовала внесенія разнородныхъ извѣстій: то съ другой стороны представляются образцы лѣтописей, явившихся съ цѣлью поучительною собственно, и сравненіе ихъ съ нашею лѣтописью показываетъ, что въ способѣ ея изложенія не видно такого рѣшительнаго намеренія поучать, какое ясно выражается въ другихъ лѣтописяхъ. Въ сочиненіи Амартоса, напримѣръ, религіозный взглядъ на вещи, стремленіе открывать въ событіяхъ назидательную сторону составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей повѣствованія. Разница въ этомъ отношеніи между историческимъ трудомъ Амартоса и нашею лѣтописью — очевидна: въ послѣд-

ней вовсе нѣтъ такого рода поученій отъ лица автора къ читателю, какими изобилуетъ хроника Амартола. Въ хроникѣ Амартола многія повѣствованія сопровождаются довольно пространными поученіями, начинающимися обыкновенно характеристическими словами: «тѣмъ научаемся» — выраженіемъ, не употребительнымъ въ нашей лѣтописи.

Обращеніе нашего лѣтописца къ своимъ современникамъ, подобныя слѣдующему: «да никто же не дерзнетъ рещи, яко ненавидимъ Богомъ есмы. Да не будетъ! Кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? никогоже» — нельзя приписывать одному Византійскому влиянію уже потому, что подобныя воззванія и притомъ въ формѣ именно наставленія встрѣчаются и у лѣтописцевъ западныхъ и даже у Козьмы Пражскаго, который обращался къ своимъ современникамъ чаще съ укоромъ и насмѣшкою, нежели съ наставленіемъ. Но и Козьма Пражскій дѣлаетъ иногда примѣненіе къ современности съ цѣлью указать назидательный примѣръ: таково заключеніе разсказа о Снитигневѣ и вдовѣ. Когда Снитигневъ былъ на пути по случаю военныхъ дѣйствій, его остановила бѣдная вдова и умоляла защитить ее отъ угнетеній. Снитигневъ сказалъ: разберу дѣло твое послѣ, когда ворочусь. Вдова усилила просьбу: если же ты, возразила она, не воротишься съ похода, кто тогда освободитъ меня? и для чего упускаешь награду, которую можешь получить отъ Бога? Снитигневъ тронулся словами и воплемъ вдовы, прекратилъ свой путь, и справедливымъ судомъ избавилъ ее отъ притѣснителя. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ Козьма Пражскій сопровождаетъ обращеніемъ къ сильнымъ міра: «quid ad haec vos, o moderni principes, dicitis, qui tot viduarum, tot pupillorum ad clamores non respicitis, sed eos tumido fastu superbiendo despicitis»¹.

Вліяніе Византійской литературы на нашу древнюю лѣтопись оспаривать нельзя; но оно принадлежало болѣе тѣмъ высокимъ писаніямъ, которыя переданы намъ Византією, нежели

1. Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 136. — Monumenta, ed. Paris. XI, scriptorum IX, стр. 78.

произведеніемъ ея національныхъ писателей; по крайней мѣрѣ вліяніе послѣднихъ было слабѣе того, какое оказывали первыя. Византійскія хроники послужили нашему лѣтописцу для знакомства съ исторіею церкви, отчасти съ гражданскою исторіею, съ понятіями географическими и этнографическими; свѣдѣнія, заимствованныя изъ хроникъ, дополняютъ самостоятельный рассказъ лѣтописи, но не замѣняютъ его; мѣста же Св. Писанія приводятся отъ лица самого лѣтописца, который до того усвоилъ ихъ себѣ, что пользовался ими какъ своимъ собственнымъ словомъ для выраженія мысли и чувства. Духъ произведеній, къ которымъ прибѣгали наши лѣтописцы, не могъ не отразиться и въ ихъ собственныхъ трудахъ, и характеръ послѣднихъ, по преимуществу серьезный, исполненный преданности Богу и сѣтованія объ уклоненіи отъ путей Его, образовался подъ вліяніемъ писаній пророческихъ и другихъ божественныхъ книгъ. При постоянномъ чтеніи ихъ лѣтописцами, такой характеръ явился бы и самъ собою, независимо отъ Византии; но Византійская литература, и не хроники собственно, а творенія отцовъ церкви, духъ этихъ твореній способствовалъ развитію библейскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и слившись съ нимъ въ одно цѣлое образовалъ то начало, которое преобладало въ ней, и въ части ея — лѣтописи, и которому даютъ обыкновенно названіе Византійскаго.

Что не изъ простаго подражанія хроникамъ возникли въ нашей лѣтописи отступленія, по духу назидательныя, доказываетъ всего очевиднѣе третья ихъ особенность, т. е. тѣмъ, что они находятся въ самой тѣсной связи съ описаніемъ событій Русскихъ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, у Амартала поученія предлагаются болѣею частью по поводу событій, описываемыхъ въ библейской исторіи. Упомянутіе о казни, постигшей первосвященника Наво, дало Амарталу поводъ высказать слѣдующія правоученія: «аше оубо архирѣи старцю славою, кшоуже дѣтѣ прѣстоуиши и бѣсѣи кшоужа бѣу работавши, ничтоже сего кшоуже извести ѿ гнѣва бжго.... кшъ мы пришеи ѿбоушеніи, толики добродѣтели оного дадеи соудеи, и, стеромъ стрѣшавшима, молчимъ и ка рѣдимъ, кше же, кшъ оше прѣи ичъ и ѿтерюиши, ко дшоу нате прѣидиши. Іа

ніктоже гѣтъ, іко мнози и ваще Цни своихъ не береюще чадъ, ничтоже пострадаша, ікоже онѣ. Пострадаша оубо мнози многожды и поущше того, аще и мы не свѣдаемъ нишѣ ѿ многого печальствіа: ѿкоудю оубо впрасятъ смѣрти; ѿкоудю лютии одержимии недоузи, намъ и чадѣмъ нашимъ; ѿкоудю платежа, и скорби, и скрушенія?... И мы оубо, когда согрѣшаемъ, да смотримъ, аще достойни есмы мѣти, и аще что створихомъ, да помиловани боудемъ, аще ли покашхомъся, ли бѣстоупихомъ ѿ злыхъ нашихъ дѣлъ: оуклонибоса отъ зла и створи благо»¹. Изъ внезапнаго паденія Соломона, предавнагося грѣху — говоритъ Амартолъ — мы научаемся тому, что не должно прославлять человека прежде его смерти; ибо многіе подвижники, удивлявшіе всѣхъ строгою жизнью, неожиданно ипсепали съ высоты своей², и т. п. У Амартала изъ частнаго случая дѣлается общее примѣненіе, которое нисколько не объясняетъ описываемаго происшествія; у Пестора же такъ называемыя «поученія» служатъ самымъ прямымъ объясненіемъ историческаго разсказа.

Если бы нашъ лѣтописецъ былъ только рабскимъ подражателемъ, то его замѣтованія лишены были бы примѣненія къ Русскому быту, такъ что то, что сказано Византійцемъ о какомъ либо историческомъ лицѣ или событіи, отнесено бы было къ Русскому міру безо всякой внутренней связи съ нимъ. Но мы замѣчаемъ совершенно противное въ нашей лѣтописи: всякое кажущееся отступленіе связано въ ней съ главною нитью повѣствованія. Такъ слова пророка: «предложю праздницы ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданье» и др. приводятся по случаю того, что два нашествія Половцевъ на Русь были въ праздницы, Вознесенія Господня и св. Бориса и Глѣба³. Разсужденіе о непокорности воль отеческой и начинается и оканчивается чертами Русской дѣйствительности: «Святославъ еде Кыевъ, — говоритъ лѣтописецъ — прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, наче же Божью. Велии бо есть грѣхъ преступати за-

1. Временникъ Георгія Амартала, харатинная рукопись Московской духовной академіи. л. 79 — 80.

2. Тамъ же. л. 97.

3. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 93.

повѣдь отца своего, ибо исперва преступниа сынове Хамови на землю Синоу, и по 400 лѣтъ отмищеніе пріапа отъ Бога; отъ племени бо Синова суть Евреи, паче, избивше Хананійско племѣ, воспріапа свои жребіи и свою землю. Паче преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прии убійство: *не добро бо есть преступати предѣла чуждо¹*. Свидѣтельства, приведенныя выше стр. 167—168, о любви, заповѣдованной Богомъ, помѣщены въ дѣтониси потому, что Русскій князь Ярославъ пролилъ кровь свою за брата—любви ради, свершая заповѣдь Господню; самыя слова: «пригвозди на крестѣ, да въ намѣ крестъ свой на прогнаніе ненависти бѣсовскою», не составляютъ распространенія предыдущей фразы: «распнѣтся за ны грѣшныя», заключаѣ, быть можетъ, въ себѣ живой намекъ на современность — на клятву, запечатываемую крестомъ и водворяющую единодушіе и любовь.

У дѣтониса нашего не находимъ неумѣстныхъ подражаній; замѣтованія его оправдываются описанными имъ Русскими происшествіями, дававшими право и какъ бы заставлявшими дѣтониса говорить словами писателей, бывшихъ въ подобномъ ему положеніи. Начиная въ Библїи шокъ Кіевскій, будучи свѣдѣтелемъ нашествія Половцевъ, разорившихъ Кіевъ и поругавшихся надъ святыней, могъ выразить свое чувство словами пророка, призывавшаго гнѣвъ Божій на враговъ отечества, положившихъ истребить самое имя рожнаго пророку и священнаго города. Но странно было бы Кіевскому дѣтонису чувство скорби объ изгнаніи изъ Кіева Псалтыки братомъ его Всеволодомъ выражать только потому, что Византійскій дѣтонисецъ выразилъ свое чувство и мнѣніе о смерти Франческа папа Факса отъ руки пресмыка его Осин, и т. п. —

Чувство дѣтониса, какъ бы сильно оно ни было, никогда не преступаетъ мѣры справедливости, не переходитъ въ пристрастіе. Описываетъ ли покаяніе своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Песторъ не увлечется ни сдѣланною, ни безпомянутою ненавистью. Чувства его не безцѣльны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи: похва-

¹ Тамъ же стр. 24.

лы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе себѣ въ самомъ повѣствованіи. Иногда они выражаются посредствомъ сравненія съ лицами, увѣковѣченными сказаніемъ библейскимъ: такъ Владимиръ св. сравнивается въ лѣтописи съ Соломономъ, и первому отдается преимущество передъ послѣднимъ; но только въ одномъ отношеніи и по определенной причинѣ.

Замѣтивши о Владимирѣ, что онъ «бѣ женолюбецъ, яко же и Саломанъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «мудръ же бѣ (Соломонъ), а наконѣцъ погибе; се же (Владимиръ) бѣ невѣгола съ, а наконѣцъ обрѣте спасеніе¹». Съ Соломономъ сравниваетъ своего князя такъ же и Козьма Пражскій: по словамъ его, Брячиславъ превосходилъ мужествомъ въ бояхъ Гелеона, тѣлесною силою Самсона, мудростью Соломона: «quadam speciali prerogativa sapientiae praeiret Solomonem»². Видно, что Козьма Пражскій взялъ идеалы различныхъ доблестей и ради риторической фигуры примѣнилъ ихъ къ Чешскому князю; но громкія похвалы не вполнѣ оправдываются излагаемою исторіею Брячислава.

Предметъ, возбуждающій живѣйшее сочувствіе нашего лѣтописца есть отечество — «земля Русьская», о которой говоритъ онъ съ постояннымъ участіемъ; но это участіе обнаруживается само собою, въ содержаніи и тонѣ разсказа какъ о временахъ ея славы, такъ и о годахъ бѣдствій, конхъ лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ. Съ прискорбіемъ описываетъ онъ несчастія, наносимыя Русской землѣ Половцами и внутренними раздорами, и даетъ названіе «мужей смысленыхъ» гѣмъ, которые призывали князей къ единоушію и къ дѣятельнымъ мѣрамъ противъ враговъ: «рѣша има мужи смыслени: почто вы распри имата межъ собою, а поганіи губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нѣмѣ поидѣта противу поганымъ, любѣ съ миромъ, любѣ ратью». Онъ признаетъ необходимость борьбы со врагами отечества, называя «доброю» мысль, подвигающую на свитую брань: «вложи

1. Тамъ же стр. 34.

2. *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, 103. — *Monumenta*. XI, scriptorum IX, стр. 67.

3. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 93.

Югъ мысль добру въ Русьскыи князи — умыслиша дерзнути на Половцы и поити въ землю ихъ»¹.

Но и сама земля Русская, священная для летописца, не изображается имъ въ свѣтъ ложномъ, съ украшеніями, скрывающими истину. Первый приводимый въ летописи отзывъ о Русской землѣ чуждъ всякаго пристрастія; нельзя не признать искренности въ писателѣ, передавшемъ потомству достопамятныя слова: «рѣка Руси Чудь, Словѣни и Кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда въ пей нѣтъ»². Иначе поступали другіе летописцы: они старались осыпать свое отечество, въ особенности при первомъ извѣстіи о немъ, похвалами преувеличенными и искусственными. Козьма Пражскій говоритъ, что Богему, основателю Богеміи, стоило большого труда найти удобное мѣсто для жительства; послѣ долгихъ странствованій онъ открылъ наконецъ счастливую землю, лучше которой нельзя отыскать на всемъ земномъ шарѣ. Восторгъ свой при видѣ чудной земли онъ выражаетъ такими словами: *«haec est illa, haec est illa terra, quam saepe me vobis promisisse memini: terra obnoxia nemini, feris et volatilibus referta, nectare mellis et lactis humida et, ut ipsi perspicientis, ad habitandum aere jocunda. Aquae ex omni parte copiosae, et ultra modum piscosae. Hic vobis nihil deerit, quia nullus vobis oberit»*³.

Подобными же словами Мартинъ Галль, Польскій летописецъ XIV в., восхваляетъ свое отечество: *«Patria, ubi aer salubris, ager fertilis, silva melliflua, aqua piscosa, milites bellicosi, rustici laboriosi, equi durabiles, boves arabiles, vaccae lactosae, oves lanosae»*⁴.

Похвалы обоихъ летописцевъ сходны между собою по своей безцѣльности, и не имѣютъ большого значенія сравнительно съ основнымъ нашенъ летописи, меткимъ и оригинальнымъ, какъ народная поговорка.

1. Тамъ же стр. 117.

2. Тамъ же стр. 8.

3. *Scriptores rerum Bohemicarum*, I, стр. 7. — *Monumenta*, XI, scriptorum IX, стр. 33.

4. *Martin Galla Chronicon*, ed. *Bonditke*, 1824, стр. 17.

Любя отечество, Несторъ боялся клеветы и на враговъ его, и повѣствуя о дѣйствіяхъ непріятельскихъ, не искажалъ истины въ событіяхъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ рассказъ о войнѣ Русскихъ съ Поляками въ 1018 г., описанной какъ нашимъ лѣтописцемъ, такъ и Мартиномъ Галломъ.

Несторъ говоритъ: «приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава съ Іихы; Ярославъ же, совокуивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, приде Волынию, и стаща оба нощь рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемъ Будый, нача укарати Болеслава, глаголя: да то ти прободемъ трѣскою черво твоя толстое, бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могли сѣдѣти, но блаше смысленъ. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: аще ны сего укора не жаль, азъ единъ погыну. Всѣдъ на конь, вбрѣде въ рѣку и по немъ вон его; Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду; Болеславъ же вииде въ Кыевъ съ Святополкомъ»¹ и т. д. Въ этихъ словахъ нельзя не замѣтить отчетливости и безпристрастія: съ точностью указаны и племена, принимавшіе участіе въ войнѣ и число убѣжавшихъ мужей; побѣдителемъ названъ непріятель—Болеславъ. Насмѣшка надъ нимъ совершенно въ духѣ времени, напоминая собою, по замѣчанію Карамзина², насмѣшку короля Французскаго надъ тучностію Вильгельма Завоевателя³, и перебранки, которыми начинаются

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 62.

2. Исторія Карамзина. т. II, примѣч. 13.

3. Въ 1087 г. во время войны за Вексинъ Вильгельмъ Завоеватель заболѣлъ въ Руанѣ такъ сильно, что долго не оставалъ постели. По этому поводу Французскій король сказалъ въ насмѣшку, что и женщины никогда не страдаютъ такъ долго родами, и что если Вильгельмъ разрѣшится наконецъ отъ бремени, то прилітіе родильной молитвы отраздитъ съ большимъ блескомъ. Раздѣренный Вильгельмъ велѣлъ сказать Французскому королю, что братъ молитву прилетѣть во Францію, и вмѣсто блестящихъ свѣтилъ принесть съ собою нѣсколько тысячъ копій. Въ «Chronique de Normandie», которая до 1106 г. есть ничто иное, какъ переложеніе въ прозу такъ называемаго «Roman de Rou» (Rom — испорчен. Rollon) рассказано это такимъ образомъ: «Il advint comme Dieu vout que le Roy et Duc Guillaume enchut en maladie et y fut longuement. Et lui manda Phelippe roy de France se en Northmandie femme n'avoit si longuement geu de geine, et que se il relevoit jamais il deveroit avoir beau luminaire à se relevailles. Si en eut Guil

битвы у Гомера. Личнаго негодованія Лѣтописецъ не выражаетъ: онъ признаетъ даже достоинство въ противникѣ, вазывая его «смысленымъ».

У Мартина Галла напротивъ того нѣтъ ни обстоятельности въ приводимыхъ извѣстіяхъ, ни чувства справедливости къ непріятелямъ, ни умѣренности въ отзывѣхъ о своихъ соотечественникахъ; вмѣсто безпристрастнаго «смысленый» встрѣчаемъ оскорбительное названіе: *ignavissimus*, и т. п. По словамъ Мартина Галла, Болеславъ, вступивши въ Россію, разстѣлѣ Русскихъ передъ лицомъ своимъ, какъ вѣтеръ разбѣваетъ пыль: — Русскій князь удилъ рыбу въ то время, когда получено извѣстіе о приближеніи враговъ; узнавши о грозномъ нашествіи и обращаясь въ бѣгство, «*in ignominiam suae gentis proverbium protulisse fertur*» — говоритъ Мартинъ Галль; но самихъ словъ Русскаго князя не приводитъ. Болеславъ обнажилъ мечъ и ударялъ имъ въ золотыя ворота, говоря: «*sicut in hac hora aurea porta civitatis ab isto ense percutitur, sic in nocte sequenti soror regis ignavissimi, mi dari prohibita, corrumpetur*». Овладевъ Кіевомъ и вѣсми его сокровищами, Болеславъ возвращался восвоемъ; князь рѣшился его преслѣдовать съ Половцами и Печенѣгами (*cum Placis et Pincinaturis*). На берегахъ Буга произошло сраженіе: у Болеслава было не много войска, у противниковъ же — чуть не во сто разъ болѣе; но онъ не оробѣлъ: произнесъ къ воинамъ дивную рѣчь (примованною прозою; какъ кровожадный левъ ворвался въ ряды непріятельскіе, и — невозможно описать всѣхъ бѣдствій, нанесенныхъ имъ врагу, и исчислить несмѣтное множество погибшихъ. Вся прибрежная равнина загромождена была трунами, и въ Бугѣ текла уже не вода, а кровь.

Оставшая въ сторонѣ вѣрность разсказа историческую и основываваясь на одномъ способѣ изложенія, читатель можетъ сдѣлать опредѣленный выводъ о томъ, въ повѣствованіи котораго изъ Лѣтописцевъ обнаруживается болѣе желаніа передать су-

laime de-plaisir que il le ramponoit; et il manda que quant il releveroit que le roy le scauroit bien, et que il yroit en France oir la messe de ses relevailles, et y feroit allumer mille torches sans arc, dont les lumignons seroient de bois, et si y auroit mil gaulles garnies d'arciers es bouts pour lesdittes torches allumer.» (Receuil des historiens des Gaules et de la France, par Bouquet. T. XIII. стр. 240).

шую правду безъ всякихъ умышленныхъ неувѣрностей и при-
красть.

Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увле-
ченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества
лѣтописи Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть
наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывѣхъ объ исто-
рическихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ
вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается
въ *ровности изложенія*: у него нѣтъ порывовъ и витѣватыхъ
отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ укра-
шеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но за то она исполнена
внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и нѣтъ
сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго
и точнаго выраженія мысли.

Описанія сраженій и побѣдъ, печальной смерти и т. п. осо-
бенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотли-
выхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвя-
щаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ слу-
чаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота из-
ложенія.

Жестокая битва Ярославъ съ Печенѣгами описана безо вся-
каго пристрастнаго увлеченія и съ самою строгою точностью:
«Ярославу сущю Новгородѣ — говоритъ лѣтописецъ — вѣсть
приде ему, яко Печенѣзи остоятъ Кыевъ; Ярославъ събра вой
многъ, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вниде въ городъ
свой. И бѣ Печенѣгъ безъ числа. Ярославъ выступи изъ града
и исполни дружину: *постави Варягы посреди, а на правый сто-
ронѣ Кыяне, а на лѣвый кривъ Новгородци*. Печенѣзи при-
ступати начаша, и сступившася на мѣсть, идѣже стоитъ нынѣ
святая Софья, митрополия Русьская; *бы бо тогда поле вни гра-
да*. И бысть сѣча зла, и *одва одолю къ вечеру Ярославъ*; и по-
бѣгоша Печенѣзи раздо, и не вѣдихуся камо бѣжати, тояху въ
Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша
и до сего дне»¹.

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 65.

Описаніе смерти Ростислава, отравленнаго вѣроломными дру-
гоми, отличается совершенно спокойнымъ тономъ: «Ростиславу
сушу Тматорокани, и ежюшу дань у Касогъ и въ нѣхъ стра-
нахъ, сего же убоявшеся Грци, послаша съ дестю Котопана.
Оному же пришедшу къ Ростиславу и вѣрившюся ему, ча-
шеть и Ростиславъ. Единою же пьющу Ростиславу съ дружи-
ною своею, рече Котопанъ: княже! хочю на тя пити: оному же
рекшю: пій: онъ же испивъ половину, а половину дастъ князю
пити, дотиснувся пашемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ног-
темъ раствореніе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне
семага. Оному же и пившю, Котопанъ же пришедъ Корсуню
повѣдаше, яко въ сій день умереть Ростиславъ, яко же и бысть:
сего же Котопана побивша камнемъ Корсуньскіи люде. Бѣ же
Ростиславъ мужъ добль, ратень, возрастомъ же лѣтъ и крѣсенъ
лицемъ, и милостивъ убогимъ: и умре мѣсца февраля въ 3
день, и тамо положенъ бысть въ церкви святаѣ Богородица¹.

Какъ по мотиву преданія — объ отравѣ отъ челоѣка близ-
каго и доѣреннаго, такъ и по спокойствію, которое можно бы
назвать эпическимъ, — сказль лѣтописца напоминаетъ тѣ народ-
ныя пѣсни, въ коихъ говорится объ отравѣ брата сестрою, му-
жа женою и т. п. Въ одной изъ пѣсенъ разсказывается, какъ

«сестра брата извѣсть думала:
выходила посередь двора,
наливала чару прежде времени,
подносила брату милому.
Ты ней, сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ, наливаючи,
тебя, братецъ, поздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
у коня грива загорѣлася:
сходитъ молодецъ съ добра коня,
вынималъ свою саблю острую,
и сечилъ съ сестры буйну голову:
«не сестра ты мнѣ родимая,
а змѣя ты полкою моя».

1. Тамъ же, стр. 71—72

Онъ клалъ дрова среди двора
и онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
что до самаго до пепла;
онъ развѣялъ пухъ по чисту полю;
заказалъ всѣмъ тужить и плакать»¹.

Къ некоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное чувство, и оно выразилось въ повѣствованіи о нихъ, но выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій. Въ мѣстахъ, проникнутыхъ чувствомъ, рѣчь лѣтописца дѣлается не короче, какъ это бываетъ у многихъ писателей, а напротивъ того — длиннѣе: не мимовременно вспышку страсти передаетъ онъ, а чувство глубокое и постоянное, поддерживаемое многими обстоятельствами жизни и многими дѣйствіями людей.

Бѣдствія, постигнувшія Русскую землю съ нашествіемъ Половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній. «Половци воеваша много — говоритъ лѣтописецъ — и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогаша людье въ градѣ голодомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, заналиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведаша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьянска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣляеми, въ аличіи и въ жажіи и въ бѣдѣ опустивше лица, почернивши тѣлеса; незнаемою страну, языкомъ испаленымъ, нази ходяше и боси, ногы имущи сбодены терпемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другіа: «азъ сего села»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и въздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свидущему тайная»².

Особенною теплою чувства проникнута рѣчь лѣтописца въ тѣхъ случаяхъ, когда самое содержаніе ея такого свойства, что могло возбуждать умиленіе въ людяхъ, современныхъ изо-

1. Сказанія Русскаго народа, собранія Садировымъ. 1811. Т. I, книга третья, стр. 202.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 96.

бражескому пришествію. Вѣрность дуу времени составляет одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ нашей древней литературы. Въ летописи выражается участіе къ тому, къ чему не могли быть равнодушны Русскіе люди XI—XII в., не лишенные нравственнаго и умственнаго развитія — въ той степени, въ какой оно возможно было сообразно съ условіями вѣка.

Общую печаль о смерти доброго князя Шварца, произошедшую изобразить так: «иже противу ему востануша князь, а разбуженныя тѣхъ его на сани повозаша и, съѣхавъ попове и чюдотворца и носила и въ градъ, и не бѣ дѣла съидати тѣхъ во дворъ, велѣхъ вѣнчати: шварца же по немъ востануша князь Юрьи, Юрьевича же вѣнчаша по немъ шварца съ дружиною своимъ: иже, иже бѣ, что еси и живи боже печаль на сѣбѣ селъ, мнози вѣнчаша и по немъ сѣ людіи и отъ браня сего» се же писано въ сѣ бранѣ, но за браня сего въ сѣхъ глгоу сего».

[illegible]

власти, овъ сея, овъ же другоѣ; се же смириая ихъ, раздаваше волость имъ. Въ сихъ печали всташа и недуги ему, приспѣваше старость къ симъ; разболѣвшюся ему велики, посла по сына своего Володимера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и велики болиа сына, и плакавъся. Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меньшему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко, и приложися ко отцемъ своимъ¹. — Θεοδοσίη пришелъ однажды, говорить лѣтописецъ, «въ домъ Яневъ къ Яневи и къ подружью его Маріи: *Θεοδοσίη бо бѣ любя я, занеже живяста по заповѣди Господни и въ любви межю собою пребывааста; единою же ему пришедшю къ нима, и учашеть я о милостыни къ убогимъ, о наръствѣи небеснымъ, о смертнѣмъ часѣ. И се ему глаголющю о положеніи тѣла въ гробъ има, рече ему Яневая: кто вѣсть, кдѣ си мя положить? Рече же ей Θεοδοσίη: поистинѣ, *идѣ же мгу азъ, ты и ты положена будеши*»², и т. д.*

ЯЗЫКЪ И СЛОГЪ ДРЕВНЕЙ ЛѢТОПИСИ.

Въ языкѣ и слогѣ древней лѣтописи ясно различаются два элемента: Церковно-Славяскій и Русскій, отдѣляющіеся одинъ отъ другаго довольно рѣзко.

Первый является въ мѣстахъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія; не говоря о сплошныхъ выпискахъ, эти мѣста болышею частью прибавляются къ словамъ лѣтописца, и приставка такъ очевидна, что они составляютъ какъ бы вторую половину фразы, выражающей полную мысль. Связью служатъ обыкновенно слова: *не вѣдый яко, не вѣдуще яко*, и т. п., которыми лѣтописецъ соединяетъ мѣста заимствованныя съ собственною рѣчью, какъ напримѣръ: «Овъ же (Святославъ) не послуша матере, творяще поровы поганскія, *не вѣдый*, аще кто матере не послушаетъ, смертию да умретъ». Или: «рече Борисъ: ты го-

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 92 — 93.

2. Тамъ же. стр. 91.

това зри, азъ имъ противень велми: похвалится велми, не *мидый*, яко Богъ гордымъ противится, смиреннымъ дасть *благодать*. Или: Подовны *«словеса хулная глаголаху на святыхъ иконы, насмѣхающеся, не видуще, яко Богъ кажетъ рабы своя на пасти ратными, да явятся яко азато искушено въ торну»*¹.

Приведеніе текста всегда уместно, оправдываясь самимъ предметомъ, по поводу котораго встрѣчается. Такъ словами Св. Писанія выражена та мысль, что Богъ услышалъ молитву благочестиваго князя, сообщаемую лѣтописью. О Ярополкѣ сказано, что онъ *«моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! приими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже дѣла братома моего Борису и Глебу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, забуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражьи. Его же прошенія не лишитъ его благый Богъ: въсприѣ благая она, иже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце чювѣку не възиде, еже уготова Богъ любящимъ его»*².

Преобладающій элементъ въ языкѣ лѣтописи — въ разказѣ событій, который и составляетъ лѣтопись собственно — естъ Русскій. Въ лѣтописи сохранены многія замѣчательныя особенности древняго Русскаго языка.

Но изобразительности, по живости и силѣ, по древности и т. п. обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова и выраженія³:

Игорь же доиде въ Дунай, созва дружину и нача *думати* (=совѣщаться), повѣда имъ рѣчь цареву. 19.

Начаша *думати* дружина Ратибора со княземъ Володимиромъ о погубленіи Птицаревы чади. 97.

Моляшися за сына и за люди, *кормящи* сына своего до мужества его и до возраста его. 27.

И поча *марибити* мужѣ лучшіе, и отъ сихъ насели грады. 52.

И ведома въ вѣжѣ къ *сердобольству* своимъ. 96

1. Тамъ же. стр. 27, 86, 99. /

2. Тамъ же. стр. 88—89.

3 Царя при словахъ нѣхъ лѣтописи означается страницю то точа Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей.

Она же *хотящи домови*, приде къ патрeарху, благословенъа
просящи на доми. 26.

Есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырьми есмь
вышелъ. 53.

Понди, княже, на конихъ *около*: стоять бо Печенѣзи въ по-
розѣхъ. 31.

Принесе и къ собѣ въ келью и служаше *около* его. 83.

И назваша Ольга *высподи* трупъа. 32.

За *маломъ* бо бѣ не дошелъ Царяграда. 30.

Отъ *юда* бо и до *юда* пребывъ, умре. 89; — *дній* бо есть
отъ *юда* и до *юда* 300 и 60 и 5. 79. —

Предлогъ за въ значеніи: *въ продолженіе* времени.

Аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за *лѣто*. 75.

Пождѣте, да же вы *куны* соберуть, за *мѣсяць*; агдаша за
мѣсяць, и не дасть имъ. 33. —

Нашъ же съ весельемъ, на конѣхъ и пѣши, потокоша къ
нимъ. 118.

И постави *Сѣверъ* въ *чело* прогнву Варягомъ, а самъ ста съ
дружиною своею по *криюши*. 64. —

Созва Володимерь бояры своя и старци градьскіѣ, и рече
имъ:да что *ума придасте?* что отвѣщаете. 45.

Рече кудесникъ: конь, его же любими, отъ того ти умрети.
Олегъ же *примъ въ умъ* си, рече: никоимъже всаду на конь. 16.

И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: *азъ буду тобѣ въ*
сердце и въ *пріязньство*. 33.

Да отселѣ *имемъся въ едино сердце*. 109.

Все взяша *Ляхове* у него, *показавше ему* путь отъ себе. 78.

А жены и дѣти *вдаша на щиты*. 72.

Въ едину бо *нощъ бысть безъ вѣсти*. 75.

Митрополита *ужасть обиде*. 78.

Се поручаю *игуменьство* Стефану, не *дай* его въ *обиду*. 80.

Бѣ бо *Глѣбъ*.... *тень на впру* и *кротокъ*. 85.

И *азаста* межи собою *распря* и *котормы*. 93.

И *конемъ* ихъ не *бѣ спѣха* въ *ногахъ*. 118. —

Внезапу *свѣтъ* вося, *яко зракъ* *вынимая* *человѣку*. 82.

Бѣ бо *въздапо* ея при немъ *възываше*, *яко на кони стояще*
дослещи. 65.

Нѣкоторыя выраженія часто повторяются въ лѣтониси, напоминая собою подобное же повтореніе, любимое народною поэзією:

Рече же имъ Ольга: *люба ми-есть рѣчь ваша. 24.*

.Люба бысть рѣчь си дружинѣ. 30.

И бысть побѣда рече князю и всѣмъ людемъ. 46. —

И рече къудъ Ярополку: видиши, колко вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти, твори миръ съ братомъ своимъ.

И рече Ироноукъ: такъ буди. 33.

Рече Редеди къ Мьстиславу: что ради губивъ дружину межъ собою? по сьидевъ ся сама бороть. И рече Мьстиславъ: *такъ буди. 63.*

Зоветь вы князь Володимерь, рекъ тако: обувшеся, въ
тениѣ избѣ заутрокавше у Ратибора, прїидите ко мнѣ. Прече
Илариъ: тако буди. 97. —

Се же слышавъ царь, *радъ бысть*, и пошелъ къ нему
дары. 30.

Володимиръ же, радиъ бѣжъ, заложи городъ. 53.

Древляне же, ради бывше, внидоша въ градъ. 25. —

Бысть свѣча зѣла, яка же не была въ Ругѣ. 62.

Бысть Иоанъ мужъ хитръ книгамъ и ученю... и сякъ въ
бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ. 89. —

Летописью удержаны древнія поговорки, въ образѣ и
выраженія близкія къ нимъ по мягкости и вѣтхости:

Слышавшие же Деревяные, яко опять и! Душею
князем своимъ Маломъ: нице ся ~~взволнуетъ~~ ~~сказатъ~~ ~~въ~~ ~~дѣлѣ~~, ~~ни~~ ~~не~~
~~покинетъ~~ ~~все~~ ~~спрашу~~, ~~аще~~ ~~не~~ ~~убьютъ~~ ~~его~~; тако в сел. аще не убьютъ
его, то вся ны погубитъ. 23.

Реш. 11. Иероними Святотолку: се мы, кресто, пружены въ
любѣ, и речеши такъ: не хощемъ Святотолку, на сѣмъ сѣмъ
иже въ 2. разѣ иже въ сѣмъ тѣмъ, то въ сѣмъ. 117.

Речь куратора Раднннчмъ. гласнюще: Издатель члнмъ
днстн бнлнстн 36.

Стефан царь Вольдымаре съ Болгары, и рече к нему:

мира, или камень начнет плавати, а земля почнет то-
нути. 36. 1.

Рѣша дружина Игорева: ... еда кто вѣсть, кто одолѣеть,
мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтень? се бо не по земли
ходимъ, но по глубинѣ морьстей; обыча смертъ вѣсѣмъ. 19.

Рече Ольга: *уже мнѣ мужа своего не кресити*; но хочу вы
почтѣти на утрѣя предъ людьми своими. 24.

Разгнѣвася Ярославъ.... пославъ къ Новгородцемъ рече: *уже
мнѣ силъ не крѣсити*. 61.

Рече Святославъ: *уже намъ нѣкамо ся дѣти*, волею и нево-
лею стати противу. 30.

Святославъ рече дружинѣ своей: *потягнемъ, уже намъ не
лзѣ камо ся дѣти*. 74.

Рече Добрыня Володимеру: сѣгладахъ колодникъ, оже суть
вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, *пойдемъ искати
лапотниковъ*. 36.

Есть притѣча въ Руси и до сего дне: *полюбши аки Обръ*. 5.

Есть притѣча и до сего дне: *бѣда аки въ Родитѣ*. 33.

Посласта къ Ольгови и Давыдови, глаголюща: *пойдита на
Половци, да любо будемъ живи, любо мертви*. 118.

Рѣша вои (Святославу): *идѣ же глава твоя, ту и свои главы
сложимъ*. 30.

Аще лишена будевѣ, то оба: *азъ сложю главу свою за тя*. 86.

Утѣши Всеволода, и повелѣ собрати вои *отъ мала до ве-
лика*. 86.

Въ филологическомъ отношеніи замѣчательны:

1) Будущее время съ глаголомъ *хотѣть*:

1. Какъ въ приведенныхъ словахъ выражается мысль о вѣчномъ жрѣ, такъ
въ одной Южнорусской пѣснѣ мысль о вѣчной разлукѣ выражается тѣмъ, что
сынъ обѣщаетъ возвратиться къ матери тогда, когда перо станетъ тонуть, а ка-
мень — выплывать:

Сыну мой, коли приѣдешъ до насъ?
Тогда я, мене, приѣду до васъ,
Якъ павице перье насподъ потове,
А млиновыи камени наверхъ выплыяс.

(Сборникъ украинскихъ пѣсень, изд. Максимовичемъ. 1849. стр. 107, прим. 13.)

Онъ же (Святославъ) не внимаше того, глаголя: како азъ *хочю* инъ законъ *пріяти* едиць, а дружина сему смѣяться начнеть. 27.

Аще убью брата своего, *имѣти* ты *хочю* (друг. список.: *начну*) во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене. 32.

Аще не подѣступите завтра къ городу *предатись хотѣти* (друг. список.: *имѣть*) людье Печенѣгомъ. 28.

2) Образованіе сложныхъ временъ посредствомъ причастій, прошедшаго и настоящаго:

Азъ есмь мужъ его, и *пришелъ есмь* въ сторожѣхъ. 28.

Иже же не свѣдунъ рекоша, яко кій *есть* перевозникъ *былъ*. 4.

Призва старѣйшину конюхомъ, рка: кѣ *есть* конь мой? Онъ же рече: *умеръ естъ*. Олегъ же посмѣлся и увеса будесника, рка: конь *умеръ*, и я живъ. 16.

Иже *бѣ* *поставилъ* кормити. 16.

Быша бо мнози *поибли* на полку. 30.

Якоже преже *начали* *блгоумъ*. 8.

Олга же устремися съ сыномъ своимъ на Пскоростѣнь градъ, яко тѣ *блгу* *убили* мужа ея. 25.

Суть кости его и доселѣ тамо *лежаче*. 87.

Бѣ бо *умѣя* печенѣзски. 28.

И *бѣ* *володѣя* едиць въ Руси. 32.

Бѣ бо ловы *дѣя* Олегъ. 31.

3) Употребленіе причастій:

Была суть три братья: Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сѣлаша градокъ ось, и изгибона, и мы сѣдимъ *платяче* дань родомъ ихъ Казаромъ. 9.

Похорони вои въ лодьяхъ, а другія назадъ остави, а самъ *приде* *нося* Игоря дѣтска. 10.

И живяше Олегъ миръ *имѣя* ко всѣмъ странамъ, *княжа* въ Кіевѣ. 16.

4) Отдѣленіе, не постоянное впрочемъ, мѣстоименій, слившихся впоследствии съ глаголомъ:

Они же пережыгоша истоуку, и вѣзгоша Деревляне, *начаша* *ся* *мыти*. 25.

Уже намъ *нѣкамо* *ся* *дѣти*. 30.

Прешедше ту *ся* *вселиши*, и платять дань Руси: повозъ *везуть* и до сего дне. 36.

Вси гради ваша *предидиши* мѣ, и *ялися* по дань Дерев-
ляне же рѣкоша: ради ся *быхомъ* яти по дань, но хочещи
мышати мужа своего. 25.

Сиже ся *злюба* *склочи*. 94.

Ср. *иже* ся *бѣ* *родилъ*. 63.

5) Употребленіе именъ числительныхъ:

И *всѣхъ* *лѣтъ* княженъ Святославля, *лѣтъ* 20 и 8. 31.

И *бѣста* 12 *отрока* съ нимъ. 75.

2 *части* дани *иде*та Кіеву, а третьяя Вышегороду. 25.

Аще ли 2 *главъ* имѣеть сынъ твой. 117.

Одо^{лѣ} Святославъ *въ* *трехъ* *тысячахъ*, а Половецъ *бѣ* 12
тысячъ. 74.

6) Опущеніе предлоговъ:

Иде Вольга *Новгороду*. 25.

Волхвъ *явися* *Ростовъ*. 92.

Придоста *Тмутороканю*, и *яста* Ратибора, и *сѣдоста* *Тмуто-*
рокани. 87.

Томъ же *мѣсяци* братья створиша миръ межи собою. 116.

Томъ же *лѣтъ* совокупившася вся братья. 117.

7) Предлоги въ сложеніи съ глаголами:

Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль. 72.

Заратишася Торци Переяславистин на Русь. 87.

Егда же *подъняхуться*, *начынахуть* роптати на князь. 54.

8) Неопредѣленное наклоненіе, выражающее дѣйствіе не-
обходимое:

Помяну кошь свой, отъ него же *бяху* *рекли* *волсви* *укрети*
Ольгови. 16.

Повѣдая людямъ, яко на пятое лѣто *Дитюру* *помещи* *всвятъ*,
и *землямъ* *преступати* на нѣа мѣста. 75.

Сиче нама бози *молвять*, *не быти* нама *живымъ* отъ
тобе. 76.

Нама *стати* *предъ* Святославомъ, а ты не можещи *ство-*
рити ничтоже. 76.

9) Повелительное наклоненіе глагола *мочь*:

Не мози ихъ *держати* въ градѣ. 34.

Не мози *повѣдаги* никомуже отъ братьи. 90.

Ср. *Не мольте* *погубити* Русьскыѣ *земли*. 112.

Описаіе смерти Ростислава, отравленнаго вѣроломнымъ другомъ, отличается совершенно спокойнымъ тономъ: «Ростиславу сущю Тмуторокани, и емяюще даиъ у Касогъ и въ инѣхъ странахъ, сего же убоившеся Грѣци, послаша съ лествію Котопана. Оному же пришедшу къ Ростиславу и ввѣрившюся ему, чти-шеть и Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: княже! хочу на тя пити; оному же рекшю: пій; онъ же непивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувъся палцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенъе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дие семаго. Оному же непивши, Котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сій день умреть Ростиславъ, яко же и бысть; сего же Котопана побивша камнемъ Корсунѣтии людье. Бѣ же Ростиславъ мужъ добръ, ратень, возрастомъ же лѣтъ и красенъ лицомъ, и милостивъ убогимъ: и умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святаѣя Богородица»¹.

Какъ по мотиву преданія — объ отравѣ отъ человѣка близкаго и довѣреннаго, такъ и по спокойствію, которое можно бы назвать эпическимъ, разсказъ лѣтописца напоминаетъ тѣ народныя пѣсни, въ коихъ говорится объ отравѣ брата сестрою, мужа женою и т. п. Въ одной изъ пѣсень разсказывается, какъ

«сестра брата извести думала:
выходила посередъ двора,
наливала чару прежде времени,
подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ, наливаючи,
тебя, братецъ, поздравляючи.
Канула капля коно на гриву,
у коня грива загорѣлася:
сходитъ молодецъ съ добра коня,
вынималъ свою саблю острую,
и сонмалъ съ сестры буйну голову:
«не сестра ты мнѣ родимая,
а змѣя ты подколотная».

1. Тамъ же, стр. 71—72.

Онъ клалъ дрова среди двора
и онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
что до самаго до пепла;
онъ развѣялъ пухъ по чисту полю;
заказалъ всѣмъ тужить и плакать»¹.

Къ некоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось въ повѣствованіи о нихъ, но выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій. Въ мѣстахъ, проникнутыхъ чувствомъ, рѣчь лѣтописца дѣлается не короче, какъ это бываетъ у многихъ писателей, а напротивъ того — длиннѣе: не мгновенную вспышку страсти передаетъ онъ, а чувство глубокое и постоянное, поддерживаемое многими обстоятельствами жизни и многими дѣйствіями людей.

Бѣдствія, постигнувшія Русскую землю съ нашествіемъ Половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣливыхъ описаній. «Половци воеваша много — говоритъ лѣтописецъ — и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогаша людье въ градѣ голодомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьянска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ аличіи и въ жажіи и въ бѣдѣ опустивше лица, почеривши тѣлеса; незнаемою страну, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имущи сбодены терпемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другіа: «азъ сего села»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и въздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная»².

Особенною теплою чувства проникнута рѣчь лѣтописца въ тѣхъ случаяхъ, когда самое содержаніе ея такого свойства, что могло возбуждать умиленіе въ людяхъ, современныхъ изо-

1. Сказанія Русскаго народа, собранія Сахаровымъ. 1811. Т. I, книга третья, стр. 202.

2. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 96.

бражаемому произшествію. Вѣрность духу времени составляетъ одно изъ драгоценнѣйшихъ качествъ нашей древней лѣтописи. Въ лѣтописи выражается участіе къ тому, къ чему не могли быть равнодушны Русскіе люди XI—XII в., не лишенные нравственнаго и умственнаго развитія—въ той степени, въ какой оно возможно было сообразно съ условіями вѣка.

Общую печаль о смерти добраго князя (Ізяслава), лѣтописецъ изображаетъ такъ: «изиде противу ему весь городъ Кіевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и, съ нѣсему попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ изѣ слышати пѣнья во плачи, величѣ вопли: плакабояся по немъ весь градъ Кіевъ, Ярополкъ же идяше по немъ плачася съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою»¹.

Чувство глубокой привязанности предки наши выражали завѣщаніемъ быть погребенными рядомъ съ тѣми, къ коимъ питали расположеніе, желали «лежѣ у ихъ гроба» — какъ бы въ залогъ духовнаго союза, не нарушаемаго и могилою. Лѣтописецъ говоритъ о трогательномъ желаніи съ полнымъ сочувствіемъ; самый слогъ показываетъ, что слова идутъ прямо отъ души. Кончина великаго князя Всеволода и любовь къ нему отца его описаны въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «Всеволодъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю къ нему: сыну мой! благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты поконши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего по братии своей, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда Богъ отведетъ тя отъ житія сего, *ляжешъ, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее*. Се же сбытѣся отца его, якоже глаголатъ бѣ. Сему пріимшию послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего, се же, Кіевѣ княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящу ему въ Переяславѣ: сѣдящу бо ему Кіевѣ, печаль бысть ему отъ сыновей своихъ, яко пачаша ему стужати, хотя

1. Тамъ же, стр. 86.

власти, овъ сея, овъ же другоѣ; се же смириая ихъ, разла-
ваше волость имъ. Въ сихъ печали всташа и недужи ему, при-
спѣваше старость къ симъ; разболѣвшюся ему велии, посла по
сына своего Володимера Чернигову; пришедшу Володимеру,
видѣвъ и велии болюа сына, и плакавъся. Пресѣдящу Володи-
меру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшу же часу,
преставися тихо и кротко, и приложися ко отцемъ своимъ¹. —
Оеодосіи пришелъ однажды, говорить лѣтописецъ, «въ домъ
Яневъ къ Яневи и къ подружью его Марьи: *Оеодосій бо бѣ
любя я, запече живяста по заповѣди Господни и въ любви
межи собою пребываста; единою же ему пришедшу къ нима,
и учашеть я о милостыни къ убогимъ, о парствѣи небеснѣмъ,
о смертнѣмъ часѣ. И се ему глаголющу о положеніи тѣла въ
гробъ има, рече ему Яневая: кто вѣсть, кѣмъ си мя положить?*
Рече же ей Оеодосіи: *попстинѣ, идѣ же лигу азъ, ты и ты по-
ложена будеши. Се же събысться*»², и т. д.

ЯЗЫКЪ И СЛОГЪ ДРЕВНЕЙ ЛѢТОПИСИ.

Въ языкѣ и слогѣ древней лѣтописи ясно различаются два
элемента: Церковно-Славянской и Русскій, отдѣляющіеся одинъ
отъ другаго довольно рѣзко.

Первый является въ мѣстахъ, заимствованныхъ изъ Св. Пи-
санія; не говоря о сплошныхъ выпискахъ, эти мѣста болѣею
частью прибавляются къ словамъ лѣтописца, и приставка такъ
очевидна, что они составляютъ какъ бы вторую половину фра-
зы, выражающей полную мысль. Связью служатъ обыкновенно
слова: *не вѣдый яко, не вѣдуще яко*, и т. п., которыми лѣто-
писецъ соединяетъ мѣста заимствованныя съ собственною
рѣчью, какъ напримѣръ: «Онъ же (Святославъ) не послуша ма-
тере, творяще поровы поганскія, *не вѣдый*, аще кто матерю не
послушаетъ, смертию да умретъ». Или: «рече Борисъ: ты го-

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 92 — 93.

2. Тамъ же, стр. 91.

това зри, азъ имъ противень велми; похваливъся велми, не *видый*, яко Богъ гордымъ противится, смиреннымъ дасть благодать». Или: Подозвны «словеса хульная глаголаху на святыхъ иконъ, насмѣхающеся, не *видуще*, яко Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато некушено въ горну»¹.

Приведеніе текста всегда умѣстно, оправдывается самимъ предметомъ, по поводу котораго встрѣчается. Такъ словами Св. Писанія выражена та мысль, что Богъ услышалъ молитву благочестиваго князя, сообщаемую лѣтописью. О Ярополкѣ сказано, что онъ «моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! приими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже даждь братома моима Борису и Глебъ, отъ чююю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, свѣти вражии. Его же прошенія не лишитъ его благый Богъ: всерпіи благая она, иже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце чловѣку не възиде, еже уготова Богъ любящимъ его»².

Преобладающій элементъ въ языкѣ лѣтописи — въ разсказѣ событій, который и составляетъ лѣтопись собственно — естъ Русскій. Въ лѣтописи сохранены многія замѣчательныя особенности древняго Русскаго языка.

По изобразительности, по живости и силѣ, по древности и т. п. обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова и выраженія³:

Игорь же дошедъ Дуная, созва дружану и нача *думати* (=совѣщаться), повѣда имъ рѣчь цареву. 19.

Начаша *думати* дружина Ратибора со княземъ Володимеромъ о погубленіи Птцаревы чади. 97.

Моляшеся за сына и за люди, *кормяци* сына своего до мужества его и до возраста его. 27.

И поча *нарубити* мужѣ лучшіѣ, и отъ сихъ насели грады. 52.

И ведоша въ всеѣ кѣ *сърдоболемъ* своимъ. 96

1. Тамъ же. стр. 27, 86, 99. /

2. Тамъ же. стр. 88—89.

3. Цыра при словахъ изъ лѣтописи означаетъ страницу — то точка Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей.

Она же *хотящи домоти*, приде къ патреарху, благословенія
просящи на домъ. 26.

Есть у мене единъ сыгъ меншей *дома*, а съ четырма семь
вышелъ. 53.

Понди, княже, на концѣхъ *около*: стоять бо Печенѣзи въ по-
розѣхъ. 31.

Принесе и къ собѣ въ келью и слушаше *около* его. 83.

И наѣзаша Ольга *высходи* трупъ. 32.

За маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. 30.

Отъ юда бо и до юда *пробывъ*, умре. 89; — днѣи бо есть
отъ юда и до юда 300 и 60 и 5. 79. —

Предлогъ за въ значеніи: *въ продолженіе* времени.

Аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за *лѣто*. 75.

Пождѣте, да же вы куны *сберутъ*, за мѣсяць; ждаша за
мѣсяць, и не дасть имъ. 33. —

Нашѣ же съ весельемъ, на концѣхъ и пѣни, *потокоша* къ
нимъ. 118.

И постави Сѣверъ въ чело *противу* Варягомъ, а самъ ста съ
дружиною своею по *крилома*. 64. —

Созва Володимерь боляры своя и старци *градскіѣ*, и рече
имъ:да что *ума придасте?* что отвѣщаете. 45.

Рече кудесникъ: конь, его же *любими*, отъ того ти умерти.
Олегъ же *примъ въ умъ* си, рече: *никогдаже* всяду на конь. 16.

И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: *азъ буду тобѣ въ*
сердце и въ *пріязньство*. 33.

Да *отселѣ имемъся въ едино сердце*. 109.

Все взяша Лихове у него, *показаніе* ему *путь* отъ себе. 78.

А жены и дѣти *одаша на щиты*. 72.

Въ едину бо *нощъ бысть безъ вѣсти*. 75.

Митрополита *ужасть обиде*. 78.

Се поручаю *игуменьство* Стефану, не дай *его въ обиду*. 80.

Бѣ бо Глѣбъ..., *теплъ на впру* и *кротокъ*. 85.

И *азяста* межн собою *распря* и *котормы*. 93.

И *конемъ ихъ не бѣ силъ* въ *ногахъ*. 118. —

Внезапу *свѣтъ* *вося*, *яко зракъ* *вынима* *человѣку*. 82.

Бѣ бо *въздапо* ея *при немъ* *възыше*, *яко на кони* *стояще*
дослци. 65.

Нѣкоторыя выраженія часто повторяются въ лѣтописи, напоминая собою подобное же повтореніе, любимое народною поэзіею:

Рече же имъ Ольга: *люба ми-єсть рѣчь ваша*. 24.

Люба бысть рѣчь си дружинѣ. 30.

И *бысть любя рѣчь* князю и всѣмъ людемъ. 46. —

И рече Іудъ Ярополку: видиши, сколько вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти, твори миръ съ братомъ своимъ.

И рече Ярополкъ: *такъ буди*. 33.

Рече Редеди къ Мъстиславу: что ради губишь дружину межи собою? по снѣдѣи ся сама бороть. И рече Мъстиславъ: *такъ буди*. 63.

Зоветь ны князь Володимерь, рекъ тако: обувшеся, въ тенѣ избѣ заугрокавше у Ратибора, приѣдите ко ми. И рече Псларь: *такъ буди*. 97. —

Се же слышавъ царь, *радъ бысть*, и посла къ нему дары. 30.

Володимерь же, *радъ бывъ*, заложилъ городъ. 53.

Древляне же, *ради бывше*, выйдоша въ градъ. 25. —

Бысть сѣча та, *яка же не была въ Руси*. 62.

Бысть Іоанъ мужъ хитръ книамъ и ученью.... и сякого не *бысть* преже въ Руси, ни по немъ не *будетъ* сякъ. 89. —

Лѣтописью удержаны древнія пословицы, поговорки и выраженія близкія къ нимъ по мѣткости и наглядности:

Слышавше же Древляне, яко опять иде... думавше со княземъ своимъ Маломъ: *аще ся въздвигъ какъкъ въ оуцѣ, то вымощитъ все стадо, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьютъ его, то вся ны погубитъ*. 23.

Рѣша Цвггорици Святлополку: се мы, княже, присланы къ тебѣ, и рекли ны тако: не хотимъ Святлополка, ни сына его: *аще ли 2 князь живетъ сынъ твой, то пошли и*. 117.

Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: *Пищаницы выдвѣхъ днѣсти выдвѣхъ*. 36.

Створи миръ Володимерь съ Болгары, и ротѣ заходѣша межи собѣ, и рѣша Болгаре: *тогда не будетъ между нами*

жира, оли камень начнет плавати, а земля почнетъ то-
нути. 36. ¹.

Рѣша дружина Игорева: ... еда кто вѣсть, кто одолѣть,
мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтень? се бо не по земли
ходимъ, но по глубинѣ морьстїи; обьча смерть всѣмъ. 19.

Рече Ольга: уже мнѣ мужа своего не кресити; но хочу вы
почтати на утрїя предъ людьми своими. 24.

Разгнѣвася Ярославъ.... пославъ къ Новгородцемъ рече: уже
мнѣ силъ не кресити. 61.

Рече Святославъ: уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и нево-
лею стати противу. 30.

Святославъ рече дружинѣ своей: потягнемъ, уже намъ не
лзѣ камо ся дѣти. 74.

Рече Добрыня Володимеру: съгнѣдахъ колодникъ, оже суть
вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искати
лапотниковъ. 36.

Есть притѣча въ Руси и до сего дне: погибшии аки Обрѣ. 5.

Есть притѣча и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ. 33.

Посласта къ Ольгови и Давыдови, глаголюща: поидита на
Половци, да либо будемъ живи, либо мертви. 118.

Рѣша вои (Святославу): нѣ же глава твоя, ту и свои главы
сложимъ. 30.

Аще лишена будевѣ, то оба: азъ сложду главу свою за ти. 86.

Утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои отъ мала до ве-
лика. 86.

Въ филологическомъ отношенїи замѣчательны:

1) Будущее время съ глаголомъ *хотѣть*:

1. Какъ въ приведенныхъ словахъ выражается мысль о вѣчномъ жрїѣ, такъ
въ одной Южнорусской пѣснѣ мысль о вѣчной разлукѣ выражается тѣмъ, что
сынъ обѣщаетъ возвратиться къ матери тогда, когда перо станетъ тонуть, а ка-
мень — выплывать:

Сыну мой, коли прїѣдешь до насъ?

Тогда я, мене, прїѣду до васъ,

Якъ павице перье всподъ потове,

А млиновыи камень наверхъ выплыне.

(Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, изд. Максимовичемъ. 1849. стр. 107, прим. 135)

Вси гради ваша *предашася* мѣ, и *ялися* по дань Дерев-
ляне же рѣкоша: ради *ся* быхомъ *яли* по дань, но хоцешу
мшати мужа своего. 25.

Снже *ся* злоба *сключи*. 94.

Ср. *иже* *ся* бѣ *родилъ*. 63.

5) Употребленіе именъ числительныхъ:

И *всѣхъ* лѣтъ княженья Святослава, *лѣтъ* 20 и 8. 31.

И *бѣста* 12 *отрока* съ нимъ. 75.

2 *части* дани *иде*та Кіеву, а третьяя Вышегороду. 25.

Аще *ли* 2 *главъ* имѣеть сынъ твой. 117.

Одо^{лѣ} Святославъ въ *трехъ* *тысячахъ*, а Половецъ бѣ 12
тысячъ. 74.

6) Опущеніе предлоговъ:

Иде Вольга *Понугороду*. 25.

Волхвъ *явися* *Ростовъ*. 92.

Придо^{ста} Тматороканю, и *яста* Ратибора, и сѣдо^{ста} Тматоро-
кани. 87.

Томъ же *мѣсци* братья створиша миръ межи собою. 116.

Томъ же *лѣтъ* совокупишася вся братья. 117.

7) Предлоги въ сложеніи съ глаголами:

Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславъ. 72.

Заратишася Торци Черяславѣстѣи на Русь. 87.

Егда же *подгнѣхуться*, *начнѣхуть* роптати на князь. 54.

8) Неопредѣленное наклоненіе, выражающее дѣйствіе не-
обходимое:

Помяну конь свой, отъ него же *бяху* рекли волсви *умрети*
Ольгови. 16.

Повѣдая людямъ, яко на пятое лѣто Диѣпу *помещи* вснати,
и *землямъ* *преступати* на ина мѣста. 75.

Снче нама бози *молвять*, *не быти* нама живымъ отъ
тобе. 76.

Нама *стати* предъ Святославомъ, а ты не можешу ство-
рити ничтоже. 76.

9) Повелительное наклоненіе глагола *мочь*:

Не мози ихъ держати въ градѣ. 34.

Не мози повѣдати никомуже отъ братьи. 90.

Ср. *Не мольте* погубити Русьскыя земли. 112.

10) При именахъ собирательныхъ множественное число, но не исключительно:

На Бѣлозерѣ сѣдять *Весь*. 5.

Русь поидоши противу имъ.... Половци же слышавше, яко *идеть Русь*. 118.

Дружина сему смѣяться *начнутъ*. 27.

И *рекоша дружина* князю. 73.

Другая половина людѣи *приде* отъ погребѣ. 90.

А *прокъ*¹ ихъ *пробиюши* и до сего дне. 65.

11) Образование предложеній; предложенія главные и придаточныя; ихъ взаимное отношеніе. Общій характеръ лѣтописнаго языка, выразившійся въ устройствѣ рѣчи вообще—въ особенностяхъ синтаксическихъ.

Вмѣсто придаточныхъ предложеній болѣею частью употребляются главные. Они соединяются между собою союзомъ и, иногда же — союзомъ а:

Святославъ *вборзѣ* *всѣде* на конѣ съ дружиною своею, и *приде* Кіеву, *цѣлова* мать свою и дѣти своя, и *сѣжался* о бывшемъ отъ Печенѣгъ, и *собра* вой, и *прогна* Печенѣги въ поле, и *бысть* миръ. 28.

Совокупившася *вся* братья ... и *прислаша* Половци *слы* отъ *всѣхъ* князѣи ко *всей* братѣи, *просише* мира; и *рѣша* имъ Русскыи князи: да *еще* *хощете* мира, да *совокупимся* у Сакова; и *послаша* по Половцѣ, и *снѣшася* у Сакова, и *створиша* миръ съ Половци, и *поиша* тали *межи* собою, *мѣсяца* *сентября* въ 15 день, и *разидошася* *разно*. 117.

Всѣ извѣстія подъ 1031 г. состоятъ изъ ряда короткихъ предложеній, соединенныхъ союзомъ и:

Въ лѣто 6539. Ярославъ и Мстиславъ *собраста* *вои* *многы*, *идоста* на Ляхы, и *заяста* грады Червеньскыя *опять*, и *повоеваста* Лядскую *землю*, и *многы* Ляхы *приведоста*, и *раздѣлиста* я, и *посади* Ярославъ *своя* по Рси, и *суть* до сего дне. 64—65.

Святославъ же *прія* дары и *поча* *думати* съ дружиною своею, *рыкающе*: *еще* не *створимъ* *мира* со *царемъ*, а *увѣсть* *царь*, *яко*

1. *Прокъ* — остальные, прочие; въ некоторыхъ спискахъ лѣтописи вмѣсто *прокъ* поставлены *прочѣи*, *остатки* и т. п. Церковно-Славянск. *прокъ* соотвѣствуетъ Греч. *λοιπός* — *reliquus*.

мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градъ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможетъ. 30.

Приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передьслава: си: отецъ ти умеръ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевъ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюди ея повелію. 61.

Впрочемъ придаточныя предложенія не вовсе чужды языку лѣтописи: они соединяются съ главными или посредствомъ причастіи, служащихъ сказуемыми, или посредствомъ относительныхъ мѣстоименій и союзовъ: *атъ, яко, да, бо*.

Взяша главу его и во лѣбъ его съдѣлаша чашно, *оковавше лобъ его*, и пяху по немъ. 31.

Другая половина людей приде отъ погреба, *отворивше погребъ*; и рекоша дружина: *а что се это есть*, посла ко Всеславу, *атъ, призвавше лествю къ окону, пролазуть и мечемъ*. 73.

Положите хлѣбъ предъ нимъ, а не вкладайте въ руки ему, *атъ самъ ѣстъ*. 83.

Узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свѣдальни: *и захавъ уби и, бо бо лавы дѣя* Олегъ. 31.

Предложенія съ союзомъ *бо* соответствуютъ вводимымъ позднѣйшаго синтаксиса, какъ на примѣръ:

Сѣде въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогьволоду Полотъску, глаголя: *хочю пояти дѣчерь твою собѣ женѣ*. Онъ же рече дѣчери своей: *хочеши ли за Володимера?* она же рече: *не хочю розути робичича, но Ярополка хочю*. *Бѣ бо Рогьволодъ пришель изъ заморья, имяше власть свою въ Полотъскъ*.... И придоша отроки Володимирови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогьвѣдину, дѣчери Рогьволождѣ, князя Полотъскаго. 32.

Предложенія придаточныя причастными выражаются и въ формѣ дательнаго самостоятельнаго — падежа весьма употребительнаго какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ сложнаго предложенія:

Что ради погубиста только человекъ? *Онѣма же рекшема, яко ти держать обилие, да аще истребиши сихъ, будетъ гобино; аще ли хочеши, то передъ тобою вынемемъ жито, ли рыбу, ли ино что*. Ягъ же рече: *поистинѣ скажи то, и т. д.* 75.

Повелѣ бити я и потергати бранѣ ея. *Сами же менюма и бранѣ ея потергати* проскъномъ, рече има Ягъ: что вама боли

молвить? *Онѣмъ же рекшема: стати намъ предѣ Святославомъ. И повелѣ Ицѣ вложити рубль въ уста има, и т. д.* 76.

Основана бысть церкы Печерская игуменомъ Феодосиемъ и епископомъ Михаиломъ, *митрополиту Георгію тогда сущю въ Грыцѣхъ, Святославу Киевѣ судящю.* 76 — 79.

При связи посредствомъ мѣстоименія, въ придаточномъ предложеніи часто повторяется слово, къ которому относится мѣстоименіе:

Приходившию ему ко царю, якоже сказануть, яко велику честь пріять *отъ царя, при которомъ приходилъ царю.* 4.

Заложки Ярославъ *городъ великій, у него же гради суть златая врата.* 65.

Какъ повторяются отдѣльные слова, такъ повторяются и цѣлыя фразы, съ легкими замѣненіями въ словахъ:

Ициѣ сѣдоша по Двину и *нарекшася Полочане рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сѣя прозвашася Полочане.* 3.

И *положена бысть въ печерскомъ монастырѣ у дверей, яже ко уру, и подлѣаша надъ нею божонку, и дѣже лежить тѣло ея.* 121.

Въ се же дѣло преставися Ицѣ..... *отъ него же и азъ многа словеса слышалъ, еже и вписалъ въ дѣтописаньи семъ отъ негоже сѣ азъ.* 120.

Умре Болеславъ великій въ Лясехъ, и *бысть мятежъ въ земли Лядскѣ: вставше людѣ избивша епископы, и поны, и бояры свои, и бысть въ нихъ мятежъ.* 64.

Подобныя повторенія едвали можно объяснять, отчасти по слѣдамъ Шленера и Миклюшча, единственно ошибками, невѣжествомъ и умничаньемъ переписчиковъ. Съ одной стороны, переписчики не до такой степени произвольно обращались съ текстомъ, чтобы совершенно исказить его; съ другой стороны, приведенныя особенности такъ постоянны, что съ большою справедливостью могутъ быть отнесены (хотя и не вполне) къ древнему дѣтописцу, нежели къ тѣмъ людямъ, черезъ руки которыхъ проходилъ текстъ его до XIV в.

Повтореніе фразъ, выражающихъ одну и ту же мысль, составляетъ отличительную черту языковъ, еще необработанныхъ грамматически. Это изобиліе словъ служитъ признакомъ разго-

ворнаго элемента, вліяння живої рѣчи, стремленіе которой сдерживается мало по малу въ письменномъ употребленіи языка. Замѣчаютъ, что челоѣку, особенно же въ началѣ его умственнаго образованія, свойственно въ устной рѣчи прибавлять къ главной мысли множество мыслей дополнительныхъ; онъ не скушится на слова, и не стѣсняется повтореніемъ того, что уже сказано, будучи управляемъ въ этомъ случаѣ не столько строгими требованіями ума, сколько движеніемъ чувства. Въ богатствѣ мыслей дополнительныхъ филологи видятъ зародыши грамматическихъ категорій, которыя съ теченіемъ времени достигаютъ блестящаго развитія во многихъ языкахъ¹. Какъ бы то ни было, есть основаніе допустить, что для выраженій нашего лѣтописца, повидимому многословныхъ, скорѣе всего должно искать причины въ современномъ ему состояніи Русскаго письменнаго языка. По крайней мѣрѣ, ни чѣмъ инымъ не объясняется такъ естественно повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ писателемъ, который вообще не любитъ лишнихъ словъ, и передаетъ мысли самымъ точнымъ образомъ, уклоняясь отъ всего того, что не идетъ прямо къ дѣлу. Известно, что синтаксисъ языка развивается вмѣстѣ съ развитіемъ народа. Фразы, въ началѣ не подчиняемыя другому закону, кромѣ движенія души въ ту минуту, когда пишутся строки, принимаютъ въ послѣдствіи болѣе стройный видъ, располагаются по требованіямъ грамматики, округляются и образуютъ плавную рѣчь.

Въ отношеніи условій правильности, предлагаемыхъ теорією, синтаксисъ у писателей послѣдующихъ обыкновенно бываетъ совершеннѣе, нежели у ихъ предшественниковъ. Но, вырабатываясь синтаксически, языкъ теряетъ первобытную свѣжесть и свой естественный колоритъ: выраженія, исполненные жизни, хотя и не расположенныя симметрически, уступаютъ мѣсто мѣстѣ яркимъ, иногда даже безцвѣтнымъ, искусственно связаннымъ въ одно цѣлое.

Для нагляднаго подтвержденія этой истины въ отношеніи къ языку нашей древней лѣтописи, слѣдуетъ разсказать ей

1. *Humboldt: Sur la nature des formes grammaticales en général, etc. Paris, 1827, стр. 31 — 32. — W. Humboldt's Gesammelte Werke. Berlin. Siebenter Band. 1852, стр. 334.*

вы честь?» Они же рѣша: «пусти ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я живы; и посыпаша я. —

Степенная Книга ¹.

Глагола къ нимъ: «добре, яко приидоста сѣмо, о мужіе! глаголите же, что ради приидосте?» Они же рекоста: «приидохомъ, о госпоже! Деревская земля посла насъ возвѣстити тебѣ, яко князь твой отягча насъ данію, а довола не имый, сего ради убіенъ бысть. Наши же князи добры суть, и ты поиди за нашего князя Мала», нике тако зовомъ бѣ. Ольга же глагола къ нимъ: «люббовна ми суть словеса ваша, никтоже бо можетъ мертвого воскресити, тако ни азъ могу мужа своего воставити господствующаго ваши, его же вы убиете; нынѣ же идите въ лодію вашу, и завтра, егда поспю по васъ, и вы величающесе рцѣте посланнымъ отъ меня по васъ: «мы пѣши не идемъ, и на конѣхъ не всядемъ; но понесите насъ на главахъ вашихъ взявше съ лодією. Егда понесутъ вы, и тогда величе честь отъ мене приимите предъ людьми нашими». Они же, послушавше ея, идоста въ лодію свою, и завтра посла по нихъ. Древляне же гордящесе сѣдиху въ лодіи, и глаголаша, якоже Ольгою научены, велиху нести себе и съ лодією на главахъ. Кіевстѣи же людіе насмѣхающесе безумію ихъ, яко повинующесе, и глаголаху: «князя не имамы, а княгиню поемлете въ вашего князя, и нѣсть нынѣ нашей воли»; и взяша ихъ съ лодією на главы и принесоша ихъ на теремный дворъ, нике бѣ виѣ града Кіева. Ольга же зряше изъ терема. И вринула ихъ живыхъ во уготованную имъ глубокую яму, глаголюще: «угодна ли есть вамъ честь сія?» Они же ввержени вопіяху: «о, горе намъ! аще и убихомъ Игоря, а блага не обрѣтохомъ, но паче горшая злая праведно по дѣломъ нашимъ постигоша насъ»; и живы засыпаны быша.

Домоносовъ ².

Дасково отвѣчала представившимъ предъ нею съ дерзостною рѣчью, что они отъ Древлянской земли посланы

1. Книга Степенная (изд. Миллеромъ). 1775. Часть I, стр. 10—11.

2. Сочиненія Домоносова, изд. Смирдина. 1850 Т. III, стр. 161—166.

ей сказать: «мужа твоего убили мы за отягченіе насъ безмѣрною данію, которою однако еще не довольствовался, какъ волкъ насъ разхищая. Наши князи добронравны; обогатили свое владѣніе земледѣльствомъ; и тебѣ прилично посягнуть за князя нашего Мала». «Люба мнѣ рѣчь ваша, сказала премудрая Ольга, уже не возкресить мнѣ своего супруга. Въ оказаніе моего благоизволенія къ вашему князю и къ вамъ, окажу вамъ честь и преимущество предъ людьми своими. Нынѣ возвратитесь въ судно ваше спокойно, а завтра умѣйте имъ показать свое преимущество. Въ слѣдующій день пришли посланные отъ Ольги на берегъ, къ Древлянскому судну, прося ихъ по княгинини повелѣнію въ городъ на изготовленную для нихъ почесть. Древляне величались отвѣтствовать: «не хотимъ ни пѣши, ни на коняхъ идти съ вами; вы въ ладѣ нашей на головахъ своихъ насъ понесите». Повинуясь раболѣпно, посланные съ такимъ страннымъ позорищемъ вошли на дворъ теремной Ольга смотря съ высоты его, и смѣясь глупой гордости, величаніе ихъ въ горестъ превратила. Въ уготовленную на дворъ парочную яму повелѣла съ ладьею Древлянъ вдругъ повергнуть, и приблизясь, спросила: «довольно ли приятна имъ оказанная на сватовствѣ почесть. Древляне съ разкаяніемъ и страхомъ въ ямѣ кричали, что Игорева смерть не принесла имъ пользы, и что за ихъ злодѣяніе предана достойной казни. Она совершена вскорѣ—засыпаніемъ ихъ живыхъ въ землѣ по Ольгини повелѣнію.

Исторія 1.

Въ си же времена Мстиславу сущю Тмутороканю, поиде на Касоги. Слышавъ же се князь Касожскій, Редедя, изиде противу тому, и ставиша обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мстиславу: «что ради губишъ дружину межн собою? но сиидеѣ ся сама бороть: да аще одолѣши ты, то возмещи имѣние мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мстиславъ: «такъ буди». И рече Редедя ко Мстиславу: «не оружемъ ся бѣевъ, но борьбою». И ястася бороти

1. Полное собраніе Русскихъ летописей. I, стр. 63

крѣпко; и надолѣ борющемася има, нача изнемагати Мстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мстиславъ: «о пречистая Богородице! помози ми; аще бо угодѣю тебѣ, сзакую церковь во имя Твое». И се рекъ, удари имъ о землю, и выize ножь, зарѣза Редедю. Шедъ въ землю его, взя все имѣние его, жену его и дѣти его, и данъ възложи на Касоги. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святаѣя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани.

Степенная Книга ¹.

Бысть же нѣкогда, подвигнуся ему изъ Тмуторокани съ воинствомъ своимъ на Касоги, князь же Касожскій, именемъ Редедя, устремись противу ему такоже съ воинствомъ своимъ... и глагола къ Мстиславу: «почто намъ бранію пагубѣ предати многіа люди? Оставимъ каждо насъ люди наша, и сами единъ со единымъ сидедемъ и боремъ; и кто одолѣеть, той обѣ державѣ со всемъ достояніемъ прииметь».... Мстиславъ не отречеся самъ единъ братися со иноплеменикомъ за всея люди своя.... И начаша братися, и яко одолѣвати мняся Редедя, и тогда благоразумный Мстиславъ... глаголя: «о пресвятая Госпоже Владычице! помози ми;... егда же поможеши ми, и тогда въ Тмуторокани воздвигну церковь во имя Твое — истинныя Божія Матере». И абѣ услышана бысть молитва его, и изложи союстата своего безбожнаго Редедю, и удари имъ о землю, и ножемъ своимъ закла его.... и приять всю область его, и жену его, и чада его, и все имѣние его; и данъ възложи на Касоги. И прииде въ Тмуторокань, чудесну побѣду нося помощію пресвятаѣя Богородица, сяже имени и церковь воздвиге, якожъ обѣщася.

Ломоносовъ ².

Около сихъ временъ Мстиславъ, господствуя въ Тмутораканѣ, ходилъ на Касоговъ. Редеди, князь ихъ, сталъ противу со своею силою, и выслатъ ко Мстиславу вызывать его на единоборство, съ условіемъ, что побѣдитею взять безъ большаго кровопролитія имѣние, жену, дѣтей и землю

1. Книга Степенная. Часть I, стр. 214—215.

2. Сочинения Ломоносова, изд. 1830. Т. III, стр. 238—239.

побѣжденнаго; и чтобы поединку быть безъ военнаго оружія, борьбою. Согласились въ томъ оба соперники, сошлись между обѣими войсками, и къ борьбѣ сѣлились. Долгое время сомнительно казалось одолѣніе. Наконецъ Метиславъ, чувствуя силу своихъ ослабѣніе противъ Редеди, превосходнаго возрастомъ и крѣпостію, въ погѣ и въ одышкѣ возошлѣ отъ сердца: «подай мнѣ одолѣніе, Божія Маги — храмъ въ честь Тебѣ воздвигну». Съ тѣмъ словомъ ударилъ о землю противоборца, и поскъ воззлѣ въ горло. Потомъ вскорѣ съ побѣдою вступилъ въ его землю, наложилъ дань, и плѣненную жену побѣжденнаго съ дѣтьми привелъ въ Туутараканъ съ собою. Обѣшанная за одолѣніе церковь заложена и вскорѣ построена. —

Нельзя не согласиться, что слогъ и синтаксисъ у писателей послѣдующихъ обработаніе слога и синтаксиса у дѣтониса. У нихъ не повторяются одни и тѣже слова и предложенія, какъ напр. «внесете вы *въ лоды*; и внесутъ вы *въ лоды*; и отпусти я *въ лоды*» или «и помню Олегъ конь свой, *иже бы постигати кормити* и призва старѣйшину конюхомъ, рка: кдѣ естъ конь мой, *его же быхъ постигати кормити*»; два предложенія не заключаютъ въ себѣ совершенно одинаковой мысли, подобно слѣдующимъ: «*спраго молвити* волеви, но все то *дѣи естъ*» и т. п.; нѣтъ отрывочныхъ предложеній, однообразно соединяемыхъ между собою союзомъ и, — по крайней мѣрѣ подобное соединеніе предложеній встрѣчается гораздо рѣже, нежели въ дѣтониси, и т. п. Но за то въ позднѣйшихъ памятникахъ нѣтъ и живыхъ слѣдовъ разговорной рѣчи, удержанныхъ языкомъ дѣтониси. Въ послѣднемъ преобладаетъ разговорный элементъ, ослаблявшійся постепенно въ письменной словесности и наконецъ исчезнувшій подъ сильнымъ вліяніемъ книжнаго. Чтобы ясно представить взаимное отношеніе двухъ элементовъ, стоитъ только сравнить между собою выраженія, подобныя слѣдующимъ: «добра ли вамъ честь? *Нуждѣи? Игорѣи смерти*» и «аще убихомъ Игоря, по паче горшая злая постигнута насъ»; — «взя все имѣнье его, жену его и дѣти его» и «*плѣненную жену побѣжденнаго съ дѣтьми привелъ съ собою*»; — «*внесоша и и положиша и на ко-ри, и приде Игорьъ*», надѣи:»

плакася» и «на коверъ положенное тѣло увидѣвъ Прополю възрыдалъ горестно», и т. д.

12) Преобладаніе разговорнаго элемента, замѣчаемое въ составѣ и связи предложеній, въ слогахъ лѣтописи вообще, обнаруживается и въ способѣ размѣщенія предложеній въ словъ. Вникая въ лѣтописный порядокъ словъ и предложеній, чувствуешь естественность его образованія подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній. Какъ въ бѣгомъ разговорѣ слова слѣдуютъ одно за другимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ возникаютъ въ умѣ говорящаго, такъ и въ лѣтописи не видно постоянной системы словорасположенія, а слова передаютъ мысли въ той неудовимой вполнѣ послѣдовательности, въ которой движутся сами мысли, быстро смѣняясь одни другими. Въ некоторыхъ предложеніяхъ составныя части не слиты въ одно цѣлое, какъ бы сохраняя свою первоначальную отдѣльность, произшедшую отъ того, что они вписывались по мѣрѣ появленія въ головѣ мыслей, въ нихъ выраженныхъ, какъ на примѣръ:

Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина, въ святѣй Софѣи, собравъ епископы. 67.

Отъ Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимерь, отъ царицы Грыкыни. 69.

И воевода нача Святополкъ, ѣздя възъѣзъ берегъ, укарати Новгородѣ. 61.

Въ се же лѣто умре Брячиславъ ... и Всеславъ, сынъ его, съде на столѣ его, его же роди мати отъ вѣхъвованья. 67. —

Сказуемое большею частью предшествуетъ подлежащему:

Нача изнемагати Мьстиславъ. — Бѣ бо великъ и силенъ Ределя. 63. — Преставися Вячеславъ Смоленскѣ. — Иде Всеволодъ на Торкы. — Побѣди Изяславъ Голяди. — Преставися Игорь, сынъ Ярославъ. — Придоша Половци первое на Русскую землю воевать. — Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю. — Иде Святославъ на Ростислава. — На 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ. 70. —

Вѣстѣ съ тѣмъ:

Судиславъ преставися, Ярославъ братъ. — Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрѣлы своего изъ поруба. 70. —

Дополненіе полагается и послѣ и прежде дополняемаго:

Ярославъ совокупи воя многы. 64.

Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. 67.

Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи. 27.

Ярославъ Бѣлзъ взялъ. 64.

Бысть буря велика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби *втръ*, и взъ князя въ корабль Иванъ Творимиричъ. 66. —

Иногда слова располагаются по требованію благозвучія, какъ и въ произведеніяхъ народной словесности. Такой порядокъ встрѣчается преимущественно въ словахъ, выражающихъ чувство, подобно отзывамъ и провозгласамъ:

Бѣ же Мстиславъ дебъ въ блонь, черменъ лицомъ, великыма очима; храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повеліку, имѣня не щадяше, ни нитя, ни бденя браняше. 65.

Ярополкъ же идяше по немъ, плача съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси покилъ безъ печали на свѣтъ семь, многы напасти примъ отъ людій и отъ братья своего? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою. 86.

13. Слѣды живой народной рѣчи являются преимущественно въ разговорѣ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи. Форма *разговора* составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей лѣтописнаго изложенія. Обыкновенно объясняютъ ее вліяніемъ библейскаго способа повѣствованія; по мнѣнію же нѣкоторыхъ ученыхъ, она произошла отъ двухъ причинъ: отъ вліянія Библии и отъ драматической формы южныхъ Русскихъ пѣсень, которая могла отозваться и въ произведеніи лѣтописца, жившаго на югѣ Россіи¹. — Библейское вліяніе на нашу древнюю словесность не подлежитъ сомнѣнію; Плещеръ справедливо замѣтилъ, что источника разговорной формы въ лѣтописи надобно искать въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, а не въ хроникахъ Византійскихъ². — Употребляющаяся въ Библии форма разговора представляетъ большое сходство съ изложеніемъ нашей лѣтописи. Въ книгѣ Бытія, напримѣръ, читаемъ (XXIX. 3—8): «Нанаахъ стада и

1. Шкелска: *Исторія Русской словесности, преимущественно древней*. Т. I, часть 2, стр. 91 — 93.

2. Плещеръ: *Исторія*. Часть I. Введеніе, стр. 33.

наки полагаахъ камень на оустіе кладхъ на мѣстѣ своемъ. *Рече же имъ Іаковъ: братіе, отъждоу есте вы? Си же ршхъ: ѿ Хараана. И рече: знаете ли Лавана, сына Пахорова? Ршхъ: азъ знаемъ. Рече же имъ: здравъ ли есть? Си же ршхъ: здравъ есть. И еще емоу глаголахоу, се Рахиль, дщи его, градѣше съ овцами отца своего. И рече Іаковъ: еще есть дѣнь день (днѣ много), не оу часѣ събрати скота; напоише овца, поиде напасѣте ихъ. Си же ршхъ: не можемъ, дондеже съберемсѣ (соберутсѣ) всѣи пастыріе ѿвалити камень ѿ оустіа кладешъ, да напоимъ овца»¹, и мн. др. Въ дѣтописи: «Рече или Ииъ: коему Богу вѣруета? Она же рекоста: антихристу. Онъ же рече има: то кдѣ есть? Она же рекоста: сѣдитъ въ безднѣ. Рече или Ииъ: Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ, славимъ отъ ангель, и т. д.» (стр. 76) или «Вьстужина людѣ въ градѣ и ршхъ: не ли кого, нже бы могли на ону страну дойти... И рече единъ отрокъ: азъ пренду. И ршхъ: иди. Онъ же изиде изъ града» и пр. (стр. 28).*

Но независимо отъ вліянія библейскихъ образцовъ, разговорная форма находится въ прямой связи съ синтаксическими особенностями Русскаго языка, современнаго дѣтописцу. Чѣмъ проше синтаксическая основа письменнаго языка, тѣмъ ближе онъ къ устной рѣчи, которую передаетъ безъ многихъ и рѣзкихъ измѣненій. Дѣтописцу же очень часто приходилось передавать живую рѣчь по самому содержанию его произведенія: онъ описывалъ сношенія людей между собою, которыя могли происходить не иначе, какъ только посредствомъ разговора.

Самое рѣшеніе на какое либо дѣйствіе, обдумываніе его выражалось иногда въ формѣ разговора, какъ бы безъ вѣдома дѣтописца—единственно вслѣдствіе той неоспоримой истины, что мысль и слово связаны другъ съ другомъ неразрывно. Какъ народная поэзія однимъ и тѣмъ же словомъ выражаетъ понятія: *мыслить* и *говорить* (гадать, думать—гадать и т. п.), такъ на языкѣ дѣтописномъ *думать* значитъ *соображаться*, разговаривать, такъ и вы-

¹ 1. Рукописи Руяницоваго Музеума: А^о 27, л. 39; А^о 28, л. 20; А^о 29, л. 23 — 23 об. — Слова: *рече же имъ, си же ршхъ (или же ршхъ)* соответствуютъ словамъ: *сѣде ѿ двѣхъ, ѿ двѣ сѣдахъ*, и пр., часто повторяемымъ въ Греческомъ текстѣ.

тренное обезличиваніе какого-либо предмета, безмолвная беседа съ самимъ собою передается дѣйствіемъ въ видѣ дѣйствительной бесѣды: слова размышляющаго какъ бы обращаются къ слушателю, и въ началѣ ихъ употребляется замѣчательное *«рекъ въ себѣ»* или однозначнае съ нимъ *«помысли въ себѣ»*: «Видѣвъ же мало дружины своей, *рече въ себѣ*: «еда како прельстивше изгублю дружину мою и мене»; бѣша бо мнози погубиши на поуду; и *рече*: «поуду въ Русь приведу болю дружиню». 30. — «Володимеръ же *начи размышляти*, *река*: «аще сяду на столѣ огня своего, то имамъ рать съ Святополкомъ вяти, яко естъ столъ прже отъ огня его быти. И *размысливъ*, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову». 93. — Ср. «Святополкъ же *окаянный помысли въ себѣ*, *рекъ*: се убихъ Бориса: како бы убѣ... Гдѣба? И *пріемъ помысли* Канювъ, съ дѣстѣю посла къ Гдѣбу». 58.

Нѣкоторые предложенія имѣютъ разговорную форму только потому, что не испытали синтаксическаго измѣненія, обычнаго въ языкѣ, обработанномъ литературою: иногда чѣмъ либо слова приводятся не отъ лица, сказавшаго ихъ, а отъ самого дѣйствующаго, и не смотря на то приводятся въ первомъ лицѣ и во второмъ, а не въ третьемъ, какъ бываетъ это въ послѣдствіи въ придаточныхъ предложеніяхъ. Таково соединеніе слѣдующихъ предложеній:

Посласта ко Олгови и Давыдову, глаголюща: поидита на Половци; и послуша Давыдъ, а *Ольга не сего* сего, вину *река*: не сдѣлаю. 118.

Посла *Святополкъ и Володимеръ къ Ольгѣ*, глаголюща еице: *«е ты не шедъ еси съ нами на поганыхъ, аже погубиши сѣю землю Русьскуюю; а се у тебе естъ Ицдаревичъ — любу убій, любу и дай нами: то естъ ворогъ Русьскѣи земли»*. 97.

Посла *Мстиславъ по Ярославъ*, глаголю: *сиди въ своемъ Киевѣ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона*. 64.

Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: *приди, да вынесемъ и*; игумень же *приде съ двѣма братами*. 90.

Придоша люде Ноугородскѣи, просяще князя *себѣ*: *аще не поидете къ намъ, то нализемъ князя себѣ*. 29.

Вынесоша Игоря, и *«се естъ сынъ Рюрикъ»*. 10.

Въ трехъ послѣднихъ примѣрахъ связь между предложеньями подразумѣвается; но грамматически она не выражена. —

Въ соотношеніи съ приведенными фактами находится то обстоятельство, что союзы, вырабатывающіеся въ языкѣ по мѣрѣ развитія синтаксиса, въ дѣтонисѣ не оказываютъ еще постоянного дѣйствія на предложенія, коимъ служатъ связью:

Въ си же времена мнози чловеци умираху различными недугы, якоже *многолагу* продающе кореты, *яко продагоми* кореты отъ Филиппова дне до мясоуеста 7 тысячъ. 92.

И повелѣ оубѣдяти конь, да тѣ виждю кости его. 16.

Подобное значеніе союзовъ свойственно древнему періоду многихъ языковъ, съ теченіемъ времени развившихъ, подобно Русскому, грамматическія формы до высокой степени разнообразія и богатства. —

Усовершенствованіе синтаксиса повело за собою и измѣненіе въ составѣ періодовъ; главныя предложенія во многихъ случаяхъ перешли въ придаточныя, чужія слова вмѣсто перваго и втораго лица стали передаваться въ третьемъ, разговорная форма вышла изъ употребленія. Слова дѣтониса въ позднѣйшей передачѣ приняли слѣдующій видъ:

Исторъ¹.

Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичъ: «подѣступимъ завтра въ лодьяхъ, и попадше кликну и княжичъ умчитъ на сю страну: аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть завтра, всѣдше въ лодью противу свѣту и вѣструбиша вельми, и людѣ въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мѣша князя пришедша, побѣгоша разнѣ отъ града; и изиде Ольга со унуки и съ людьми къ лодѣ. Видѣвъ же се князь Печенѣжскій, вѣзратися единъ къ воеводѣ Прѣтичу, и рече: «кто се приде?» И рече ему: «лодѣ оная страны». И рече князь Печенѣжскій: «а ты князь ли еси?» Онъ же рече: «азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожнѣхъ, по мѣи идути полкъ со княземъ безъ числа множество» — се же рече грозя имъ. Рече же князь Печенѣжскій къ Прѣтичу: «буди ми другъ». Онъ

1. Полное собраніе Русскихъ дѣтонисовъ. I, стр. 28.

же рече: «такъ створю». И подала руку межю собою, и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему броню, щитъ, мечъ. Отступивша Печенѣзи отъ града, и т. д.

Ломоносовъ¹.

Притичъ воевода.... велѣлъ всімъ ладьями приступить къ Кіевскому берегу, чтобы хотя избавить изъ рукъ Печенѣжскихъ Ольгу со внуками, увезши на другую сторону. При наступленіи дня затрубили на ладьяхъ Россійяне, и дерзостно устремились къ пристуну: люди въ городѣ подняли крикъ великой. Въ ужасѣ пришли Печенѣги, представляя себѣ пришествіе самаго великаго князя. Отступаютъ отъ города въ разныя стороны; и Ольга со младыми князьями свободной проходъ къ ладьямъ отворился. Видя сіе князь Печенѣжскій, спросилъ о шумѣ, и услышалъ отвѣтъ отъ Притича, что онъ воеводичицъ передовато войска Святослава, которой со всею военною силою за нимъ въ близости слѣдуетъ. Принесть въ страхъ Печенѣжъ, заключилъ миръ съ Притичемъ, давъ ему въ знакъ коня, саблю и стрѣлы; а отъ него взаимно принялъ латы, щитъ и саблю. И такъ совершеннымъ отступленіемъ Печенѣжскимъ Кіевъ избавился отъ тѣснаго облеканія.

Карамзинъ².

Воевода рѣшился спасти хотя семейство княжеское — и Печенѣги, на развѣстѣ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обращенные жители отвѣчали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятель разсѣлся въ ужасѣ, и великая княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружескаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, князь ли онъ? Хитрый воевода

1. Сочиненія Ломоносова, изд. 1850. Т. III, гл. VII, стр. 173—176.

2. Исторія Государства Россійскаго, изд. 1831. Т. I, стр. 173—176.

объявить себя начальником передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей герой съ многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за ними. Обманутый Печенѣкъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ воеводѣ саблю, стрѣлы и коня; воевода князю щитъ, броню и мечъ. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города. —

И у позднѣйшихъ писателей приводятся иногда слова лицъ, принимавшихъ участіе въ событіи; но въ приведеніи замѣтенъ выборъ: удерживаются только нѣкоторые выраженія, казавшіяся авторамъ по чему либо замѣчательными, другія же передаются въ обыкновенной формѣ повѣствованія. Разсказы о поединкѣ на мѣстѣ будущаго Переяслава состоятъ у дѣтописца изъ ряда разговоровъ, изъ коихъ позднѣйшими писателями оставлено весьма немного выраженій. Словами дѣтописца: «Володимерь же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: «нѣтъ ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ?» и не обрѣтесе никдѣ же: и поча тужити Володимерь» — соответствуютъ у Ломоносова: «Владимиръ, не вѣдая въ подкахахъ своихъ чрезвычайнаго усилка, велѣлъ спрашивать чрезъ кличевъ»; — у Карамзина: «Владимиръ велѣлъ бирючамъ въстанѣ своимъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь Россійскій былъ въ горести». Слѣдующее обращеніе старика ко Владимиру: «княже! есть у мене одинъ сынъ меншей дома, а съ четырьмя семъ вышетъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: ~~единому~~ бо ми и сваряццо, и оному мпуццо усніе, разгнѣвався на мя, преторже череву руками» — передано Ломоносовымъ въ третьемъ лицѣ: «нѣкто ремесленный челоуѣкъ ременьникъ, явившійся сказать, что есть у него сынъ, коего никто не одаливалъ съ ребячества, и что онъ осердился дереть сырыхъ воловьихъ кожи;» у Карамзина же удержана дѣтописная форма: «я вышетъ въ поле съ четырьмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу». Слова дѣтописца: «рече ему Володимерь: «можеш ли съ нимъ бороти» переданы Ломоносовымъ такъ: «можешъ съ Печенѣжскимъ богатыремъ

бороться, сказать Владимиру», а Карамзиннымъ вовсе опущены, и т. п.¹. —

Въ отношеніи *интереснаго свойства разговоровъ*, приводимыхъ въ Лѣтописи, отличительными признаками ихъ должны быть названы: простота, вѣрность духу времени и естественность, т. е. сообразность со свойствами лицъ и настроеніемъ ихъ при тѣхъ обстоятельствахъ, по поводу коихъ приводятся слова и разговоры. Въ способѣ сообщенія ихъ не видно ни малѣйшаго желанія придавать искусственную обдѣлку словамъ собесѣдниковъ, просто и прекрасно выражающимъ мысли, вполне соответствующія быту тогдашняго времени.

Нельзя придумать разговора проще и наивнѣе, и по мысли и по выраженію, того, который происходитъ между Олегомъ и Радимичами: «Посла Олегъ къ Радимичемъ, рече: кому данъ дасте? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И выдана Ольгови по шлану, якоже и Козаромъ даху». 10. — Живою бесѣдою отличается объясненіе Ольги съ послами Деревлянскими: «Воззва е Ольга къ собѣ: добри госте придоша; и рѣша Деревляне: придохомъ, княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте съмо? Рѣша же Деревляне: посла ны Деревьска земля» и пр. 24.

Печинное чувство выражается въ словахъ князя, тронутаго видомъ мертвца брата: «виашъ сего ты, еке еси хотѣлъ» (стр. 32) и въ восклицаніи прозвѣннаго Ярополка: — «Ярополкъ, говорить лѣтописецъ, прободенъ бысть отъ проклятаго Нератца: лекашу и ту на возѣ, саблею съ кони прободенъ; тогда выдвигнувшись Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю и возни великимъ гласомъ: оуъ, то тѣ мя вряке уловилъ» (стр. 88).

Совѣщаніе князя Владимира съ дружиною Ратибора въ высшей степени естественно и сообразно съ духомъ времени: «начаша думати дружина Ратибори со княземъ Володимиромъ о погубленіи Печереви чаш. Володимеру же не хоташю сего створити, отвѣща бо: «како се могу створити, рогѣ съ нимъ ходитъ»? Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «княже!

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 32 — 33. — Сочиненія Ломоносова. Т. III, стр. 223. — Исторія Карамзина. Т. I, стр. 223 — 225.

нѣту ти въ томъ грѣха: да они всегда къ тебѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянскую проливають безперестани» (стр. 97).

— Простую и вмѣстѣ трогательную рѣчь повелѣ. Изяславъ съ пришедшимъ къ нему братомъ. «Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Кіеву, цѣловавшася и сѣдоша; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: «брате, не тужи: видиши ли, колико ся мнѣ склочи? первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша; и пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнашъ ли бѣхъ отъ ваю — брату своему; не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишень быхъ — не створи хъ зла ничтоже. И нынѣ, брате, не туживѣ: аще будетъ нама причастье въ Русскій земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба; азъ слоужу главу свою за тя» (стр. 86). Несколько вѣрнѣе, задумевности этихъ словъ и дѣйствию ихъ, выраженному въ заключеніи лѣтописца: «и се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ собрати вои отъ мала до велика» и т. д.

По простотѣ и естественности изложенія ближе многихъ иностранныхъ лѣтописцевъ находится къ Нестору Григорій Турскій, если только чужой и мертвый языкъ можно сравнивать съ живою, народною рѣчью, если выраженія подобныя: *simus unanimes* могутъ напомнить древнія Русскія: «имеяся въ едино сердце» и подобныя. У Григорія Турскаго многія черты описываемаго времени сохранены во всей свѣжести и наивности; нѣтъ высокопарныхъ рѣчей, наполненныхъ сентенціями и ослабляющихъ впечатлѣніе отъ событія; преданія, живущія въ устахъ народа, излагаются болѣею частью безъ риторическихъ прикрасъ. Часто употребляется разговорная форма, какъ напримѣръ: «Гундобальдъ» (*Gundobaldus*), не зная о коварствѣ брата, послалъ къ нему, говоря (*misit ad eum dicens*): прійди помочь мнѣ, ибо Франки двинулись противъ насъ, и вступили въ землю нашу; съ тѣмъ, чтобы взять ее; будемъ же единомышленны, чтобы не испытать того, чему подверглись другіе народы. «Пойду съ войскомъ, сказалъ тотъ, и помогу тебѣ»¹, и ми. др. Связью для

1. *Bouquet. Recueil des historiens*, т. II, стр. 178.

приводимыхъ словъ разговора служить обыкновенно *ait*, подобно нашему «и рече»: Aregisilus *ait* Munderico: quousque hic resides tamquam unus ex insipientibus? Numquid poteris diu regi resistere! Ecce ablato tibi cibo, cum te fames oppresserit, ultro egredieris, et traderis in manus inimicorum, et morieris quasi unus ex canibus... Tunc ille his mollitus sermonibus, *ait*: si egredior, comprehensus a rege interficior et ego, et filii mei, et omnes amici qui mecum sunt congregati. Cui Aregisilus *ait*: Noli timere, sed si vis egredi, accipe sacramentum de hac culpa. Ista securus coram rege, etc.¹.

Въ лѣтописи Григорія Турскаго много текстовъ и длинныхъ выписокъ изъ Св. Писанія; сверхъ того встрѣчаются мѣста изъ древнихъ писателей, приводятся слова Саллюстія, стихи Виргилія. Но къ міру древнему Французскій лѣтописецъ не питалъ сочувствія, считая, какъ самъ говорить, «презрительнымъ для христіанскаго писателя занятіемъ описаніе гнѣва Юноны или любовныхъ похажденій Юпитера». Слогъ Латинской рѣчи Григорія Турскаго грубъ и нечистъ, отличающійся тѣмъ невыгоднымъ для стилиста свойствомъ, которое называютъ *rusticitas*. Самъ авторъ признаетъ въ своемъ слогѣ это свойство, говоря въ заключеніи своей лѣтописи, замѣчательномъ и по слогу и по мысли, слѣдующее: Quos libros licet stilo rusticiori conscripserim, tamen conjuro omnes sacerdotes Domini, qui post me humilem, ecclesiam Turonicam sunt recturi, per adventum Domini nostri Jesu-Christi, ac terribilem reis omnibus judicii diem, si numquam confusi de ipso judicio discedentes cum diabolo condemnandi estis, ut numquam libros hos abolere faciatis, aut rescribi, quasi quaedam legentes, et quasi quaedam praetermittentes: sed ita omnia vobiscum integra inlibataque permaneant, sicut a nobis relicta sunt. Quod si te, sacerdos Dei, quicumque es, Martianus noster septem disciplinis erudit, id est, si te in grammaticis docuit legere, in dialecticis altercationum propositiones advertere, in rhetoricis genera metrorum agnoscere, in geometricis terrarum linearumque mensuras colligere, in astrologicis cursus siderum contemplari, in arithmeticeis numerorum partes colligere, in harmoniis

¹ Тамъ же, стр. 193.

sonorum modulationes suavium accentuum carminibus concrepare: si in his omnibus ita fueris exercitatus, ut tibi stilus noster sit rusticus, nec sic quoque deprecor, ut avellas quod scripsi. Sed si tibi in his quiddam placuerit, salvo opere nostro te scribere versu non abnuo¹. —

Несравненно изящнее латынь Ламберта Германскаго, Ламберта: слогъ его служить даже, по мнѣнію ученыхъ, несомнѣннымъ доказательствомъ образованности и вкуса автора, основательно знакомаго съ древними Римскими писателями. Ламбертъ изобилуетъ выраженіями и оборотами, взятыми у Саллюстія, Тита-Ливія, Тацита, Цицерона, Плинія, Варрона, Горация, Вергилія, Теренція, Лукреція. Знакомство съ классическою литературою соединяется въ Ламбертѣ съ начитанностью въ Св. Писаніи: онъ часто прибѣгаетъ къ выраженіямъ библейскимъ и мысли свои облекаетъ въ образы, заимствованные изъ Ветхаго и Новаго Завета. Слова Исаи или Іереміи стоятъ иногда рядомъ съ словами Вергилія или Горация; но перевѣсъ остается всегда на сторонѣ языка Св. Писанія: имъ выражается постоянно главная и душевная мысль автора.

Соединеніе элемента библейскаго съ древне-латинскимъ составляетъ одну изъ яркихъ особенностей слога Ламберта: въ строкахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ, находится замѣтованіе: съ одной стороны, изъ писаній Моисея, Давыда, евангелиста Маттея, апостола Павла: съ другой — изъ одъ Горация и комедій Теренція; первая написана курсивомъ, вторая — капитально. Ламбертъ говоритъ подъ 1071 годомъ: in coemptionem exigui honoris aureos montes cottidie committebant² secularesque emptores largitionis suae immoderantia excludebant, nec venditor tantum audebat exposcere, quantum emptor paratus erat exsolvere. Mirabatur mundus, unde tantus pecuniarum scateret fluvius, unde Cresi et Tantalii opes in privatos homines congestae fuissent, et eos

1. Тамъ же, стр. 389.

2. Terentii *Phormio*. Actus I, scena 2. *Geta* (servus Demiphonis):

.... evenit senibus ambobus simul,
iter illi in Lemnum ut esset, nostro in Chalcidam
ad hospitem antiquum: is sene a per epistolas
pellexit, modo non montis auri pollicens.

potissimum homines, qui crucis scandalum et paupertatis titulum praeferrent et praeter simplicem victum et vestitum nihil rei familiaris habere se mentirentur. Ista *dominici agri zizania*, haec vineae Dei arida sarmenta et stipula *aeternis ignibus praeparata*¹ totum sacri gregis corpus quasi tabo quodam infecerant, et secundum apostolum *modicum fermentum totam corruerat massam*², ita ut omnes similes aestimaremur, *nec esse in nobis putaretur, qui faceret bonum, non esse usque ad unum*³. Propter hoc principes regni ad instituendam in Galliis divini servitii scolam Transalpinos monachos evocabant, nostrates autem, quicumque in illorum instituta ultro concedere noluissent, de monasteriis cum ignominia eiciebant. Ego tamen animadverti, nostras quam illorum consuetudines regulae sancti Benedicti melius congruere, si tam **TEXACES PROPOSITI**⁴ tamque rigidi paternarum nostrarum traditionum aemulatores vellemus existere⁵.

Такимъ же слогомъ говорятъ и другія лица, выводимыя въ дѣтописи Ламберта, какого бы рода они ни были: въ рѣчахъ ихъ, а равно и въ способѣ выраженія мыслей и чувствъ самого дѣтописца, не представляется различія, подобного тому, какое замѣчаемъ въ нашей дѣтописи между разговорами, отзывами, размышленіями.

Но что сближаетъ ее нѣсколько съ дѣтописью Ламберта, это—господствующая въ послѣдней ровность изложенія. Ламбертъ не измѣняетъ плавнаго и спокойнаго теченія рѣчи ни восторженными восклицаніями и панегириками, ни жолчными

1. Matth. XIII, 40: Sicut ergo colliguntur zizania, et igni exuruntur: ita erit in consummatione seculi hujus.

2. Pauli apost. ad Corinth. I. V, 6: non est bona gloriatio vestra. An nescitis paululo fermenti totam massam fermentari?

3. Psalmus XIV, 3: Unusquisque recessit, omnes simul putidi facti sunt; non est qui faciat bonum, non est vel unus.

4. Horatii, lib. III, carm. 3:

justum ac tenacem propositi virum,
non civium ardor prava jubentium,
non vultus instantis tyranni
mente quatit solida, etc.

5. Monumenta Germaniae historica. VII, scriptorum V, стр. 189.

выходами и укоризнами. Онъ не заботится о риторическомъ уборѣ фразъ; не нестрить слога образами, взятыми изъ древней мифологіи; при описаніи сраженій у него нѣтъ ни Марсовъ, ни Беллоговъ. Разсказъ его производитъ сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что передаетъ событія большею частью вѣрно (судя впрочемъ по одному изложенію, а не съ точки зрѣнія исторической критики), не давая имъ преувеличенныхъ размѣровъ. Въ исторіи войны Генриха съ Саксонцами встрѣчаются описанія, подобныя слѣдующему: Кончилась битва, и Генрихъ, не много спустя по захожденіи солнца, возвращался въ лагерь среди торжественныхъ восклицаній войска, радуясь побѣдѣ надъ безпобѣдимѣйшими врагами. Воины хвалились другъ передъ другомъ, что того-то и того изъ первыхъ вельможъ Саксонскихъ поразили собственной рукою. Но когда пришли на сборное мѣсто, открылось, что у одного погибъ въ сраженіи отецъ, у другаго братъ, у иного родственникъ, и тогда радость превратилась въ печаль; плачь и вопли раздались по всему лагерю. На слѣдующій день убитыхъ зарываютъ въ землю; кто изъ нихъ богатѣе и побогаче, отправляютъ въ страну, откуда были родомъ; раненымъ даютъ помочь, а тѣхъ, коихъ раны сдѣлали неспособными къ битвѣ, отсылаютъ въ отечество для излѣченія, и т. д.¹ Этими словами изображена простая, вѣрная и вмѣстѣ печальная картина.

Ровность разсказа не нарушаетъ и встрѣчающаяся иногда у Ламберта иронія—образъ выраженія, несвойственный нашему языку. У послѣдняго она проглядываетъ въ весьма немногихъ случаяхъ, и притомъ въ словахъ не самого автора, а другихъ лицъ. Такъ, когда на вопросъ Ииа волхвовъ: «что вамъ боги молвятъ?» волхвы отвѣчали: «не быти нама живымъ отъ тебе», то Ииа сказалъ: *«то ти вами право повидати»*. Какъ бы съ намѣреніемъ повторяется и вопросъ Владимира Жидамъ объ ихъ отечествѣ: гдѣ же земля ваша? спросилъ Владимиръ. Жиды отвѣчали: въ Іерусалимѣ. Онъ опять спросилъ: да тамъ ли она — *«то тамо ли есть?»*, и Жиды должны были сознать-

1. Тамъ же, стр. 228.

ся, что Іерусалимъ уже не ихъ земля, ибо имъ владѣютъ христіане¹.

У Ламберта иронія является не сама собою, а съ особенною цѣлью автора, въ его собственной рѣчи. О виновникѣ кровопролитія въ стѣнахъ церковныхъ Ламбертъ отзывается такъ: *tūi vero urgebat et ille apostolicæ sanctitatis ac Mosaicæ mansuetudinis episcopus, qui tanti sanguinis effusione manus suas Deo consecraverat et violatæ ecclesiæ injurias truculentius atque immitius quam rex suas persequabatur*. Желая положить конецъ утомительной войнѣ съ Саксонцами, Генрихъ призываетъ къ содѣйствию всѣхъ вельможъ государства; на зовъ его, говоритъ Ламбертъ, *multi quidem episcoporum protinus ad eum convenerunt, sed hi consiliis præbendis paratiores quam stipendiis faciendis*². —

Противоположность, довольно рѣзкую по способу изложенія, сравнительно съ нашею лѣтописью представляетъ лѣтопись Козьмы Пражскаго. Слогъ Козьмы Пражскаго носитъ яркіе слѣды школьнаго образованія автора. Не простотою и естественностью, которыя такъ идутъ къ разсказу о древнѣйшихъ временахъ народа, а искусственнымъ краснорѣчіемъ отличается повѣствованіе Чешскаго лѣтописца. Некуственность обнаруживается всюду: въ изобиліи риторическихъ фигуръ, въ употребленіи рѣчныхъ и стихотворной формы, въ составѣ приводимыхъ рѣчей, въ заимствованіи образовъ изъ міра языческой древности. Чуждаясь простоты и однообразія, Козьма Пражскій избѣгаетъ словъ и оборотовъ, постоянное употребленіе конхъ составляетъ одну изъ особенностей лѣтописнаго слога, у насъ, какъ и въ западно-Европейскихъ литературахъ. Въмѣсто обыкновеннаго въ лѣтописяхъ западныхъ слова: *obūt*, соответствующаго нашему: *престанся*, Козьма Пражскій употребляетъ выраженія описательныя и переносныя: *Prziemisl jam plenus dierum, postquam jura instituit legum, quem coluit vivus ut Deum, raptus est ad Cereris generum. Cui Nezamisl successit in regnum. Hunc ubi mors rapuit, Mnata principales obtinuit fascēs. Quo decedente ab hac rita, Vogin suscepit rerum gubernacula. Hujus post fatum Vnislav rexit duca-*

1. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, стр. 76 и 36.

2. Monumenta Germaniae historica, VII, scriptorum V, стр. 164 и 207.

tum. Cujus ritam dum rumpunt Parcae, Crezomisl locatur sedis in arce. Hoc sublato e medio, Neklan ducatus potitur solio. Hic ubi rita decessit, Hostivit throno successit. — Wenceslaus ab ineunte aetate hanc fragilem vitam mutavit aeternitate. — Izzo, quintus episcopus Pragensis ecclesiae, transit ab hoc mundo bravio fruiturque jocundo¹.

Созвучіе окончаній постоянно встрѣчается въ хроникѣ Козьмы Пражскаго; почти вся она написана римованною прозою. Нѣсколько примѣровъ мы уже привели; число ихъ можетъ быть увеличено подобными выраженіями: foemina rimosa virilia judicia mente tractat dolosa; — Tunc dux torsit caput a munere nefando et solvit ora talia fando:... ad hoc flagicium nec potest dignum excogitari praejudicium, nec par supplicium; — Cui praeter caeteris prosperitas operis, proceritas corporis et forinae pulchritudo, ac virium sapientiaeque magnitudo, in adversis fortitudo, in prosperis temperata inerat mansuetudo², — и множествомъ другихъ. Созвучіе окончаній, какъ намѣренная прикраса слога, является въ нашей исторической прозѣ уже въ позднѣйшіи ея періодъ, именно въ сказаніи Авраамія Палицына.

Въ такой же почти степени, какъ рима, правится Козьма Пражскому и стихотворный размѣръ. И мысли собственныя, и мысли чужія, и сцены патетическія и вещи самыя обыкновенныя Козьма Пражскій передаетъ иногда въ стихотворной формѣ. О смерти Оттона III Козьма Пражскій говоритъ:

eodem anno
Caesar ab hoc mundo migravit tercius Otto.
vivat ut in coelis, ubi vivit quisque fidelis.

Любуяма стихами предсказываетъ судьбу столярнаго города Богеміи:

urbem conspicio sacra quae sidera tanget,
est locus in silva, villa qui distat ab ista
terdenis stadiis, quem Wlitava terminat undis.

1. Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 22—23, 63, 86. — Monumenta, ed. Pertz. Tomus XI, scriptorum IX, стр. 39, 53, 64.

2. S. r. Bohemic. стр. 12, 33, 81. — Monumenta, стр. 35, 44, 62.

Болеславъ, умирая, призываетъ къ себѣ сына, и передаетъ ему свою послѣднюю волю; не смотря на то, что едва уже владѣть языкомъ и переводить дыханіе, умирающій произноситъ длинную рѣчь, и заключаетъ ее стихами изъ Фарсалии Лукана:

diviciae plebis sunt laus et gloria regis,
nec sibi, sed domino gravis est, quae servit, egestas¹.

Стихами же описывается битва Нѣмцевъ съ Чехами; стихами извѣщается о смерти Гебгарда; стихами Матильда прогоняетъ мужа; даже разбойники, напавшіе на беззащитныхъ монаховъ, стихами требуютъ выдачи сокровища.

Лица, описываемыя въ хроникѣ Козьмы Пражскаго, обыкновенно говорятъ другъ другу рѣчи. И Любуша, и Болеславъ, и люди гораздо менѣ замѣчательные произносятъ рѣчи и слышать ихъ отъ другихъ; но между этими рѣчами нѣтъ яркаго различія, а оно должно бы существовать непременно. Въ нихъ обнаруживается не личность говорящихъ, а личность самого лѣтописца, его образованность, далеко превосходящая степень развитія, на которой находится общество, изображаемое въ хроникѣ.

Когда толпа, недовольная рѣшеніемъ Любуши, потребовала себѣ правителя, Любуша созываетъ народъ, и обращается «ad agrestes viros» съ рѣчью, которую могли бы уразумѣть только слушатели, вполне знакомые съ гражданскими понятіями образованнаго быта. O plebs miseranda nimis, — говоритъ Любуша — quae libera vivere nescit, et quam nemo bonus nisi cum vita amittit, illam vos non inviti libertatem fugitis, et insuetae servituti colla sponte submittitis. Heu tarde frustra vos poenitebit, sicut poenituit ranas, cum hydrus, quem sibi fecerant regem, eas necare coepit. Aut si nescitis, quae sint jura ducis, tentabo vobis ea verbis dicere paucis. Inprimis facile est ducem ponere, sed difficile est positum deponere, и т. д.² Передавая Козьмою Пражскимъ рѣчь

1. S. r. Bohem. стр. 72, 20, 66. — Monumenta, стр. 38, 38, 36. — M. A. Lucani *Pharsalia*. liber III. vers. 131 et 132:

damna movent populos, si quos sua jura tuerentur:
non sibi, sed domino gravis est, quae servit, egestas.

2. S. r. Bohemicarum, стр. 11—16. — Monumenta, стр. 36—37.

несколько не напоминает словъ Любуши, приводимыхъ въ древнѣйшемъ памятникѣ Чешской словесности — «Судѣ Любушиномъ». Тамъ говоритъ она :

moji kmetie, lesi i vladyky,
se bratroma rozřešite pravdu....
budeta im oba v jedno vlasti,
či sie rozdelita rovnu meru.
Moji kmetie, lesi i vladyky,
rozřešite moje vypovedi,
budetě li u vas po rozumu;
nebudeť i' u vas po rozumu,
ustavite ima novy nalez,
ky by směřil rozvaďena bratry¹.

Козьма Пражскій часто прибѣгаетъ къ фигурамъ и сравненіямъ, заимствуемымъ изъ древней мифологіи. Удовольствіа, сопровождавшія свиданіе Любуши съ Премысломъ, описываются слѣдующимъ образомъ: *inter se consortis dextris cum magna laetitia lecta subeunt, thoris discumbunt, Cerere et Baccho corpora reficiunt, cetera noctis spatia Veneri et Hymenaeo indulgent*, и т. д.¹⁵. Чехъ, окончивъ странствованье, призываетъ своихъ спутниковъ совершить возліянія *пенатамъ*. Князь Чешскій, Владиславъ, въ рѣчи своей возбуждаетъ духъ народа воспоминаніемъ прежней славы и картиною настоящихъ бѣдствій, при чемъ упоминаетъ и о Церерѣ, и о Ларахъ, и о Вулканѣ. Дѣйствія воиновъ, современ-

1. Die ältesten Denkmäler der Bohmischen Sprache, von *Sařarik und Palacky*. Prag. 1840. стр. 46—47. — *Polyglotta Kralodvorského rukopisu*, vyd. V. *Hanku*. v Praze. 1832. стр. 111—113. По-Русски эти слова переданы г. Бергомъ (тамъ же, стр. 206) такъ:

гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
разрѣшите братьевъ по закону....
Видѣть-ль станутъ безъ раздѣла правды,
или на части ровныя раскинутъ.
Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
коли вамъ по разуму придесть;
а не то — законъ поставьте новый,
да разудитъ разлученныхъ братьевъ.

15. *Scriptores rerum Bohemicarum*. стр. 19. — *Monumenta*, стр. 38.

ныхъ лѣтописцу, сравниваются съ нападеніемъ Гerkулеса на Лернейскую гидру.

Замѣчательна смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими въ заключеніи второй книги: *Sicque inflicta ab hoste vulnera matri ecclesiae curata sunt antidoto justitiae, statum fidei catholicae regente papa tertio Clemente, Jesu Christo Domino nostro cum Patre et Spiritu Sancto regnante per omnia secula seculorum. Amen. Siste gradum, Musa, chronicis es jam satis usa. Carmine completo dic lector amice valeto*¹.

Оканчивая свой рассказъ, Козьма Пражскій также обращается къ музѣ, по обычаю писателей многихъ вѣковъ и народовъ. Въ обращеніи его сквозь риторическую оболочку проглядываетъ и неподдѣльное чувство. Восьмидесятилѣтній писатель слышитъ призывъ богини, вѣчно юной и вѣчно молодой юношамъ; но бремя годовъ заставляетъ его не внимать сладкому голосу, на который должны откликнуться другіе — писатели новаго поколѣнія².

Вообще о хроникѣ Козьмы Пражскаго должно замѣтить, что она, показывая начитанность и талантъ автора, чужда той простоты въ изложеніи, которая составляетъ драгоценную принадлежность лѣтописнаго повѣствованія. Простота всегда и вездѣ имѣетъ свои неоспоримыя права, и нельзя предпочесть ей самыя блестящія искусственныя украшенія. Но говоря об искусственности въ изложеніи, мы не можемъ поставить ее безусловно въ укоръ автору. Напротивъ того, держась наиболѣе справедливой точки зрѣнія, то есть, судя о писателѣ по условіямъ его вѣка и современной ему образованности, мы должны признать въ Козьмѣ Пражскомъ не только замѣчательнаго лѣтописца, но до нѣкоторой степени и писателя-художника. Риторическая оправа его разсказу дана школьнымъ образованіемъ; талантъ же автора сообщилъ произведенію разнообразіе и занимательность.

Мы имѣли въ виду литературный характеръ хроники. Историческое ея значеніе определено Чешскимъ историкомъ Падан-

1. *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, 191. — *Monumenta*, стр. 101.

2. *Script. rer. Bohem.* I, 277—278. — *Monumenta*, стр. 132—131.

кимъ, который, приписывая знаменитому лѣтописцу Богеміи вѣрный историческій тактъ и умѣнье пользоваться такими затруднительными источниками, каковы преимущественно народныя саги, называетъ Козьму Пражскаго писателемъ достопочтеннымъ, истымъ Геродотомъ своего отечества.

VI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По обзорѣ состава древней лѣтописи, укажемъ въ бѣгломъ очеркѣ тѣ черты, на основаніи коихъ мы старались опредѣлить особенности лѣтописи, какъ произведенія литературнаго.

Начало лѣтописной дѣятельности у насъ представляется явленіемъ самостоятельнымъ по мысли и по формѣ. Замѣтки о событіяхъ были слѣдствіемъ желанія записывать то, что казалось замѣчательнымъ для грамотныхъ предковъ нашихъ. Форма первоначальныхъ замѣтокъ должна была быть въ высшей степени простою, а трудно найти для того времени что-либо проще и удобнѣе въ этомъ отношеніи, какъ пасхальныя таблицы. Рядъ годовъ въ нихъ уже сведенъ въ одно цѣлое, стоило только вписать по нѣскольку словъ въ клітки таблицъ, и по нимъ легко было съ перваго взгляду припомнить замѣчательные случаи.

Возникнувъ самостоятельно, лѣтопись наша увеличивалась постепенно въ своемъ внѣшнемъ объемѣ и пріобрѣтала внутреннее значеніе и характеръ. Развѣтіе ея совершалось двумя путями: во первыхъ, не одніи только краткія замѣтки, а и повѣствованія довольно подробныя входили въ ея содержаніе; во вторыхъ, дѣлаемы были заимствованія изъ постороннихъ сочиненій. Заимствованія были также двоякаго рода: одніи изъ писаній соотечественниковъ лѣтописца; другія — изъ произведеній или соплеменниковъ его, какъ напр. изъ житія Кирилла и Меѳодія, или писателей Греческихъ, какъ напр. изъ хроникъ Георгія Амартола.

Древнѣйшимъ составителемъ полной лѣтописи, дошедшей до насъ въ объемѣ цѣлаго произведенія, былъ, по общепринятому мнѣнію, преподобный Несторъ, монахъ Кіево-

Печерской обители. Заслонивши своимъ превосходнымъ произведеніемъ труды своихъ предшественниковъ, онъ удержалъ усвоенную ими форму погоднаго записыванья событій. Его «повѣсть временныхъ лѣтъ» по формѣ своей есть въ такомъ же полномъ смыслѣ *лѣтопись*, какъ и древнія Новгородскія лѣтописи, и тѣ начатки лѣтописной дѣятельности, которыя замѣчаются задолго до него — еще въ X столѣтіи.

Главный предметъ лѣтописи Нестора есть Русская земля, и Несторъ вѣренъ своему предмету въ теченіе всего разсказа, почему и заслуживаетъ названія древнѣйшаго лѣтописца Русскаго народа, представителя лѣтописанія въ Россіи. Сообразно съ судьбою Русской земли, въ лѣтописи представляется двѣ стороны: свѣтлая — въ изображеніи минувшаго, и темная — въ описаніи печальной дѣйствительности, современной лѣтописцу. Разсказъ о древнѣйшихъ временахъ, прославленныхъ подвигами Олега, Ольги, Владимира, смѣняется повѣствованіемъ о вторженіяхъ Половецкихъ, о несчастіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Но и среди этихъ несчастій жила утѣшительная мысль, дававшая силу для борьбы съ ними, при сознаніи ихъ необходимости, и питавшая надежду на избавленіе отъ ужасныхъ бѣдствій. Тяжелое впечатлѣніе, производимое ими, умѣрялось мыслию, что все совершается по волѣ Бога, что гнѣвъ Его падаетъ и на тѣхъ, кого Онъ любитъ, и падаетъ для того, чтобы удержать ихъ отъ неправого пути и воззвать къ жизни новой, истинно-счастливой.

Убѣжденіе во всемогуществѣ, правосудіи и милосердіи Промысла и живое чувство преданности Ему выражаются постоянно въ лѣтописи. Слова лѣтописца: «вложилъ Богъ мысль добрую» показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на событія. Признавая высшую причину ихъ, онъ говоритъ и о поводѣ къ нимъ обыкновенномъ — о земныхъ разсчетахъ, цѣляхъ и замыслахъ, передаваемыхъ въ такомъ видѣ, который уже самъ по себѣ ручается за ихъ достовѣрность, будучи вполнѣ вѣренъ духу времени.

Лѣтописецъ былъ человѣкъ мыслящій: обстоятельства сомнительныя подвергалъ разсмотрѣнію, обсуживалъ ихъ, повѣрялъ различными данными; доказательства свои основывать болѣею

частью на примѣрахъ, заимствуемыхъ изъ Библіи и писателей Византійскихъ.

Многія изъ объясняемыхъ происшествій были такъ близки душѣ автора, что рѣчь его становилась одушевленнѣе и выражала не только лентую мысль, но и теплое чувство. При всей силѣ и независимости своей оно не было въ разладѣ съ понятіями и убѣжденіями лѣтописца; мысль и чувство его были одинаково вѣрны истинѣ, усвоивъ за нимъ неотъемлемо два замѣчательныя свойства: здравомысліе и безпристрастіе.

Внутренняя сосредоточенность лѣтописца и отсутствіе порывовъ и всплескъ отразились и въ тонѣ лѣтописнаго повѣствованія: оно отличается плавностію и ровностію рѣчи, и своимъ спокойнымъ теченіемъ приближается къ тону эпическихъ произведеній, духъ коихъ обыкновенно не исчезаетъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ исторіи народа, возникающихъ уже по созданіи народнаго эпоса.

Достоинства нашего лѣтописца обозначаются особенно рѣзко при сравненіи его съ представителями лѣтописанія въ западной Европѣ. Между глѣзъ и другими находится весьма много общаго. Содержаніе ихъ лѣтописей составляютъ преимущественно описанія битвъ, вторженій непріятельскихъ, внутреннихъ междоусобій. Главною причиною событій признается Европейскими лѣтописцами единодушно—промысль Божіи, его невидомые и непреложные пути. Въ этомъ отношеніи на западныхъ хронистовъ не оказало никакого вліянія даже знакомство ихъ съ древнимъ языческимъ міромъ, отъ коего заимствовали они много свѣдѣній, но не подчинились его идеямъ, которыя потеряли все свое значеніе въ сравненіи съ идеями высшими, христіанскими. Безусловное предпочтеніе христіанскихъ понятій всѣмъ другимъ, выраженнымъ древними писателями, обнаруживается у всѣхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, хотя и не одинаковымъ образомъ. У Ламберта оно очевидно изъ того, что все, одобряемое имъ, находитъ, по его мнѣнію, подтвержденіе въ Библіи, и часто излагается словами Св. Писанія; заимствованія же изъ классическихъ писателей играютъ роль второстепенную, служа украшеніемъ слога—не болѣе. Григорій Турскій энергически высказываетъ мысль о превосходствѣ христіанскаго міра надъ

языческимъ, мысль, которая, по замѣчанію ученыхъ, была въ высшей степени благотворна для развитія современнаго ему общества¹.

Не только въ общихъ чертахъ содержанія и въ основной идеѣ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ сходятся западно-Европейскіе хронисты съ лѣтописцемъ Русскимъ. Особенно любопытно согласіе ихъ въ такихъ вещахъ, въ коихъ выражается духъ времени, измѣнившійся впоследствии подъ вліяніемъ многихъ причинъ, изъ коихъ самая важная заключается въ усѣхахъ просвѣщенія. Затмѣніямъ, разливамъ рѣкъ, неурожаемъ, случаямъ диковишнымъ и т. п. придавали таинственное значеніе и западные лѣтописцы, свидѣтели шумнаго движенія, совершавшагося въ центрѣ Европы, знакомые, по описаніямъ Тацита, Тита Ливія и другихъ историковъ, съ судьбами лицъ и народовъ, восходившихъ на высоту величія и падавшихъ съ нея вследствие причинъ историческихъ, независимо отъ какого нибудь огненнаго столба или затмѣнія. Нашъ лѣтописецъ, признавая, что «знаменія бываютъ или на добро, или на зло», старается подкрѣпить свою мысль послѣдовательными доказательствами, чего не находимъ у другихъ лѣтописцевъ.

Нѣтъ у насъ и той искренности чувства, которая слышится въ правдивомъ разсказѣ Нестора; стоитъ только сравнить любое свидѣтельство Нестора съ описаніемъ, напримѣръ, дѣйствій папы у Ламберта или съ другимъ какимъ либо описаніемъ у западныхъ лѣтописцевъ, и обратить вниманіе не на то даже, что говорятъ эти хронисты, а на то, какъ они говорятъ, чтобы убѣдиться въ разумномъ и благородномъ безпристрастіи нашего лѣтописца.

Возвышаясь нѣкоторыми свойствами надъ своими Европейскими собратами, лѣтописецъ нашъ долженъ въ свою очередь

1. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France... par Guizot. Paris. 1823. Histoire des Francs, par Grégoire de Tours. стр. XII. Приведемъ слѣдующія слова Григорія Турецкаго о презаніяхъ міра языческаго: «Je méprise toutes ces choses qui tombent en ruines, et m'applique bien plutôt aux choses divines, aux miracles de l'Evangile». — Глаголющіе: de peuple partageait ce sentiment; c'était celui des meilleurs hommes de l'époque, de tous ceux qui conservaient quelque énergie morale, quelque goût vraiment actif pour le développement intellectuel.

уступить имъ въ иныхъ случаяхъ. Главнѣйшее преимущество западныхъ хронистовъ заключается, какъ полагаемъ, въ большей образованности ихъ — въ слѣдствіе знакомства съ древнимъ міромъ. Хотя начитанность въ древней литературѣ не потрясла основныхъ убѣжденій Европейскихъ лѣтописцевъ, но она имѣла вліяніе на содержаніе ихъ произведеній, обогативъ его многими интересными подробностями. Описаніе жизни свѣтской съ ея цѣстрой обстановкой, съ ея запутанными интригами, могло явиться въ хроникахъ западныхъ отчасти подъ вліяніемъ древнихъ образцовъ, коему авторы подчинились невольно, вовсе не желая подражать, а только праякнувъ находить въ историческихъ повѣствованіяхъ много такого, чему подобнаго не встрѣчали въ священныхъ книгахъ. Какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что направленіе внимательно читаемыхъ книгъ, отражается въ большей или меньшей степени и въ собственномъ сочиненіи читателя. Нашему лѣтописцу представлялись идеи доблести и нравственной чистоты преимущественно въ образахъ библейскихъ, въ образахъ невиннаго страдальца Авеля, добродѣтельныхъ Мардохея и Есфирь, цѣломудренной Сусанны, и т. д. Порокъ изображается въ Библии такимъ же сильнымъ словомъ, съ сохраненіемъ того же серьезнаго тона: какъ преступное уклоненіе отъ истиннаго пути, порокъ возбуждаетъ праведный гнѣвъ, изливаемый въ величественномъ, обвинительномъ словѣ. Для того, чтобы внести въ лѣтопись изображенія, по духу своему совершенно противоположныя библейскимъ, описывать игру страстей съ ея послѣдствіями, часто комическими, лѣтописцу должно было бы отвергнуть преданіе, уклониться отъ условій своего быта и образованности, разорвать связь съ своими высокими образцами. Но воображенію западно-Европейскихъ писателей легко могли представиться и картины другаго рода; западнымъ хронистамъ не безызвѣстны были и поступки Тиверія, и дѣйствія Катилины, и политическія интриги, съ такимъ искусствомъ переданныя Римскими историками, и наконецъ образы Делія, Хлоя, Цинтіи и т. д., воспѣтыхъ Горациемъ, Проперціемъ и другими поэтами. Вліяніе, хотя и посредственное, древнихъ классическихъ образцовъ послужило одною изъ причинъ той занимательности, которою отличаются западныя хроники въ сравненіи съ нашею лѣтописью.

Впрочем и нашей летописи нельзя отказать въ занимательности, способной овладѣть вниманіемъ читателя. Это зависитъ не столько отъ содержанія, какъ въ западныхъ хроникахъ, сколько отъ живой, народной рѣчи, въ которой оно излагается. Дѣйствіе слова въ этомъ случаѣ обаятельно; оно заставляетъ насъ отрѣшиться отъ своего времени и перенестись въ міръ давноминувшій, изображаемый въ летописи. Читая и перечитывая разговоры князей между собою, съ дружиною или съ чужеземцами, невольно входимъ въ интересы древняго Русскаго быта, привыкаешь находить и наслажденіе и занимательность въ простыхъ, но задумчивыхъ словахъ предковъ нашихъ.

Знакомство съ древнимъ міромъ западные летописцы приобрѣли посредствомъ знанія Латинскаго языка. Это знаніе, много содѣйствуя ихъ образованности, сопряжено было и съ невыгодными послѣдствіями, изъ коихъ самое рѣшительное было — отчужденіе отъ роднаго языка. Въ летописяхъ западныхъ нарѣчка и случайно попадаются два-три слова на понятномъ народу языкѣ. Въ хроникѣ Козьмы Пражскаго одна фраза, кажущаяся народною, признавалась сперва двусмысленною: ее читали и *a nanos auras*, т. е. *et usque ad postem, eia igitur*, и *ana nos auras*, т. е. *est enim nox, eia igitur*, — а потомъ и вовсе не Чешскою, а Греческою: *an εως λυγας*¹. Въ нашей летописи слова служатъ не только общимъ выраженіемъ мысли, а передаютъ ее со всеми отгѣнками, во всей свѣжести, прѣстотѣ и естественности, вполне свойственными какъ самой мысли, такъ и быту того времени, къ которому относится рассказъ летописца.

Народность языка составляетъ безспорно то драгоценное свойство нашей летописи, которое ставитъ ее неизмѣримо выше хроникъ писателей западныхъ, излагавшихъ преданія своей старины на языкѣ иностранномъ, съ коимъ ознакомилесь путемъ искусственнымъ и который совершенно чуждъ былъ изображаемой ими старины. Языкъ западныхъ летописцевъ ученые называютъ искаженіемъ Латинскаго языка, занимающимъ въ исторіи послѣдняго самое невыгодное мѣсто. Языкъ Русской

1. Script. rer. Bohemic. I, стр. 143, 1. — Monumenta. стр. 81, примѣч. 13.

лѣтописи, напротивъ того, признается сокровищницею древней Русской рѣчи, удержавшею въ себѣ множество мѣткихъ и прекрасныхъ выраженій, которыя должны быть воззваны къ жизни художественнымъ чувствомъ писателей. Она является не бѣднымъ остаткомъ, а роскошнымъ началомъ письменнаго употребленія Русскаго слова, и потому составляетъ существенную принадлежность исторіи Русскаго языка.

ПОСОБІЯ ПРИ ИЗУЧЕНІИ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

I.

Несторовой лѣтописи посвящено нѣсколько изслѣдованій въ нашей ученой литературѣ. При разработкѣ лѣтописи изслѣдователи имѣли въ виду преимущественно ея историческое значеніе, ограничиваясь немногими замѣчаніями о ея характерѣ литературномъ.

Критическій разборъ состава Несторовой лѣтописи, изданіе ея и переводъ представлены въ сочиненіи *Шлецера*: *Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. 4 Bände. Göttingen. 1802—1809.* Трудъ Шлецера доведенъ до 980 года. На Русскій языкъ переведенъ *Языковымъ* подъ заглавіемъ: «Несторъ, Русскія лѣтописи на древне-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ». 3 части. СПб. 1809—1819. Взглядъ и метода Шлецера рассмотрѣны въ сочиненіи *Попова*: «Шлецеръ. Разсужденіе о Русской исторіографіи», помѣщенномъ въ Московскомъ Сборникѣ на 1847 годъ, стр. 399—483.

Въ 1836 году вышло сочиненіе *В. Первозицкова*: «О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ», напечатанное снова, съ перемѣнами и добавленіями, въ «Трудахъ Россійской Академіи», 1841, ч. IV, стр. 77—130. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ обстоятельно описаны списки

лѣтописей: Лаврентьевскій, Кенигсбергскій, Ипатьевскій и др. Въ третьемъ представлены извлеченія изъ лѣтописей. Во второмъ изложены заключенія автора, который желаетъ, говоря его словами, «показать, кто были наши лѣтописатели по 1240 годъ, что именно они сочинили, и каковы ихъ творенія по содержанию, по *филологическимъ* и *эстетическимъ* свойствамъ». Показанія автора объ этихъ свойствахъ весьма кратки и ограничиваются общими чертами, по большей частью вѣрными. О Несторѣ замѣчено, что онъ «дѣянія Россіянъ рассказываетъ токмо важнѣйшія, преимущественно военныя; гражданскія весьма рѣдко и кратко. Не смотря на сіе, при внимательномъ чтеніи его творенія, можно составить, если не полное, то ясное понятіе о степени просвѣщенія, образѣ правительства, обычаяхъ и нравахъ Славянъ и Варяговъ, о состояніи Россіи вообще подъ управленіемъ киязей, о дѣяніяхъ и характерахъ сихъ послѣднихъ; можно проводить причины и слѣдствія происшествій. Несторъ судить о поступкахъ людей всегда справедливо. Разговоры и рѣчи, которыя вставляетъ онъ въ уста дѣйствующихъ особъ, приличны имъ, обстоятельствамъ и духу времени. Многія картины его живописны. Что принадлежитъ до слововыраженія Несторова, то можно сказать о немъ вообще, что оно есть смѣсь церковнаго языка съ народнымъ; Несторъ писалъ какъ говорилъ и читался въ книгахъ» и т. д. (XXXV, стр. 101—103). Перевощиковъ полагаетъ, что Несторъ кончилъ лѣтопись 1074 годомъ (XXXIII, стр. 99—100). По мнѣнію же другихъ трудъ Нестора оканчивается позднѣе: Татищевъ полагаетъ, что 1093 годомъ; Карамзинъ, равно какъ и большая часть послѣдующихъ писателей, — 1110¹; Бутковъ — 1113; Миллеръ — 1115; Шлегель — 1116.

1. 1110 годъ принимается на основаніи доказательствъ, подобныхъ слѣдующимъ, приведеннымъ въ статьѣ г. *Бюллера*: О Несторовой лѣтописи, стр. 71—72:

- 1) Съ 1110 г. начинаются большія разногласія въ спискахъ: Лаврентьевскомъ, Радзивилловскомъ и Ипатьевскомъ, въ чемъ никакъ нельзя обвинять переписчиковъ, которые до 1110 года не допускали же такихъ разногласій.
- 2) Повтореніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ и фактовъ изложенія, помѣщенныхъ прежде, напр. Ипатьевскій списокъ подъ 1111 годомъ повторяетъ со всеми подробностями кияжескій съездъ на Долобѣхъ.

Въ 1839 году г. *Погодинъ* издалъ историческое изслѣдованіе о Несторѣ. Оно помѣщено и въ «Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ М. Погодина о Русской исторіи», 1846, т. I, стр. 3—229. Авторъ опредѣляетъ источники лѣтописи и видъ, въ коемъ она дошла до насъ, и доказываетъ ея достоверность.

Въ сочиненіи г. *Буткова*: «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ наветъ скептиковъ», СПб., 1840, рѣшаются вопросы: о степени образованности лѣтописца и его вѣка (стр. 1—29 и 157—176), о средствахъ Нестора къ собранію матеріаловъ для лѣтописи (стр. 195—208), о связи съ лѣтописью другихъ сочиненій Нестора (стр. 188—194) и др. Статья того же автора: «Отвѣтъ на новыи вопросъ о Несторѣ, лѣтописцѣ Русскомъ» напечатана въ *Современникѣ*, 1850, № 9, отд. III, стр. 1—52. Она имѣетъ въ виду опроверженіе мнѣній о Несторовой лѣтописи, высказанныхъ г. Казанскимъ. Замѣчанія г. *Казанскаго* и отвѣты его на возраженія см. *Временникъ*, 1849, кв. 1 и 3; 1850, кн. 10; 1852, кн. 13; — *Отечественныя Записки*, 1851, т. LXXIV, отд. VIII, стр. 80—99. Цель статей Казанскаго показать, что части лѣтописи, изданной археографическою комиссіею подъ названіемъ «древняго текста лѣтописи Нестора», не всѣ одинаково древни и не принадлежатъ одному и тому же автору.

Въ сочиненіи *Кубарева*: «Несторъ, первый писатель Россійской исторіи церковной и гражданской» (помѣщен. въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ. 1842. Томъ IV, книжка 4) доказывается, что «Несторъ есть сочинитель извѣстной намъ лѣтописи, и что ни внутреннее содержаніе оной, ни вліяніе постороннихъ отношеній не сильны отнять у него сей чести». Въ

описанный у Нестора годъ 1103 годовъ; даже самая рѣчь Мономахъ одна и та же, только въ Нпатовскомъ спискѣ подновлена и расширена противъ помѣщенной у Нестора; или подъ 1113 г. описаніе знаменія, бывшаго въ 19 день марта, есть повтореніе такого же описанія у Нестора подъ 1064 годовъ.

- 3) Слогъ продолженія и точка зрѣнія на происшествія рѣшительно не подходятъ на Несторовскіе; стоитъ только сравнить какой либо Несторовъ панегирикъ съ любымъ панегирикомъ его продолжателей, чтобы убѣдиться въ невозможности приписать Нестору продолженіе лѣтописи послѣ 1110 года.

заключеніе авторъ говоритъ: «я оставляю читателя его собственному эстетическому чувству: я поведу его въ галерею картинъ, но разнообразію и изяществу изображеній для воображенія и чувства». Эти картины выбраны изъ княженія Ольги, Святослава и Владимира, и слѣдуютъ за отрывками изъ повѣсти о Борисѣ и Глебѣ и жизнеописанія св. Осодосія, какъ доказательство, что всѣ три произведенія принадлежатъ Нестору. — Въ связи съ изслѣдованіемъ о Несторѣ находится сочиненіе *того же автора*: «О патерикѣ Печерскомъ», помѣщен. въ Чтеніяхъ Моск. историческаго общества. 1846—47 г. № 9. Отдѣлъ Изслѣдованій, стр. 1—22.

Въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» 1843 г. книжка II и III помѣщены двѣ статьи г. *Литвина* о Русскихъ лѣтописяхъ. Первая подъ названіемъ: «Краткій обзоръ Русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С. Петербургскихъ и Московскихъ» стр. 3—57 заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о пятидесяти двухъ спискахъ, поступившихъ въ Археографическую Коммиссію, и о нѣсколькихъ лѣтописныхъ сборникахъ въ библіотекахъ Московскихъ: Синодальной, Типографской, бывшей Погодина, бывшей Царскаго и Общества исторіи и древностей. — Во второй, обширной статьѣ подъ заглавіемъ: «Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекахъ С. Петербургскихъ и Московскихъ» (стр. 58—396) говорится въ началѣ о спискахъ хронографовъ (стр. 62 — 77; большую же часть статьи составляетъ подробное изложеніе мнѣній о началѣ и древности Русской лѣтописи, о Византійскомъ вліаніи на нее, и изслѣдованіи о Несторовой лѣтописи. Рассмотрѣны мнѣнія, труды и заслуги ученыхъ, занимавшихся лѣтописями: Байера, Татищева, Миллера, Шлецера, Карамзина, Оверса, Н. Строева, барона Розенкампа, взгляды послѣдователей скептической школы, и наконецъ сочиненія Погодина и Буткова, изслѣдованія конухъ о Несторовой лѣтописи разсматриваются съ особенною подробностію. Указаны и труды другихъ изслѣдователей нашей старины.

Изслѣдованіе г. *Бильяса*: «О Несторовой лѣтописи» (напечатанное въ 1847 году) представляетъ послѣдовательное

обозрѣніе Несторовой лѣтописи, сопровождаемое указаніемъ ея источниковъ и историческими объясненіями, въ концѣ обращено особенное вниманіе на взаимныя отношенія князей, открывающіяся изъ лѣтописи. Авторъ опредѣляетъ и литературное достоинство лѣтописи. Какъ образецъ взгляда, господствующаго въ изслѣдованіи, можно привести слѣдующую характеристику Нестора: «Несторъ постигъ съ большою отчетливостью въ описаніи Изяславова княженія, столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ и произведшаго большой переворотъ въ политическомъ устройствѣ древней Руси; онъ не только добросовѣстно передать политическую исторію того времени, но удачно познакомилъ насъ и съ другими сторонами народной жизни. Его описаніе Кіевонечерскаго монастыря и тамошнихъ иноковъ, прославившихся подвигами благочестія, заслуживаетъ полное изученіе и превосходно очеркиваетъ религіозную сторону народной жизни; а рассказы о волхвахъ и кудесникахъ, явившихся въ Новгородѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и Бѣль-озерѣ, и производившихъ большія движенія въ народѣ, указываютъ намъ на нравственную и умственную сторону народнаго духа. Изъ всѣхъ этихъ описаній, съ перлага взгляда кажущихся приставными и лишними, вытекаетъ полная и стройная исторія Руси XI вѣка: здѣсь мы видимъ, какъ возможности многихъ политическихъ событій утверждаются на нравственныхъ явленіяхъ, и какъ, на оборотъ, сии послѣдніе получаютъ свою достоверность отъ первыхъ. Здѣсь заслуга и умъ Нестора — неоцѣнимы: онъ во всѣхъ фазахъ жизни умѣлъ подмѣтить движеніе и борьбу стараго съ новымъ и новаго со старымъ, борьбу элемента Скандинавскаго съ Славянскимъ и Христіанства съ язычествомъ, и передать эту борьбу съ изумительною точностію. Несторово описаніе Изяславова княженія заслуживаетъ глубокое изученіе; этотъ періодъ времени есть одинъ изъ важнѣйшихъ во всей Русской исторіи: до Изяслава, можно сказать, наша лѣтописная Русь, т. е. смѣсь пришельцевъ съ туземцами, только знакомилась сама съ собою и каждая сторона только еще пыталась свои силы, но при Изяславѣ это знакомство разрѣшилось борьбою разностороннихъ идей, которая на долго установила ходъ событій въ нашей исторіи. Несторъ вполне

понять важность этого времени, и посему не удовольствовался одною исторією Кіева, какъ дѣлать прежде; но, по возможности, распространилъ свой взглядъ на всю Русь и преимущественно сосредоточилъ свое вниманіе на обще-Русскихъ событіяхъ. Говоря о Несторѣ, какъ о вѣрномъ и глубокомысленномъ историкѣ, нельзя пропустить безъ вниманія и художническую сторону его дѣтисни. Посмотрите, какъ у него величественно и характерно описаніе похоронъ Ізяслава подлѣ 1078 г. — I, 86; сколько правды, сколько современности и художническаго достоинства въ этомъ, по видимому, безыскусственномъ разсказѣ и т. д. (стр. 55—56). — Статья Бѣльева помѣщена въ Чтеніяхъ Московск. Историч. Общества. 1847. № 5, въ отдѣлѣ «изслѣдованій». —

Сверхъ специальныхъ изслѣдованій о Несторѣ, должны были названы и труды ученыхъ, касающіеся дѣтисни какъ части издаваемого ими обширнаго цѣлаго. Сюда принадлежатъ: «Исторія Государства Россійскаго», *Карамзина*; — «Исторія Русскаго народа», *Полескаго*; — «Повѣствованіе о Россіи», *Арцыбашева*.

Въ исторіи *Карамзина*, въ первомъ томѣ и въ шести начальныхъ главахъ втораго — съ многочисленными примѣчаніями, находится много указаній весьма важныхъ по отношенію къ Несторовой дѣтисни.

Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», проф. *Соловьева* обозрѣвается составъ нашихъ дѣтисней и указываются «религіозныя, нравственныя, политическія и научныя понятія» древняго дѣтиснени и его продолжателей. См. Т. III, 1852. стр. 114—119.

Въ «Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней», профессора *Шварца* (Томъ I, часть 2. 1846. стр. 65—128, вся седьмая лекція посвящена Нестору. Въ ней говорится объ источникахъ дѣтисни, о формѣ ея изложенія и языкѣ, объ отношеніи къ западнымъ хроникамъ, и т. п. «Языкъ Нестора — говоритъ авторъ — въ грамматическихъ формахъ носитъ слѣды самаго сильнаго вліянія грамоты Словено-Болгарской, т. е. нашей древней церковной.... Но не смотря на то въ языкѣ Нестора приближается сильно живая, устная рѣчь. По-

погласіе Русскихъ словъ, повтореніе предлоговъ, будущее время вмѣстѣ настоящаго и другіе обороты указываютъ на народную стихію». Отличіе Нестора отъ западныхъ лѣтописцевъ представлено такъ: «Въ Несторѣ, какъ и во всѣхъ древнихъ лѣтописцахъ нашихъ, замѣчается отсутствіе личности, которая, напротивъ, такъ господствуетъ въ западныхъ лѣтописателяхъ. Въ Виль-Гардуиѣ видѣнъ смѣлый предводитель ватаги Французскихъ смѣльчаковъ, занятый только водвореніемъ въ Константинополь и презирающій все Византійское; въ Дакловани Виллани — обанкрутившійся купецъ, который богомольнымъ странникомъ явился въ Римъ, влюбился въ великолѣпіе его древнихъ памятниковъ, и гордое славолобіе языческаго Рима перенесъ на преданія своего отечества; въ Фруасарѣ трубадуръ, искатель приключеній и любовникъ, который бродитъ по феодальнымъ замкамъ, угождаетъ дамамъ и рыцарямъ, собираетъ и записываетъ ихъ разсказы. Отсюда, изъ этой личности происходитъ заманчивость хроникъ Запада; всегда личныя страсти оживляютъ ихъ повѣствованіе.... Нашъ лѣтописецъ Несторъ и его послѣдователи не имѣютъ этой выгоды западныхъ лѣтописцевъ. Въ немъ видимъ мы лицо безстрастное, человека, не увлекаемаго никакимъ пристрастіемъ. Но эта личность уступаетъ мѣсто другой великой личности и становится за нее: личности самаго народа Русскаго. Да, нашъ Несторъ — это сама народная совѣсть, принявшая образъ лѣтописца; это — народныя уста, которыми высказалась первоначальная жизнь нашего отечества» (стр. 95—97). —

Въ сочиненіяхъ, разсматривающихъ другіе предметы, а не лѣтописи собственно, встрѣчаются иногда весьма цѣнныя замѣчанія, поясняющія нѣкоторыя части лѣтописи. Указанія на подобныя сочиненія находятся на страницахъ предлагаемаго изслѣдованія.

II.

Языкъ Несторовой лѣтописи разсмотрѣнъ *Миклошичемъ* въ трудѣ его: *Über die Sprache der ältesten Russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's*. Wien. 1855. (Aus dem Novemberhefte des Jahrganges 1854 der Sitzungsberichte der philosophisch-histori-

schen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften besonders abgedruckt). Авторъ разсматриваетъ фонетику и формы склоненія и спряженія — lautlehre (стр. 5—36) и formenlehre (стр. 37—44); синтаксиса же не касается. Цель труда — возстановить древнѣйшій текстъ въ его надлежавшемъ филологическомъ видѣ. При этомъ авторъ, какъ самъ говоритъ, руководствовался слѣдующими основанiями:

1) Несторъ держался опредѣленныхъ правилъ въ употребленiи языка, хотя во многихъ случаяхъ и безсознательно. Непоследовательность, съ кѣторою на одной и той же страницѣ одно и то же слово писалось разнѣмъ образомъ, должна быть отнесена не къ Нестору, а къ невѣжественнымъ переписчикамъ.

2. Взглядъ самого Нестора на языкъ, коимъ онъ писалъ, выраженъ имъ въ словахъ: «Словѣнскъ языкъ и Рускый — одинъ». Поэтому при филологическомъ возстановленiи древняго текста необходимо положить въ основу языкъ церковно-Славянскiй; но такимъ образомъ, чтобы

3) Уклоненiя отъ церковно-Славянскаго, встречающiяся въ спискахъ Несторовой лѣтописи и современныхъ имъ памятникахъ, писанныхъ въ Россiи, были непременно удержаны въ возстановленномъ текстѣ.

Сообразно съ принятыми основанiями допущены уклоненiя отъ древняго списка въ родѣ слѣдующихъ:

Лаврентьевскiй списокъ, л. 1 об.

Се повѣсти времѣнныхъ лѣтъ,
ѡ куду есть пошла Руская земля,
кто въ Киевѣ нача пераѣ княжити,
и ѡ куду Руская земля стала есть.
Се начнемъ повѣсть сию, и т. д.

Miklosich: Ueber die Sprache Nestor's, стр. 41.

Се повѣсть вѣмѣнныхъ лѣтъ,
отъ коуду естъ пошла Роусьская
земля, кѣто въ Кѣевѣ нача первоу
княжити, и отъ коуду Роусьская
земля стала естъ. Се начѣмъ по-
вѣсть сию.

Подобныя измѣненiя становятся тѣмъ справедливе, чѣмъ болѣе древнихъ памятниковъ принято въ соображенiе. Миклошичъ же пользовался только слѣдующими: Лаврентьевскимъ спискомъ по изданiю археографической комиссiи, не предназначенному для филологическихъ изслѣдованiй; лѣтописцемъ

Переяславля-Суздальскаго, изданнымъ кн. Оболенскимъ; кодексомъ Ганкеништейна, какъ называется онъ по имени прежняго владѣльца. Кодексъ заключаетъ въ себѣ: чтенія изъ Евангелія и Апостола, воскресные каноны и другія пѣсни октоиха, и синаксарь; писанъ, какъ полагаютъ, въ Россіи въ XII—XIII в. (см. «Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, соч. Добровскаго». 1833. Часть I, стр. XXIX — XXXI Русск. перев.). Миклошичъ не отдѣляетъ оригинальной части лѣтописи отъ заимствованной, и требованія Русско-Славянскаго грамматика, извлекаемыя имъ изъ языка Нестора, примѣняетъ и къ выпискамъ изъ хроники Амаргола, переведенной не въ Россіи и не Русскими. — Достоинство труда Миклошича состоитъ въ собраніи и систематическомъ расположеніи данныхъ для грамматика лѣтописнаго языка. —

Словарь къ лѣтописи Несторовой былъ приготовленъ покойнымъ *Карелинымъ*, авторомъ весьма замѣчательной статьи о Востоковѣ, помѣщенной въ 1-мъ т. «Отечественныхъ Записокъ» 1855 г. Изданіе этого словаря, по окончательной его обработкѣ, приняло на себя 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ. (См. Извѣстія, Т. IV, выпускъ 5, стр. 252 — 253).

